

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА 6/2004

Визит Президента РФ
В.В.Путина в КНР

•
Военно-техническое
сотрудничество между
Россией и Китаем

•
США и Вьетнам после военного
конфликта в Индокитае

•
Транссиб — "окно в Европу"
для стран АТЭС

•
Цянь Цичэнь
о внешней политике КНР

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

6/2004

Ноябрь - Декабрь

Научный и общественно-политический журнал, выходит шесть раз в год на русском и четыре раза в год на английском языках

Выпускается под руководством Отделения общественных наук РАН

Издается с марта 1972 года

ДОКУМЕНТЫ

- Совместная декларация Российской Федерации и Китайской Народной Республики..... 6
- План действий по реализации положений Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между РФ и КНР (2005-2008 годы)..... 13 ✓

ПОЛИТИКА

- К.Внуков.* Россия-Китай: углубление партнерства и взаимодействия (к итогам визита Президента РФ В.В.Путина в КНР)..... 26 ✓
- А.Шлындов.* Военно-техническое сотрудничество между Россией и Китаем. Современное состояние, проблемы, перспективы..... 29
- Нгуен Ван Бинь.* Развитие отношений между Вьетнамом и США после окончания военного конфликта в Индокитае..... 47
- Ф.Хамраев.* Китайско-туркменские отношения на современном этапе..... 56

ОБЩЕСТВО

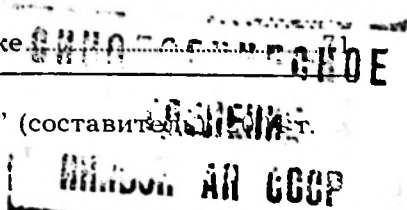
- Н.Ахметшин.* Смертная казнь в КНР: правовое регулирование и практика применения..... 59

ЭКОНОМИКА

- В.Портяков.* Россия и Китай в мировой экономике..... 60

© Российская академия наук, 2004 г.

© Редколлегия журнала "Проблемы Дальнего Востока" (составитель.....)

19 204

<i>И.Троекурова.</i> Российская Транссибирская магистраль — “окно в Европу” для стран-членов АТЭС.....	81
<i>Я.Бергер.</i> К столетию Сюз Муцяо.....	94

ИСТОРИЯ

<i>Ян Куйсун.</i> Общая характеристика отношений между ВКП(б) (КПСС), Коминтерном и КПК до 1949 года.....	99
<i>А.Усова.</i> К вопросу о численности жителей зазейских деревень и их этнический состав во второй половине XIX века.....	108
<i>О.Пироженко.</i> “Утерянная земля”: китайско-корейские разногласия в трактовке истории Когурё.....	116
<i>И.Григораш.</i> Российско-корейский договор 1884 г. о дружбе и торговле (к 120-летию заключения).....	127

ЭНЦИКЛОПЕДИЯ “ДУХОВНАЯ КУЛЬТУРА КИТАЯ”

<i>Б.Доронин.</i> Историописание в императорском Китае.....	140
---	-----

ПАМЯТНЫЕ МЕСТА КИТАЯ

<i>В.Буров.</i> Лоян.....	154
---------------------------	-----

В ОБЩЕСТВЕ РОССИЙСКО-КИТАЙСКОЙ ДРУЖБЫ

<i>Г.Куликова.</i> Юбилейные даты в истории КНР и российско-китайских отношениях.....	161
---	-----

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>А.Карнеев.</i> Международная конференция по современной истории Китая.....	165
---	-----

РЕЦЕНЗИИ

<i>В.Кашин.</i> Цянь Цичэнь. Десять очерков по проблемам внешней политики.....	169
<i>Г.Кадымов.</i> Сборник статей “АСЕАН и ведущие страны АТР: проблемы и перспективы”.....	175
<i>С.Лузянин.</i> Материалы и документы о кыргызско-китайской государственной границе.....	177

ЮБИЛЕЙ УЧЕНОГО

Андрею Мефодьевичу Ледовскому 90 лет.....	179
Ирине Тимофеевне Мороз 80 лет.....	181
К 75-летию Юрия Семеновича Пескова.....	183

Содержание журнала “Проблемы Дальнего Востока” за 2004 год.....	186
---	-----

Главный редактор А.М. Григорьев

Редакционная коллегия

Р.М. Аспанов, В.Н. Барышников (зам. главного редактора), Я.М. Бергер (зам. главного редактора), А.В. Болятко, О.Н. Борох, Ю.М. Гарушянц, В.И. Глушин, Л.М. Гудошников, А.С. Давыдов (зам. главного редактора), В.Л. Ларин, А.В. Ломанов, А.Е. Лукьянов, П.А. Минакир, В.В. Михеев, В.Н. Павлятенко, А.Н. Панов, Л.С. Переломов, В.Я. Портяков, И.А. Рогачев, В.Ф. Сорокин, М.Л. Титаренко, Н.С. Тихонов (ответственный секретарь), В.П. Ткаченко.

Статьи этого номера

Россия-Китай: углубление партнерства и взаимодействия (к итогам визита Президента РФ В.В.Путина в КНР)

Российский дипломат, участник подготовки визита Президента РФ В.В.Путина в Китай и состоявшихся в октябре 2004 г. в Пекине двусторонних переговоров комментирует результаты визита, акцентируя внимание на важном значении достигнутых в его ходе договоренностей.

А.Шлындов. Военно-техническое сотрудничество между Россией и Китаем. Современное состояние, проблемы перспективы

Автор рассматривает комплекс проблем развития военно-технического сотрудничества между Россией и Китаем, характеризующих значение связей в этой сфере для обеих стран, приводит свои аргументы, критикуя некоторые выводы российских и зарубежных экспертов о военном, научно-техническом и технологическом потенциале КНР, боевых возможностях НОАК.

Нгусн Ван Бинь. Развитие отношений между Вьетнамом и США после окончания военного конфликта в Индокитае

Вьетнамский аналитик прослеживает процесс становления послевоенных отношений между СРВ и США, завершившийся, как известно, их полной нормализацией в августе 1995 г.

Основным препятствием на пути восстановления отношений было американское эмбарго на торговлю с Вьетнамом. Автор излагает основные направления политики вьетнамского правительства, нацеленные на устранение этого и другие препятствий и поиск компромиссных подходов, позволивших добиться ответных шагов Вашингтона, разрешения разногласий и заключения в конечном счете соглашения о политическом урегулировании.

Ф.Хамраев. Китайско-туркменские отношения на современном этапе

В статье рассматриваются двусторонние туркмено-китайские отношения с 1992 года по настоящее время и основные направления в сотрудничестве Туркменистана и КНР на фоне общих задач политики Китая в Центральной Азии.

Н.Ахметшип. Смертная казнь в КНР: правовое регулирование и практика применения

В статье, тема которой приобретает особую актуальность в свете ведущихся в России дискуссий отечественных правоведов о восстановлении смертной казни, рассматриваются вопросы правового регулирования и практики ее применения в современном Китае. Высшая мера наказания в нынешнем Уголовном кодексе КНР закреплена в санкциях значительного количества статей его Особой части. В то же время во всех статьях закона, где предусмотрена возможность применения смертной казни, установлены и иные виды наказания, в том числе пожизненное заключение и лишение свободы на различные сроки.

Автор рассказывает о наиболее крупных уголовных процессах, в ходе которых смертные приговоры были вынесены высокопоставленным коррумпированным чиновникам, наркодельцам, похитителям людей и другим особо опасным преступникам.

В.Портяков. Россия и Китай в мировой экономике

В статье рассматривается соотношение долей Китая и России в мировой экономике и торговле, место КНР и РФ в международном разделении труда. Сделан вывод о том, что зона совпадающих интересов и взаимодополняемости двух стран в мировой экономике шире зоны их конфликтных интересов. Активизация взаимодействия с Китаем представляет реальный рычаг усиления позиций России в системе мирового хозяйства.

И.Троекурова. Российская Транссибирская магистраль — “окно в Европу” для стран-членов АТЭС

Учитывая потребности глобализации мировой экономики, автор, проанализировав потенциал Транссиба, предлагает такие меры, которые способствовали бы развитию этого потенциала и превращению Транссиба в крупнейшую международную магистраль, способную на высоком современном уровне обеспечить транспортировку грузов из АТЭС в Европу.

Ян Куйсун. Общая характеристика отношений между ВКП(б) (КПСС), Коминтерном и КПК до 1949 года

Статья видного китайского историка посвящена отношениям между компартиями СССР и Китая в период 1920-х — 1940-х гг., вплоть до образования КНР, роли и помощи Коминтерна в процессе создания и становления КПК.

А.Усова. К вопросу о численности жителей зазейских деревень и их этнический состав во второй половине XIX века

После заключения Айгуньского договора в 1858 г., по которому к Российской империи было присоединено Северное Приамурье, встал вопрос о численности маньчжуров, китайцев, дауров на данной территории.

Учитывая, что демографические процессы на этой территории ранее специально не изучались, русская администрация Амурского края начиная с конца 60-х гг. XIX в. приступила к сбору сведений о соседях, живущих за рекой Зеей. Несмотря на то, что в дальнейшем появилось довольно много материалов, собранных русскими путешественниками и чиновниками, их разношерстность, противоречивость не позволяли определить более точные цифры как количества зазейских деревень, так и их жителей, особенно китайцев, маньчжуров и даур.

На базе российских и китайских публикаций автор пытается установить более точную численность зазейских деревень и их этнический состав во второй половине XIX века. Материалы статьи, сведенные в таблицы, позволяют более наглядно и точно представить число деревень и жителей на данной территории.

О.Пироженко. “Утерянная земля”: китайско-корейские разногласия в трактовке истории Когурё

Статья анализирует корни, историю и скрытые причины дискуссии китайских и корейских историков относительно принадлежности древнекорейского государства Когурё. Показана роль этой проблемы в общем контексте структур дальневосточного национализма, а также соперничества влияний КНР и РК на корейское землячество в Китае.

И.Григораш. Российско-корейский договор 1884 г. о дружбе и торговле (к 120-летию заключения)

На основе архивных документов МИД России в статье проводится анализ текста договора и рассматривается проблема целесообразности его заключения. Впервые в российской историографии отражены некоторые противоречивые моменты, содержащиеся в договоре, оценивается политическое значение ряда его статей. Затронуты также неразработанные прежде сюжеты, связанные с заключением договора 1884 г., в частности, роль барона фон Меллендорфа в этом процессе. В статье содержится новая трактовка самого процесса "открытия" Кореи в 1880-е гг., освещены позиция российского МИДа и стремление российских дипломатов не форсировать проникновение в Корею иностранцев по причине слабости самой России на Дальнем Востоке: с 1883 г. Россия последовательно отстаивала идею независимости Корейского королевства.

Статья вводит в научный оборот ранее неизвестные документы, в том числе из переписки военного губернатора Приморской области И.Г.Баранова.

Б.Доронин. Историописание в императорском Китае

Китайская историография — особый и необыкновенно яркий феномен цивилизации этой страны. Она необычайно самобытна и не имеет аналогов в мировой исторической науке.

В статье Б.Доронина рассказывается как шел процесс развития историописания и создания исторических произведений за все время существования императорского Китая.

В работе разбираются государственные структуры, которым было поручено заниматься специализированной историографической службой при дворе. Дается анализ основных исторических трудов, династийных историй, их форм и жанров, показывается необычная самобытность и ярко выраженная специфика этих исторических произведений.

Автор считает, что в них сосредоточен уникальный по своему объему и значению материал о прошлом Китая за несколько десятков веков.

Огромную роль произведения придворных историков, считает Б.Доронин, играли в утверждении в общественном сознании морально-этических норм, восходящих к конфуцианству, лучших черт национального китайского характера, некоторых норм политической культуры, сложившейся в Поднебесной.

Документы

Совместная декларация Российской Федерации и Китайской Народной Республики

По приглашению Председателя Китайской Народной Республики Ху Цзиньтао Президент Российской Федерации В.В.Путин 14-16 октября 2004 года посетил Китайскую Народную Республику с официальным визитом. Руководители обеих стран, придавая особое значение 55-летию установления дипломатических отношений между двумя государствами, которое отмечается в этом году, глубоко и всесторонне обсудили нынешнее состояние и перспективы развития российско-китайских отношений, отметив, что вне зависимости от любых изменений международной обстановки курс на углубление российско-китайских отношений стратегического взаимодействия и партнерства является приоритетным направлением внешней политики двух стран. Это отвечает фундаментальным интересам обоих государств и народов двух стран, способствует поддержанию мира и стабильности, а также экономическому развитию в регионе и во всем мире.

Руководствуясь искренним стремлением продолжить движение по пути наращивания и углубления российско-китайских связей и контактов во всех сферах взаимодействия, открыть новые перспективы их развития, главы двух государств заявляют о следующем.

I

За последние 10 лет своего развития российско-китайские отношения вышли на небывало высокий уровень. Важнейшей вехой на этом пути стал Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой от 16 июля 2001 года — программный документ, определивший развитие российско-китайских отношений. Стороны будут верны духу и принципам, определенным в Договоре, продолжат предпринимать необходимые усилия для всестороннего претворения Договора в жизнь и реализации всех достигнутых Сторонами соглашений о сотрудничестве, а также непрерывного наполнения новым содержанием российско-китайских отношений стратегического взаимодействия и партнерства.

Стороны подчеркнули, что укрепление политического взаимодоверия, углубление экономического сотрудничества, расширение гуманитарных и общественных связей, а также тесная координация и сотрудничество в международных делах являются важным содержанием российско-китайских отношений стратегического взаимодействия и партнерства.

Стороны утвердили План действий по реализации положений Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой на 2005—2008 годы. Стороны полагают, что в ближайшие несколько лет данный документ будет иметь важное практическое значение для реализации Договора, углубления и расширения сотрудничества во всех областях, а также для дальнейшего развития российско-китайских отношений стратегического взаимодействия и партнерства.

Стороны достигли договоренности об объявлении 2006 года Годом России в Китае, а 2007 года — Годом Китая в России.

Стороны подтвердили готовность оказывать взаимную поддержку в важнейших вопросах, касающихся государственного единства, суверенитета и территориальной целостности. Российская Сторона подтвердила, что будет и впредь придерживаться своей принципиальной позиции по проблемам Тайваня и Тибета, закрепленной в Договоре о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой от 16 июля 2001 года и двусторонних политических документах. Российская Сторона признает, что в мире существует только один Китай. Правительство Китайской Народной Республики является единственным законным правительством, представляющим весь Китай, а Тайвань является неотъемлемой частью Китая. Российская Сторона выступает против независимости Тайваня в какой бы то ни было форме, подтверждает, что она поддерживает неприятие Китайской Народной Республикой “двух Китаев”, “одного Китая, одного Тайваня”, выступает против принятия Тайваня в ООН и другие международные организации, членами которых являются лишь суверенные государства, не намерена поставлять вооружения Тайваню. Российская Сторона признает Тибет в качестве неотъемлемой части Китая. Китайская Сторона поддерживает все усилия Российской Стороны по защите государственного единства и борьбе с террористическими и сепаратистскими силами в Чечне.

Стороны отметили, что обмен визитами глав государств, парламентов и правительств двух стран, а также проведение заседаний подкомиссий в рамках механизма регулярных встреч глав правительств сформировали базовую схему взаимодействия между двумя странами. Это способствует своевременной координации позиций и тесному сотрудничеству Сторон по важным двусторонним и международным вопросам, помогает давать ответы на вызовы современности. Россия и Китай намерены прилагать усилия к развитию и совершенствованию всех механизмов, призванных обеспечить бесперебойное функционирование российско-китайского сотрудничества в политической, экономической, научно-технической, гуманитарной и международной областях. Стороны считают, что скорейший запуск механизма консультаций на высоком уровне по вопросам безопасности имеет важное значение.

Стороны отмечают, что достигнутые договоренности по вопросу о прохождении линии российско-китайской государственной границы на двух ее остававшихся несогласованных участках являются сбалансированным и оптимальным вариантом, при котором в политическом выигрыше находятся обе Стороны. Это означает, что подписание Дополнительного соглашения о российско-китайской государственной границе на ее Восточной части, а также два ранее подписанных соглашения о государственной границе определили прохождение линии российско-китайской границы на всем ее протяжении (более 4300 километров). Таким итогом следует дорожить, и он заслуживает всяческого одобрения и признания. Решение пограничного вопроса между Россией и Китаем является залогом передаваемых из поколения в поколение дружбы, добрососедства и сотрудничества между народами двух стран, важным вкладом в обеспечение безопасности и стабильности в Азиатско-Тихоокеанском ре-

гионе и во всем мире. Такое решение является успешным примером разрешения пограничных споров для всех государств мира. Российско-китайские соглашения о государственной границе, а также другие договоренности, связанные с государственной границей, открывают двум Сторонам дополнительные возможности для осуществления совместных действий приграничных регионов обеих стран в таких конкретных областях, как защита окружающей среды и рациональное использование природных ресурсов, судоходство, хозяйственное сотрудничество, обеспечение безопасности и стабильности в районе границы, что будет способствовать обогащению содержания российско-китайских отношений стратегического взаимодействия и партнерства. Опыт Сторон показал, что именно мирный диалог, справедливость и равенство, равноправные консультации, взаимное понимание и взаимная уступчивость, сбалансированность интересов обеих стран является правильным и эффективным путем разрешения таких сложных и чувствительных вопросов, как пограничные.

Стороны подчеркнули, что всестороннее углубление российско-китайского торгово-экономического сотрудничества, включая энергетическое и инвестиционное, является важным фактором укрепления и развития российско-китайских отношений стратегического взаимодействия и партнерства. В развитии торгово-экономического сотрудничества отмечается положительная динамика, и достижения цели увеличения к концу текущего года объема двустороннего товарооборота до 20 млрд. долларов является вполне осуществимым. Однако потенциал двустороннего экономического сотрудничества этим далеко не исчерпывается. Стороны намерены предпринять эффективные совместные меры и разработать планы всестороннего сотрудничества на среднесрочную и долгосрочную перспективу с целью совершенствования структуры двусторонней торговли, расширения торговли машинотехнической и электронной продукцией, оптимизации форм и методов торгово-экономического и инвестиционного сотрудничества, делая упор на реализации крупных совместных проектов в различных областях. Стороны будут стимулировать сотрудничество в энергетической сфере с целью достижения на данном направлении реального прогресса, расширять сотрудничество в сфере мирного использования атомной энергии, укреплять научно-техническое сотрудничество в таких приоритетных отраслях как космос, энергетика, включая атомную, новые материалы, химическая промышленность, биотехнологии, информационные технологии и связь.

Стороны считают, что создание ассоциаций предпринимателей России и Китая имеет важное значение для продвижения российско-китайского торгово-экономического сотрудничества и приветствуют проведение в Пекине под эгидой Российско-Китайского Комитета дружбы, мира и развития первого заседания Российско-Китайского Делового совета.

Китайская сторона решительно поддерживает скорейшее присоединение России к Всемирной Торговой Организации. Благодаря усилиям Сторон, успешно завершились российско-китайские переговоры о доступе на рынки двух стран при присоединении России к ВТО, подписаны соответствующие документы, заявлено о признании друг друга в качестве стран с полностью рыночной экономикой. Стороны полагают, что это является важным воплощением российско-китайских отношений стратегического взаимодействия и партнерства, и выражают желание после присоединения России к ВТО укреплять сотрудничество в рамках данной организации на основе принципов взаимного уважения, равенства и взаимной выгоды.

II

Стороны провели обстоятельный обзор имеющихся возможностей и преимуществ ООН в разрешении важнейших международных и региональных

вопросов и выступают в поддержку многосторонних подходов, развития и усиления роли ООН и Совета Безопасности ООН. Стороны убеждены в безальтернативности ведущей роли ООН в таких областях, как обеспечение мира и стабильности во всем мире, эффективное противодействие новым вызовам и угрозам, обеспечение справедливого и рационального миропорядка, равноправного развития всех государств. Стороны подчеркнули, что закрепленные в Уставе ООН дух и принципы остаются базовыми, которым необходимо следовать в международных делах.

Стороны считают необходимым разрешать международные споры и кризисные ситуации под эгидой ООН на основе общепризнанных принципов международного права. Любые действия по принуждению подлежат утверждению Советом Безопасности ООН и должны осуществляться под его надлежащим контролем.

Стороны признают необходимость проведения соответствующей реформы Совета Безопасности ООН, с тем чтобы укрепить его способность реагировать на вызовы и угрозы, придать ему больше представительности и повысить эффективность его работы.

Стороны выразили готовность совместно с другими странами прилагать неустанные усилия по строительству развивающегося и гармоничного мира, формированию нового справедливого, рационального международного политического и экономического миропорядка.

III

Стороны обсудили состояние и перспективы борьбы с международным терроризмом, признали серьезную опасность терроризма, сепаратизма и экстремизма для безопасности суверенных государств для мира и стабильности во всем мире, выразили готовность к налаживанию всеобъемлющего сотрудничества на двусторонней и многосторонней основе в рамках соответствующих региональных организаций и международных структур. Стороны считают, что мировое сообщество должно объединиться в решительной и бескомпромиссной борьбе с терроризмом во всех его проявлениях.

Стороны выступают за укрепление глобального антитеррористического сотрудничества на платформе ООН и выработку комплексной стратегии борьбы с терроризмом. Стороны подчеркивают, что в полной мере выполнить эту задачу можно лишь под эгидой ООН, на основе международного права, в соответствии с резолюциями Совета Безопасности ООН, а также в тесном сотрудничестве с главным координирующим центром — Контртеррористическим комитетом Совета Безопасности ООН. Стороны будут способствовать продолжению конструктивного сотрудничества Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) с указанным Комитетом в вопросах антитеррора.

Стороны полагают, что в борьбе с терроризмом не может быть “двойных стандартов”. Положить конец международному терроризму можно только общими усилиями всех государств. Не должны уходить от ответственности ни исполнители терактов, ни их вдохновители и спонсоры, прямые или косвенные. Стороны отмечают, что питательной средой для терроризма являются бедность, отсталость, социальная несправедливость, идеология экстремизма, конфликты и войны.

Стороны подтверждают, что террористы и сепаратисты Чечни и “Восточного Туркестана” являются составной частью международного терроризма. Они должны стать объектом совместной антитеррористической борьбы международного сообщества. Обе Стороны в этой связи готовы на двусторонней и многосторонней основе предпринимать целенаправленные и необходимые практические шаги. В Китае с пониманием относятся и решительно поддерживают

все действия, предпринимаемые Россией для восстановления конституционного порядка в Чеченской Республике, борьбы с терроризмом. Россия решительно поддерживает все меры, предпринимаемые Китаем в целях борьбы с террористами и сепаратистами "Восточного Туркестана" и устранения угрозы терроризма.

IV

Российско-китайские отношения стратегического взаимодействия и партнерства, взаимодействие России и Китая в ООН, ШОС и других международных организациях вносят значительный вклад в укрепление международного мира и безопасности. Построение справедливого и рационального, равноправного и взаимовыгодного, взаимоуважительного мира находит свое отражение в деятельности такой представительной международной региональной организации как ШОС.

Стороны считают, что цели и принципы ШОС соответствуют современным тенденциям развития и реалиям региона. Функционирование этой организации способствует укреплению региональной безопасности и стабильности, стимулирует совместное развитие государств этого региона. Развитие ШОС является приоритетным направлением внешней политики России и Китая. Стороны рассматривают ШОС в качестве важнейшего инструмента утверждения на евразийском континенте, прежде всего в Центральной Азии, мира, безопасности и сотрудничества — основных факторов будущего строительства многополярного миропорядка, основанного на международном праве.

V

Стороны подтверждают совместную приверженность усилиям по предотвращению размещения в космическом пространстве оружия любого вида и призывают другие страны поддержать российско-китайскую инициативу по проведению переговоров с целью достижения соответствующей международно-правовой договоренности.

Стороны подчеркивают, что распространение оружия массового уничтожения, средств его доставки и связанных с ним материалов представляет собой серьезную угрозу для международного мира и безопасности. Они считают необходимым продолжить координацию акций для противодействия этой угрозе. В этом контексте Стороны приветствуют принятие резолюции 1540 Совета Безопасности ООН, считая, что она имеет важное значение для предотвращения распространения оружия массового уничтожения, средств его доставки и связанных с ним материалов. Стороны выступают в пользу строгого выполнения этой резолюции и дальнейшего повышения роли ООН в сфере нераспространения.

Стороны придают особое значение всемерному укреплению международного режима нераспространения ядерного оружия. Они отмечают, что Договор о нераспространении ядерного оружия от 1 июля 1968 года — главная опора этого режима, важный фактор стабильности и безопасности в мире. Стороны считают чрезвычайно важным успешное проведение Конференции 2005 года по рассмотрению действия Договора о нераспространении ядерного оружия. Учитывая важность Договора о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний от 24 сентября 1996 года для процесса разоружения и укрепления режима нераспространения, Стороны выступают за скорейшее вступление его в силу. Стороны придают исключительное значение координации международных усилий в целях устранения опасности ядерного терроризма. Особое внимание они считают необходимым уделять физической защите и противодействию незаконному обороту ядерных материалов. Стороны предпримут меры для раз-

визия взаимодействия в рамках многостороннего механизма контроля за ядерным экспортом.

Создание безъядерных зон является одной из мер по обеспечению стабильности в Азии и во всем мире. Стороны всемерно поддерживают создание безъядерных зон, в особенности безъядерной зоны в Центральной Азии.

VI

Стороны выступают за Корейский полуостров, свободный от ядерного оружия. Они отмечают необходимость скорейшего мирного решения ядерной проблемы Корейского полуострова путем диалога и рассматривают шестисторонние переговоры как эффективный механизм достижения этой цели. Стороны позитивно оценивают итоги третьего раунда этих переговоров, состоявшихся в июне 2004 года.

Стороны подтверждают, что будут продолжать усилия в пользу проведения шестисторонних переговоров, всемерно стремиться к выработке решений, приемлемых для всех участников переговорного процесса. Стороны подчеркивают, что конечной целью являются обеспечение безъядерного статуса Корейского полуострова, поддержание прочного мира, стабильности, безопасности на полуострове и в данном регионе, а также содействие общему развитию.

Стороны выразили озабоченность по поводу непрекращающейся эскалации насилия в Ираке и подчеркнули необходимость скорейшей стабилизации обстановки через развитие внутрииракского диалога, сориентированного на достижение общенационального консенсуса по основным параметрам будущего государственного устройства. Стороны высказались за четкое выполнение резолюции 1546 Совета Безопасности ООН и прежде всего зафиксированного в ней временного графика политического процесса, полагая, что это поможет созданию нового демократического Ирака. В этом контексте отмечалось, что проведение международной конференции по иракскому вопросу могло бы придать дополнительную динамику усилиям по восстановлению страны. Стороны считают, что в интересах всего мирового сообщества необходимо согласованными усилиями минимизировать ущерб, нанесенный международным отношениям в результате войны в Ираке.

Стороны высказались за достижение прочного, справедливого и всеобъемлющего урегулирования арабо-израильского конфликта на основе соответствующих резолюций Совета Безопасности ООН. Они отметили, что план "дорожная карта", разработанный "четверкой" международных посредников, остается оптимальным путем реализации принципа сосуществования двух государств — Израиля и Палестины, который приведет эти страны к общим усилиям по поддержанию мира и безопасности.

Стороны выступают за развитие Афганистана как суверенного, демократического и процветающего государства, свободного от терроризма и наркотиков, живущего в мире и согласии со своими соседями и всем международным сообществом. Приоритетным направлением по-прежнему остается обеспечение прочной безопасности в этом регионе и оказание Афганистану широкой международной поддержки под эгидой ООН на протяжении всего восстановительного процесса. Эта работа должна строиться в соответствии с резолюциями Совета Безопасности ООН и под его постоянным контролем. Стороны приложат дальнейшие усилия к противодействию исходящей из Афганистана угрозы распространения наркотиков, в том числе путем участия в таких международных усилиях, как создание внешних антинаркотических поясов безопасности по периметру этой страны.

Стороны приветствуют всеобъемлющий диалог между Индией и Пакистаном. Они рассчитывают, что мирное урегулирование существующих кон-

фликтов, укрепление мер доверия, расширение торгово-экономических связей, создание новых транспортных маршрутов, развитие спортивных, культурных и других видов взаимодействия будут способствовать продвижению вперед всего комплекса отношений между этими странами, что отвечало бы их интересам, а также делу мира и безопасности в Южно-Азиатском регионе.

VII

Стороны выражают обоюдное стремление развивать диалог и координацию действий по обеспечению мира, стабильности и процветания в Азиатско-Тихоокеанском регионе, намерены тесно взаимодействовать на двусторонней и многосторонней основе с другими государствами и региональными форумами.

Стороны будут способствовать формированию в Азиатско-Тихоокеанском регионе целостной кооперативной системы безопасности и сотрудничества с равными правами для всех государств-участников. Это будет отвечать требованиям сохранения глобальной стабильности. Стороны подчеркивают актуальность инициативы ШОС о постепенном создании в Азиатско-Тихоокеанском регионе партнерской сети многосторонних объединений и выражают намерение предпринимать активные совместные меры по ее реализации.

Стороны отмечают значение Регионального форума АСЕАН (АРФ) как самого главного официального многостороннего канала в Азиатско-Тихоокеанском регионе по вопросам, связанным с безопасностью, диалогом и сотрудничеством. За более чем 10 лет этот форум стал играть важную роль в деле налаживания диалога и сотрудничества, установления взаимопонимания, углубления взаимного доверия, содействия региональной безопасности. Стороны намерены и впредь усиливать координацию деятельности и сотрудничество, внося свой вклад в развитие процесса АРФ и обеспечение региональной безопасности и стабильности.

Китайская сторона подтверждает поддержку участию России в многосторонних диалогах и сотрудничестве в данном регионе. Она разделяет и поддерживает намерение России активно подключаться к таким региональным диалоговым процессам, как Форум "Азия — Европа", "Диалог по сотрудничеству в Азии", Форум "10+3", трехстороннее сотрудничество Китая, Японии и Республики Корея, а также установить контакты с названными региональными интеграционными структурами.

*(Подписана Президентом Российской Федерации В.В. Путиным и
Председателем Китайской Народной Республики Ху Цзиньтао
14 октября 2004 года в Пекине)*

План действий по реализации положений Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой (2005 — 2008 годы) : [Утвержден]

Российская Федерация и Китайская Народная Республика (далее именуемые — "Стороны") единодушно считают, что благодаря совместным усилиям Сторон российско-китайские отношения достигли самого высокого уровня за всю историю их развития. Всесторонняя реализация российско-китайского Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве от 16 июля 2001 года надежно обеспечила непрерывное продвижение отношений партнерства и стратегического взаимодействия между Россией и Китаем. Дальнейшее укрепление стратегического взаимодействия между Россией и Китаем, расширение и углубление взаимовыгодного сотрудничества между Сторонами во всех областях, непрерывное наполнение новым содержанием, повышение их качества и уровня отвечают коренным интересам двух государств и их народов, способствуют сохранению мира и стабильности в регионе и во всем мире. Стороны отмечают, что в соответствии с духом и принципами Договора будут и впредь углублять взаимное политическое доверие, торгово-экономическое сотрудничество, расширять контакты в гуманитарной и во всех других сферах с тем, чтобы взаимовыгодное сотрудничество двух государств в различных областях непрерывно приносило реальные результаты.

Стороны преисполнены решимости предпринять активные шаги в целях выполнения следующей работы:

I В политической области:

1. Поддерживать высокую интенсивность контактов и укреплять диалог между руководителями двух государств посредством ежегодного обмена визитами, регулярного проведения телефонных разговоров, переписки, а также встреч в рамках международных форумов.

2. Совершенствовать механизм регулярных встреч глав правительств России и Китая и повышать его эффективность в развитии двустороннего сотрудничества во всех областях. Активно использовать телефонную линию между главами правительств двух государств для своевременного обсуждения и решения возникающих в ходе сотрудничества важных вопросов. Включить в сферу деятельности механизма регулярных встреч глав правительств вопросы разработки и производства гражданской авиатехники, сельского хозяйства, экологии, трудовых отношений и миграции, создав соответствующие двусторонние подкомиссии или рабочие группы. Усилить роль межведомственных консультаций для углубленной предварительной проработки проектов сотрудничества, представляющих взаимный интерес для обеих Сторон.

3. Продолжить изучение вопроса о создании механизма российско-китайских ежегодных консультаций на высоком уровне по вопросам безопасности.

4. Решительно поддерживать политику и действия друг друга в вопросах защиты государственного суверенитета, единства и территориальной целостности. Российская Сторона будет и впредь проводить политику "одного Китая", признавая правительство Китайской Народной Республики единственным законным правительством, представляющим весь Китай, а Тайвань — неотъемлемой частью Китая. Российская Сторона не поддержит независимости Тайваня в какой бы то ни было форме, не приемлет концепций "двух Китаев", либо "одного Китая и одного Тайваня", не поддержит участия Тайваня в ООН и других международных организациях, членами которых могут быть только суверенные государства, не будет поставлять оружие Тайваню. Российская Сторона признает, что Тибет — неотъемлемая составная часть Китая. Китайская Сторона поддерживает усилия Российской Стороны по борьбе с террористическими и сепаратистскими силами в Чеченской Республике.

5. В 2005 году подписать обновленное Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Китайской Народной Республики о режиме государственной границы. Продолжить совместное хозяйственное использование отдельных пограничных островов и прилегающих к ним акваторий пограничных рек.

6. Укреплять межпарламентские связи и сотрудничество, которые играют важную роль в деле продвижения двусторонних отношений. Стороны поддерживают создание парламентами двух государств Комиссии по сотрудничеству между Федеральным Собранием Российской Федерации и Всекитайским собранием народных представителей, развитие межпарламентских обменов на всех уровнях и по различным каналам. Интенсифицировать обмены между специализированными парламентскими комитетами, проводить ежегодные встречи членов парламентских групп дружбы.

7. Продолжить развитие межрегионального сотрудничества посредством заключения межрегиональных соглашений о сотрудничестве, активного делегационного обмена, проведения презентаций и выставок, а также в других формах, содействующих всемерному расширению взаимовыгодных связей между российскими и китайскими регионами.

8. Развивать и укреплять связи между политическими партиями и общественными организациями двух государств, содействовать обмену делегациями и развитию сотрудничества в различных формах.

9. Объявить 2006 год "Годом России в Китае", а 2007 год — "Годом Китая в России". Провести в 2006 г. национальную выставку России в Китае, а в 2007 году — национальную выставку Китая в России.

10. Основываясь на принципе паритетности, ускорить решение вопросов о выделении земельных участков для действующих и вновь открываемых консульских учреждений двух государств в Гуанчжоу и Екатеринбурге, а также в Харбине и Владивостоке.

11. Продолжить консультации по вопросам дипломатической недвижимости России и Китая на территории двух государств.

12. Ускорить подписание межправительственного соглашения о сотрудничестве по миграционным вопросам и в 2005 году обеспечить начало деятельности российско-китайской Совместной рабочей группы по вопросам миграции. Проводить консультации с целью совершенствования режима взаимных поездок граждан.

13. Принять до конца 2005 года совместную программу по обустройству, ремонту и уходу за захоронениями советских военнослужащих и военными мемориалами и приступить к ее реализации.

14. Издать сборник материалов по истории двусторонних отношений за 1949-1955 гг., подготовленный совместно Министерством иностранных дел Рос-

сийской Федерации и Министерством иностранных дел Китайской Народной Республики, и продолжить совместную работу по публикации документов по российско-китайским отношениям в XX веке.

15. Продолжать активную работу Российско-Китайского Комитета дружбы, мира и развития на основе ежегодных планов обменов.

II. В экономической области

1. Торгово-экономическое сотрудничество

Стороны подтверждают, что торгово-экономическое сотрудничество является важной составной частью российско-китайских отношений стратегического взаимодействия и партнерства, и будут предпринимать необходимые и согласованные шаги для расширения сфер взаимовыгодного сотрудничества, обеспечения дальнейшего роста двусторонней торговли:

1) Принимать среднесрочные и долгосрочные планы двусторонней торговли, изучать и разрабатывать конкретные меры по реализации указанных планов.

2) Улучшать и диверсифицировать товарную структуру российско-китайской торговли, повышать в ней удельный вес передовой машинотехнической продукции. Для этого:

— оказывать содействие налаживанию сотрудничества между заинтересованными предприятиями и компаниями двух государств в таких областях, как производство коммуникационного оборудования, судов, бытовой электроники, информационные технологии, энергетическое оборудование для тепло- и гидроэлектростанций, АЭС, горношахтное оборудование, гражданская авиатехника, автомобили и автомобильные двигатели, разработка и внедрение высоких и новых технологий. Активно реализовывать проект сотрудничества по строительству плавучих атомных электростанций;

— обеспечивать равноправные и транспарентные условия для участия российских и китайских компаний и предприятий в проводимых другой Стороной международных тендерах на поставку оборудования и строительство объектов;

— укреплять сотрудничество Сторон по взаимному предоставлению экспортных кредитов, проектному финансированию и использованию лизинговых схем;

— оказывать содействие предприятиям двух государств в их участии в выставочно-ярмарочных мероприятиях, проводимых другой Стороной.

3) Создавать условия для предсказуемости и стабильности доступа товаров и услуг во взаимной торговле. Для этого:

— организовать постоянный обмен информацией по состоянию торговли чувствительными товарами двустороннего товарооборота и проводить при необходимости консультации;

— активизировать деятельность Совместной рабочей группы по упорядочению торговли, разрешать проблемы, возникающие в ходе сотрудничества, путем консультаций, не прибегая к односторонним действиям или мерам ограничительного характера, способным нанести вред интересам другой Стороны;

— проводить консультации по вопросам, связанным с уменьшением имеющихся "технических" барьеров в двусторонней торговле.

4) Повысить роль и место деловых кругов двух государств в торгово-экономическом сотрудничестве. Создать российско-китайский Деловой совет с привлечением к его работе крупных компаний и представительных средних и малых предприятий двух государств.

5) Укреплять сотрудничество Сторон в области соответствия качества товаров и карантинных мер в торговле, способствовать взаимному признанию сертификатов соответствия и карантинных сертификатов.

6) Развивать сотрудничество в области антимонопольной политики и защиты прав потребителей:

— проводить ежегодные консультации между Федеральной антимонопольной службой Российской Федерации и Государственным торгово-промышленным административным управлением Китайской Народной Республики по вопросам конкурентной политики, защиты прав потребителей и контроля за рекламной деятельностью. Подписать в 2005 году между двумя ведомствами соглашение о сотрудничестве;

— осуществлять на регулярной основе обмен информацией между двумя вышеупомянутыми ведомствами по вопросам, входящим в сферу их компетенции;

— наладить сотрудничество между двумя вышеупомянутыми ведомствами, а также между их территориальными подразделениями в приграничных районах при расследовании конкретных дел о ведении нечестной конкуренции, явлениях монополизма и нарушениях прав потребителей, а также изучить вопрос о заключении соглашений о сотрудничестве между соответствующими органами Сторон в приграничных районах.

2. Инвестиционное сотрудничество

Стороны считают, что инвестиционное сотрудничество является непрерывным результатом развития двусторонних торгово-экономических отношений на определенном этапе, может способствовать реализации крупных объектов, ускорить развитие торгово-экономического сотрудничества. Они решили:

1) Регулярно проводить российско-китайские инвестиционные форумы. Содействовать предприятиям двух государств в участии в проводимых в России или Китае презентациях инвестиционных проектов, укреплению обменов между предприятиями, обсуждению различных форм и каналов инвестиционного сотрудничества.

2) Использовать уже созданные компетентными органами двух стран отношения взаимодействия для совершенствования обмена информацией по инвестиционному сотрудничеству, поддерживать реализацию крупных инвестиционных проектов, по которым достигнута договоренность между предприятиями двух государств.

3) Оказывать содействие предприятиям двух стран в выборе проектов инвестиционного сотрудничества в таких важнейших областях как строительство объектов инфраструктуры, производство оборудования, разработка нефти, газа и других полезных ископаемых, наукоемкое производство, разработка лесных ресурсов и глубокая переработка древесины, производство и переработка сельскохозяйственной продукции, добыча и переработка рыбы и морепродуктов, а также координировать реализацию этих проектов.

4) Дополнять торговые связи сопредельных регионов их сотрудничеством в области инвестиций и производственной кооперации.

5) Определить представляющие интерес для соответствующих российских и китайских предприятий и компаний проекты, связанные с развитием западных районов Китайской Народной Республики, возрождением старых промышленных баз Северо-Востока Китая.

6) Оказывать поддержку участию китайских предприятий в реализации проектов развития российских регионов Восточной Сибири и Дальнего Востока.

7) Содействовать предприятиям двух стран в инвестировании средств в создание в Российской Федерации совместных предприятий по заготовке древесины, производству пиломатериалов, строительных материалов, мебели, целлюлозы, бумаги и другой продукции из древесины, в особенности в регионе Дальнего Востока и Восточной Сибири.

8) Информировать об инвестиционном климате и об изменениях в действующем законодательстве, касающихся инвестиционной деятельности предпринимателей двух государств.

9) Завершить переговоры и подписать Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Китайской Народной Республики о поощрении и взаимной защите капиталовложений.

3. Энергетическое сотрудничество

Стороны считают, что энергетическое сотрудничество играет важнейшую роль для успешного развития двустороннего торгово-экономического сотрудничества и является перспективным направлением взаимодействия. Они решили:

1) Оказывать содействие осуществлению российско-китайских проектов в нефтегазовой сфере, включая проект строительства нефтепровода из России в Китай, а также проекты совместного освоения нефтегазовых месторождений на территории двух стран.

2) Поручить компетентным правительственным ведомствам России и Китая провести оценку перспектив реализации Ковыктинского газового проекта на основе рассмотрения правительствами Сторон "Отчета по международному ТЭО строительства трубопровода с Ковыктинского газоконденсатного месторождения в Иркутской области Российской Федерации в Китайскую Народную Республику и Республику Корея и разработки Ковыктинского месторождения".

3) На основе принципа взаимной выгоды оказывать поддержку увеличению поставок в Китай сырой нефти из России по железной дороге, с тем, чтобы их объем составил в 2005 году не менее 10 миллионов тонн, а с 2006 года — не менее 15 миллионов тонн ежегодно.

4) Изучить вопрос о заключении Соглашения между Правительством Российской Федерации и Правительством Китайской Народной Республики об основных принципах сотрудничества в нефтяной и газовой промышленности.

5) Поощрять развертывание на основе равенства и взаимной выгоды сотрудничества в области транспортировки электроэнергии из России в Китай.

6) Поощрять и поддерживать участие российских компаний в конкуренции за модернизацию действующих и оснащение оборудованием вновь создаваемых в Китае объектов электроэнергетики.

7) Содействовать обмену и внедрению передовых технологий и технических средств в области добычи, переработки и использования угля.

4. Сотрудничество в области ядерной энергетики

1) Китайская Сторона приветствует участие российских предприятий в борьбе за китайский рынок атомной энергетики с передовыми технологиями и взаимовыгодными условиями сотрудничества.

2) Стороны будут активно продвигать и реализовывать коммерческое сотрудничество в области строительства атомных электростанций, четвертой очереди газоцентрифужного завода по обогащению урана, расширять научно-техническое сотрудничество в ядерной области.

5. Научно-техническое сотрудничество

1) Укреплять сотрудничество Сторон в области передовой науки и техники, особенно в таких областях как космос, ядерная энергетика, биоинженерия, химия, компьютерные технологии, информационные технологии и новые материалы, которое имеет важное значение для повышения уровня и качества российско-китайского сотрудничества.

2) Обеспечить реализацию проектов в рамках межгосударственной программы научно-технического сотрудничества. Поддерживать создание совместных научно-исследовательских структур и лабораторий.

3) Поощрять создание Сторонами показательных баз по промышленному освоению новых и высоких технологий. До конца 2005 года ввести в строй первую очередь российско-китайского технопарка "Дружба" в Москве и принять решение о строительстве второй очереди данного технопарка.

4) До конца 2005 г. реализовать план развития Парка российско-китайского научно-технологического сотрудничества в провинции Чжэцзян и создания там новых промышленных производств и принять перспективный план развития указанного технопарка на предстоящие 3-5 лет.

5) Осуществить комплекс мероприятий по повышению экономической эффективности деятельности Российско-Китайской базы промышленного освоения новых и высоких технологий в г.Яньтай (КНР).

6) Развивать обмены между ведущими научно-исследовательскими учреждениями обоих государств.

7) Усилить сотрудничество в области конверсии и инновационных технологий.

8) Осуществить совместное исследование и разработку эффективных методов профилактики, диагностики и лечения особо опасных вирусных заболеваний.

9) Содействовать созданию российско-китайского сегмента глобальной информационной сети нового поколения.

6. Сотрудничество в области транспорта

1) Содействовать подписанию Соглашения между Правительством Российской Федерации и Правительством Китайской Народной Республики о сотрудничестве и взаимной помощи в перевозках транзитных товаров китайской внешней торговли через территорию Приморского края Российской Федерации.

2) Содействовать заключению Рамочного соглашения о транзитных перевозках между Россией, Китаем и Монголией.

3) Содействовать развитию сотрудничества двух государств в области перевозок грузов железнодорожным транспортом, в том числе сырой нефти на среднесрочную и долгосрочную перспективу с целью достижения устойчивого и стабильного роста объемов перевозок.

4) Совместными усилиями содействовать подписанию многостороннего соглашения между правительствами государств-членов Шанхайской организации сотрудничества о создании благоприятных условий для международного автомобильного сообщения.

5) Содействовать созданию международных транспортных коридоров, обеспечивающих перевозку грузов в евроазиатском направлении, проходящих по территории России и Китая и представляющих взаимный интерес.

6) Развивать сотрудничество в области эксплуатации водных путей и гидросооружений.

7) Перевести к 2005 году на круглосуточный режим работы пограничные автомобильные пункты пропуска Пограничный — Суйфэньхэ и Краскино — Хуньчунь.

8) Способствовать дальнейшему повышению эффективности работы пунктов пропуска на российско-китайской государственной границе. Разработать планы среднесрочного и долгосрочного развития пограничных железнодорожных переходов Забайкальск — Маньчжурия, Гродеково — Суйфэньхэ, Махалино — Хуньчунь.

9) Продолжить работу по сотрудничеству между информационными системами железных дорог двух государств.

7. В области гражданской авиатехники и авиационных технологий

1) В течение последующих 3 лет в соответствии с утвержденными проектами эффективно выполнять план сотрудничества в области разработки и производства гражданской авиатехники, осуществлять обмен новыми технологиями в рамках совместных проектов в области гражданского авиастроения.

2) В соответствии с Программой сотрудничества России и Китая в области гражданской авиатехники и с учетом потребностей рынка оказывать необходимое содействие предприятиям двух стран в соответствующей работе по совместной разработке и производству новой авиационной техники гражданского назначения.

3) Продолжить консультации по вопросам поставки в Китай российских газоперекачивающих установок на базе авиадвигателей мощностью до 25 мегаватт и газотурбинных агрегатов для теплоэлектростанций.

8. Сотрудничество в области космоса

1. Обеспечить дальнейшее развитие и углубление сотрудничества двух государств в области космоса на основе полной и своевременной реализации Программы российско-китайского сотрудничества в области космоса на 2004-2006 и последующие годы.

2. Исходя из интересов сотрудничества между Россией и Китаем в области космоса на длительную перспективу, провести работу по определению и последующему согласованию возможных одного или нескольких крупномасштабных проектов сотрудничества в области космоса, отвечающих интересам двух государств и задачам, стоящим в их национальных космических программах, с целью их совместной реализации.

3. Обеспечить благоприятные финансово-экономические и организационные условия для сотрудничества в космической сфере, включая скорейшую реализацию подписываемых контрактов, а также создание совместных предприятий по производству космической аппаратуры гражданского назначения.

4. В интересах всестороннего развития и углубления российско-китайского сотрудничества в области космоса и усиления координации и взаимодействия создать представительства космических ведомств двух государств в Москве и Пекине.

9. Сотрудничество в области связи и информационных технологий

1) Укреплять и расширять сотрудничество в области связи и информационных технологий, включая производственную кооперацию, использование информационных технологий и защиту прав на интеллектуальную собственность. Стороны продолжают оказывать поддержку выходу российских компаний-операторов мобильной связи на рынок услуг связи КНР в соответствии с обязательствами, принятыми КНР на себя при вступлении в ВТО и с законодательством КНР. Российская Сторона в ближайшее время представит конкретные предложения.

2) Развивать сотрудничество в области спутниковой связи между национальными операторами (ФГУП "Космическая связь" и "China Satcom") в области спутниковой связи.

3) До конца 2005 года согласовать технические критерии и принципы координации частотных присвоений ТВ и ОВЧ ЧМ станциям и продолжение координации частотных присвоений спутниковым сетям. Провести переговоры для решения вопроса совместного использования полос частот в диапазоне 900 МГц станциями сухопутной подвижной службы в приграничных районах.

4) Содействовать разработке российско-китайских проектов сотрудничества в области "электронного правительства", электронной торговли и дистанционного обучения.

10. Сотрудничество в финансовой и банковско-кредитной области

1) Продолжить российско-китайские консультации по вопросу урегулирования взаимных финансовых требований.

2) Обеспечить реализацию в полном объеме Соглашения между Правительством Российской Федерации и Правительством Китайской Народной Республики о сотрудничестве и взаимной помощи в области валютного контроля от 25 апреля 1996 года и Протокола о сотрудничестве и взаимной помощи между Федеральной службой Российской Федерации по валютному и экспортному контролю и Государственным управлением валютного контроля Китайской Народной Республики от 17 декабря 1997 года.

3) Провести консультации между налоговыми ведомствами двух государств по вопросу о подписании соглашения о сотрудничестве и обмене информацией по вопросам соблюдения налогового законодательства.

4) Развивать сотрудничество в сфере противодействия отмыванию капиталов и финансированию терроризма. Россия окажет содействие Китаю при вступлении в международные организации, проводящие работу по противо-

действию легализации доходов, полученных преступным путем, включая ФАТФ. Регулярно проводить консультации по проблемам деятельности Евразийской группы, осуществляемой по модели ФАТФ.

5) Содействовать реализации Протокола к Соглашению между Центральным банком Российской Федерации и Народным банком Китая о межбанковских расчетах в торговле в приграничных районах от 22 августа 2002 года (подписан 24 сентября 2004 года) и распространить условия банковского обслуживания торговли в приграничных районах, действующие в настоящее время в городе Благовещенске Амурской области Российской Федерации и городе Хэйхэ провинции Хэйлунцзян Китайской Народной Республики, на все приграничные территории России и Китая.

11. В природоохранной области

1) Продолжать налаживание сотрудничества в области совместного мониторинга качества трансграничных вод и предусмотреть разработку Соглашения между Правительством Российской Федерации и Правительством Китайской Народной Республики о сотрудничестве в области охраны трансграничных вод.

2) Активизировать сотрудничество в рамках Смешанной российско-китайской рабочей группы по охране окружающей среды, в том числе по мониторингу загрязнения вод пограничных рек, проведению совместных мероприятий на трансграничных охраняемых территориях и дальнейшему развитию сети особо охраняемых природных территорий на региональном уровне.

3) Реализовывать Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Китайской Народной Республики о сотрудничестве в области исследования и использования Мирового океана от 27 мая 2003 года. Поощрять сотрудничество государственных органов и организаций обоих государств в таких областях, как политика в отношении Мирового океана, использование морского пространства, охрана морской среды, изучение и освоение природных ресурсов Мирового океана, предотвращение стихийных бедствий и ликвидация их последствий и сохранение океанического биоразнообразия, океанические и полярные работы. Проводить на ежегодной основе заседания совместной рабочей группы по сотрудничеству в области исследования и использования Мирового океана.

4) Форсировать консультации экспертов Сторон по вопросу о совместных шагах по улучшению гидрологической ситуации вблизи Хабаровска для поиска путей решения проблем и скорейшей разработки соответствующего межправительственного соглашения.

5) Усилить сотрудничество в работе региональных и глобальных международных организаций по сохранению и управлению водными биологическими ресурсами.

6) Согласовать позиции относительно мер по управлению запасами минтая в центральной части Берингова моря.

12. Сотрудничество в лесной отрасли и лесопереработке

1) Реализовать конкретные проекты и программы в рамках Соглашения между Правительством Российской Федерации и Правительством Китайской Народной Республики о сотрудничестве в совместном освоении лесных ресурсов от 3 ноября 2000 года.

2) Развивать долгосрочное экономическое и научно-техническое сотрудничество в области использования и воспроизводства лесных ресурсов, охраны лесов от пожаров, защиты лесов от вредителей и болезней леса.

3) Разработать комплекс мер по укреплению сотрудничества в области контроля за нелегальными лесозаготовками.

13. Сотрудничество в области сельского хозяйства

1) Наладить сотрудничество между министерствами сельского хозяйства двух государств в области растениеводства, животноводства, ветеринарии, пищевой и перерабатывающей промышленности, а также рыбного хозяйства.

2) Разработать и принять в 2005 году Российско-Китайскую Программу сотрудничества в области сельского хозяйства, пищевой промышленности и рыбного хозяйства.

14. Межрегиональное и приграничное сотрудничество

1) Оказывать поддержку диалогу руководства пограничных субъектов Российской Федерации с руководством пограничных провинций и автономных районов Китайской Народной Республики по вопросам развития приграничного сотрудничества.

2) Оказывать содействие установлению и развитию прямых связей между субъектами Российской Федерации с провинциями юга и востока Китая.

3) Совершенствовать строительство приграничной инфраструктуры (погранпереходы, таможни, транспорт, банковские расчеты и т.д.).

III. В гуманитарной области

1. Сотрудничество в области образования

1) Оказывать взаимную поддержку обучению китайскому и русскому языкам. Заключить в 2005 году соглашение между правительствами двух государств о взаимной поддержке преподавания китайского языка в России и русского языка в Китае. Оказывать на паритетной основе содействие работе центров китайского языка на базе Московского государственного горного университета, Санкт-Петербургского государственного университета и Дальневосточного государственного университета, а также центров русского языка при Пекинском университете иностранных языков, Шанхайском университете иностранных языков и Хэйлунцзянском университете, в том числе в организации этими центрами образовательных курсов в вузах другой Стороны.

2) Разработать Рабочий план сотрудничества между Россией и Китаем в области образования до 2008 года.

3) Продолжить работу по созданию совместных аспирантур российских и китайских высших учебных заведений.

4) Продолжить практику организации на паритетной основе ежегодного отдыха учеников средних и начальных школ в оздоровительных лагерях; оказывать содействие установлению и развитию прямых обменов между российскими школами с преподаванием китайского языка и китайскими школами с преподаванием русского языка (в первую очередь, в приграничных регионах России и Китая).

5) На ежегодной основе организовывать проведение выставок образовательных услуг российских и китайских высших учебных заведений.

6) Продолжить сотрудничество в области дистанционного образования, создать интернет-порталы об образовательных услугах высших учебных заведений России на китайском языке и вузов Китая на русском языке.

2. Сотрудничество в области культуры

1) Развивать культурные обмены и сотрудничество Сторон в соответствии с принципами "взаимного уважения, искреннего сотрудничества, дружеского согласования, взаимного паритета".

2) Укреплять сотрудничество в области телерадиовещания и кинематографии, на регулярной основе поочередно проводить месяцы культуры, недели культуры, кинофестивали, книжные выставки, на взаимной основе принимать участие в международных кинофестивалях, проводимых другой Стороной, осуществлять совместные киносъёмки. Начиная с 2005 года, проводить поочередно в России и Китае один раз в два года российско-китайские книжные ярмарки. Начиная с 2006 года, на ежегодной основе проводить Дни культуры

России и Дни российского кино в Китае, Дни культуры Китая и Дни китайского кино в России.

3) Осуществить совместное издание в России иллюстрированной энциклопедии по китайскому искусству и в Китае иллюстрированной энциклопедии по русскому языку. Переводить и издавать лучшие издания другой Стороны, а также поощрять активное участие своих издательств в международных книжных ярмарках, проводимых другой Стороной.

4) Заключить в 2005 году соглашение между правительствами двух государств об учреждении Российского центра науки и культуры в Китае и Китайского культурного центра в России и открыть их в 2007 году.

5) Проводить обмен фольклорными, музыкальными, театральными, балетными, цирковыми коллективами и отдельными исполнителями для участия в гастролях, фестивалях и других культурных мероприятиях.

6) Развивать сотрудничество в области изобразительного искусства, включая обмен выставками, делегациями художников и мастеров народных промыслов, искусствоведами и т.п.

7) Развивать непосредственное сотрудничество между ведущими библиотеками, музеями и учреждениями по охране и реставрации памятников истории и культуры.

8) Изучить вопрос об организации российского телевизионного спутникового канала, предназначенного для китайских телезрителей, и китайского телевизионного спутникового канала на русском языке, вещающего на территории России.

9) Развивать сотрудничество в области культуры в рамках Шанхайской организации сотрудничества.

3. Сотрудничество в области здравоохранения

1) Поддерживать развитие обменов и сотрудничества двух государств, особенно сопредельных регионов, в санитарно-эпидемиологической сфере и в области контроля над инфекционными заболеваниями, создать механизм регулярных встреч руководителей государственных ведомств здравоохранения.

2) Заключить в 2005 году соглашение между правительствами двух государств о порядке сертификации лечебной деятельности в России китайских специалистов в области традиционной китайской медицины.

4. Сотрудничество в области спорта

1) В соответствии с ежегодными планами, вырабатываемыми ведомствами России и Китая, развивать сотрудничество двух государств в области спорта.

2) Начиная с 2006 года, поочередно в России и Китае проводить детско-юношеские спортивные игры "Россия-Китай". Конкретные вопросы будут решаться по согласованию между спортивными ведомствами двух государств.

5. Сотрудничество в сфере труда и социального обеспечения

Пролонгировать действие Меморандума о взаимопонимании между Министерством труда и социального развития Российской Федерации и Министерством труда и социального обеспечения Китайской Народной Республики и в рамках этого документа продолжить двустороннее сотрудничество в сфере труда и социального обеспечения.

6. Наладить диалог и сотрудничество между ведущими религиозными конфессиями России и Китая.

IV. В области обороны, предупреждения и ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций, юстиции и в правоохранительной сфере

1. Сотрудничество в военной области

1) Расширять и углублять обмены и сотрудничество Сторон в военной области. Поддерживать практику осуществления взаимных визитов высшего военного руководства двух армий, расширять многоуровневые контакты между двумя армиями, совершенствовать механизм проведения регулярных стратегических консультаций генеральных штабов двух армий.

2) Изучить возможные шаги по дальнейшему углублению мер доверия в военной области. Ускорить заключение Соглашения между Правительством Российской Федерации и Правительством Китайской Народной Республики по предварительному взаимному уведомлению о пусках баллистических ракет.

3) Продолжить на имеющейся основе развитие военно-технического сотрудничества.

2. Сотрудничество в правоохранительной сфере

1) Продолжить совместную деятельность в области борьбы с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ.

2) Продолжать на регулярной основе проведение совещаний органов внутренних дел приграничных районов Российской Федерации и органов общественной безопасности приграничных районов Китайской Народной Республики.

3) Активно изучать и развивать обмены и сотрудничество в области образования и подготовки кадров между Министерством внутренних дел Российской Федерации и Министерством общественной безопасности Китайской Народной Республики.

4) Изучить возможности развертывания сотрудничества между компетентными органами двух государств в области совершенствования защиты проездных документов от подделок, внедрения биометрических технологий в паспортно-визовую документацию.

3. Сотрудничество в области юстиции

1) Развивать межведомственное взаимодействие в области юстиции, в том числе на уровне приграничных регионов России и Китая с наделением учреждений юстиции этих регионов правом непосредственных сношений по вопросам предоставления правовой помощи по гражданским, семейным, уголовным и иным делам в рамках договоренностей между двумя Сторонами.

2) Совершенствовать правовую базу сотрудничества в области правовой помощи и правовых отношений по гражданским, семейным, уголовным и иным делам.

4. Сотрудничество в сфере предупреждения и ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций

1) Подписать Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Китайской Народной Республики о взаимной помощи в области предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций и разработать совместный план его реализации на 2005 год.

2) В рамках сотрудничества по указанному соглашению наладить информационный обмен в сфере предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций, проводить обмены и взаимную подготовку специалистов по предупреждению и ликвидации чрезвычайных ситуаций, укреплять взаимодействие между приграничными регионами двух государств по предупреждению и ликвидации чрезвычайных ситуаций; создать рабочий механизм взаимодействия в области предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций, ориентированный главным образом на предотвращение пожаров и иных стихийных бедствий, который предусматривал бы обмен информацией о бедствиях, организацию совместной работы по их предотвращению и координацию действий.

3) Изучить возможность создания совместной российско-китайской системы мониторинга и прогнозирования чрезвычайных ситуаций, внедрять высокие научные технологии в целях совершенствования систем экстренного реагирования на пожары, включая использование самолетов-амфибий Бе-200ЧС,

использовать системы телеметрического наблюдения раннего обнаружения лесных пожаров, наводнений и т.д.

4) В 2005 году реализовать совместный проект Всероссийского центра экстренной и радиационной медицины МЧС России и Второго военно-медицинского университета Китая по проблеме изучения изменений функционирования генов в результате воздействия острых ионизирующих излучений.

5) В 2005 году проработать возможность организации обучения и повышения квалификации китайских специалистов в Академии государственной противопожарной службы МЧС России и в Российском центре подготовки спасателей.

6) Активизировать совместную работу по подготовке к подписанию многостороннего соглашения между правительствами государств-членов Шанхайской организации сотрудничества о взаимодействии при оказании помощи в ликвидации чрезвычайных ситуаций.

V. В международной области

1. Осуществлять тесную координацию и сотрудничество в рамках различных органов ООН, прежде всего Совета Безопасности и Генеральной Ассамблеи, а также в других международных организациях, совместно прилагать усилия по предотвращению и мирному урегулированию региональных кризисов и конфликтов; противодействию терроризму во всех его формах и проявлениях, незаконному обороту наркотиков, транснациональной организованной преступности; созданию эффективной и надежной системы международной безопасности и стабильности и повышению эффективности Совета Безопасности, Генеральной Ассамблеи и других главных органов ООН и их адаптации к новым мировым реалиям.

2. Укреплять уникальную роль Шанхайской организации сотрудничества в поддержании безопасности и стабильности в Центральной Азии, содействии экономическому развитию региона.

3. Активизировать взаимодействие в регионе Восточной Азии: расширять политический диалог, экономическое сотрудничество, общественные и культурные обмены. Китай окажет активную поддержку участию России в региональном многостороннем сотрудничестве, присоединению России к форуму "Азия-Европа" (АСЕМ) и установления контактов с Диалогом по сотрудничеству в Азии. Китай готов укреплять контакты с Россией по вопросам сотрудничества в формате "АСЕАН+3", а также в рамках трехстороннего взаимодействия КНР, Японии и Республики Корея. Оказывать друг другу взаимную поддержку и координировать шаги в рамках Регионального форума АСЕАН.

4. Осуществлять тесную координацию действий в двустороннем и многостороннем форматах по вопросам укрепления международной безопасности и нераспространения оружия массового поражения, включая подготовку к Конференции 2005 года по обзору Договора о нераспространении ядерного оружия. Совместно продвигать российско-китайский проект международно-правовой договоренности о предотвращении размещения оружия в космосе.

5. Россия будет оказывать содействие Китаю в присоединении к РКРТ и Вассенаарским договоренностям.

6. Поддерживать регулярные консультации, проводить своевременный обмен мнениями и согласовывать позиции по основным международным проблемам, вырабатывать и реализовывать совместные или параллельные шаги двух стран на международной арене. Осуществлять тесную внешнеполитическую координацию между Россией и Китаем на различных уровнях. В этих целях Стороны будут проводить консультации на высшем уровне, между министерствами иностранных дел двух государств, по иным дипломатическим каналам (в том числе по линии постоянных представительств двух государств при

международных организациях и между их посольствами в третьих странах), а также между делегациями двух государств на международных форумах, в том числе по следующим вопросам:

- 1) вопросы стратегической стабильности;
- 2) повышение способности миротворческих действий ООН в соответствии с Уставом ООН и решениями Совета Безопасности, совершенствование миротворческих механизмов ООН; сохранение и укрепление роли и авторитета ООН и Совета Безопасности ООН, укрепление сотрудничества ООН с организациями по региональному и субрегиональному сотрудничеству;
- 3) разработка при лидирующей роли ООН единой и эффективной стратегии реагирования на глобальные угрозы и вызовы XXI века в контексте продвижения к целям, одобренным в Декларации тысячелетия ООН;
- 4) актуальные вопросы разоружения, нераспространения и экспортного контроля;
- 5) подготовка к проведению в 2005 году пленарной встречи высокого уровня Генеральной Ассамблеи ООН ("Саммит 2005 года");
- 6) вопросы празднования в 2005 году 60-летия образования ООН;
- 7) вопросы, связанные с возможным принятием в рамках ООН соответствующего документа, посвященного исторической победе народов антигитлеровской коалиции над фашизмом, в том числе с возможным объявлением 8-9 мая днями памяти и примирения;
- 8) вопросы противодействия терроризму:
 - на основе Шанхайской конвенции о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом продолжить изучение вопроса о подписании соответствующего российско-китайского межправительственного соглашения.
 - ежегодно проводить заседания российско-китайской Рабочей группы по противодействию терроризму (на уровне заместителей министров иностранных дел) с участием представителей правоохранительных органов и спецслужб;
 - укреплять координацию и сотрудничество России, Китая и государств Центральной Азии, совместно противодействовать терроризму, сепаратизму и экстремизму в двусторонних форматах и в рамках Шанхайской организации сотрудничества; противодействовать новым вызовам и угрозам миру, безопасности и стабильности в регионе Центральной Азии;
- 9) крупные региональные проблемы (Ирак, ядерная проблема на Корейском полуострове, Афганистан, ближневосточное урегулирование и др.);
- 10) основные направления деятельности Шанхайской организации сотрудничества;
- 11) проблематика Азиатско-Тихоокеанского региона.

(Утвержден Президентом Российской Федерации В.В. Путиным и Председателем Китайской Народной Республики Ху Цзиньтао в Совместной декларации по итогам визита В.В. Путина в КНР, 14 октября 2004 года, г. Пекин)

С.13-25.

**Россия-Китай:
углубление партнерства и взаимодействия
(к итогам визита Президента РФ В.В.Путина в КНР)**

© 2004

К.Внуков

Одним из показателей зрелости современных российско-китайских отношений является регулярное (до трех раз в год) проведение встреч глав государств, благодаря которым за последние годы во многом удалось добиться впечатляющих результатов в углублении стратегического партнерства и всестороннего взаимодействия двух стран.

Без всякого преувеличения можно сказать, что состоявшийся 14-16 октября 2004 г. и специально приуроченный к 55-летию установления дипотношений между нашими странами официальный визит Президента Российской Федерации В.В.Путина в КНР имел с точки зрения его итогов особую значимость.

В первую очередь достигнуты договоренности по оставшимся несогласованными двум участкам российско-китайской границы (два острова у Хабаровска и остров Большой на р. Аргунь в Читинской области). В результате разумного компромисса подводится окончательная черта под т.н. "погранично-территориальной проблемой", нерешенность которой на протяжении 40 с лишним лет ставила оба государства на крайне опасную грань и возбуждала нездоровые настроения у населения. Ратификация парламентами обеих стран подписанных документов и проведение необходимых демаркационных работ на этих двух участках будет означать юридическое оформление и обозначение на местности российско-китайской границы на всем ее протяжении свыше 4300 километров. В полной мере раскроется историческое значение статьи 6 Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве от 16 июля 2001 г. об отсутствии взаимных территориальных претензий. Кроме того, создаются все условия для решения давно назревших проблем судоходства, охраны окружающей среды, рационального использования природных ресурсов, обеспечения безопасности в этом районе границы. Заботой о нуждах и интересах местного населения продиктовано и подписание в Пекине протокола о продлении на последующие пять лет срока действия уникального для международной правовой практики Соглашения о совместном хозяйственном использовании отдельных островов и прилегающих к ним акваторий пограничных рек.

Заккрытие пограничного вопроса между Россией и Китаем имеет не только огромное значение для наших двух стран, но и является, как это справедливо отметили Президент РФ В.В.Путин и Председатель КНР Ху Цзиньтао, "успешным примером разрешения пограничных споров для всех государств мира".

Важной задачей российско-китайской встречи на высшем уровне в Пекине был обмен мнениями по широкому кругу вопросов претворения в жизнь Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве как в сфере двусторонних отношений, так и по ключевым направлениям сотрудничества в мире. Подписанная лидерами двух стран Совместная декларация РФ и КНР в концептуальном плане обобщает итоги трехлетней реализации Договора, дает характеристику нынешнего этапа и перспектив развития российско-китайского стратегического партнерства. Неординарным событием визита стало принятие нового по форме и содержанию документа — российско-китайского Плана действий по реализации положений Договора на 2005-2008 гг. В расчете на среднесрочную перспективу в нем определены конкретные шаги развития двустороннего взаимодействия по сути во всех областях, начиная с политических отношений, торгово-экономических связей, охраны окружающей среды — до сотрудничества по линии вооруженных сил, правоохранительных органов и спецслужб, а также координации действий двух стран на международной арене.

Серьезное внимание лидеры России и Китая уделили вопросам торгово-экономического сотрудничества, представляющего материальную базу партнерства и стратегического взаимодействия. С удовлетворением констатируя очевидный прогресс в двусторонней торговле, которая в 2004 г. должна составить 20 млрд долл. США, В.В.Путин и Ху Цзиньтао поставили цель выйти к 2010 г. на уровень 60 или более млрд долл. При этом с обеих сторон было подчеркнуто, что столь высокие показатели не должны быть самоцелью. Крайне важно вести дело к совершенствованию форм и методов торгово-экономического и инвестиционного сотрудничества, повышать его качественные характеристики, в т.ч. увеличивать в товарообороте долю машино-технической продукции, товаров с добавленной стоимостью, выходить на реализацию масштабных совместных проектов.

Крупным по значимости результатом пекинского саммита стало подписание документов о завершении переговоров с КНР об условиях присоединения России к ВТО. Членство наших двух государств в ВТО придаст этой организации действительно всемирный характер, будет способствовать дальнейшему развитию делового взаимодействия России и Китая.

Серьезных практических результатов можно ожидать и от заключенных в ходе визита Президента России соглашений о стратегическом сотрудничестве между ОАО "Газпром" и Китайской национальной нефтегазовой корпорацией, документов по линии Внешэкономбанка и Сбербанка России, а также от работы созданного под эгидой Комитета дружбы, мира и развития Российско-Китайского Делового совета, первое совместное заседание которого прошло в Пекине 15 октября 2004 г.

Немало внимания на переговорах лидеров двух стран было уделено гуманитарному сотрудничеству, от которого во многом зависит климат российско-китайских отношений. С обеих сторон было подчеркнуто, что первостепенное значение сегодня имеют общественные связи, укрепление и облегчение контактов между людьми, взаимное проникновение культур, лучшее знание истории и традиций друг друга. Достигнута договоренность объявить 2006 год Годом России в Китае и 2007 — Годом Китая в России.

Необычной по форме, но политически значимой акцией стала совместная встреча Президента РФ В.В.Путина и Председателя КНР Ху Цзиньтао с

представителями молодежи Китая и специально прибывшей в Пекин российской молодежной делегацией, 100 членов которой представляли все регионы России. Прозвучавшие на этой встрече напутствия двух руководителей имеют важное значение с точки зрения передачи лучших традиций дружбы и добрососедства из поколения в поколение.

Российско-китайские партнерские отношения при всей их самоценности имеют также серьезное международное измерение. Россия и Китай — две великие державы, постоянные члены Совета Безопасности ООН, без весомого и авторитетного голоса которых не может быть решена ни одна из насущных проблем современности.

Проведенный руководителями РФ и КНР обстоятельный обмен мнениями по международной тематике подтвердил совпадение или близость подходов наших двух стран к узловым мировым проблемам — будущему мироустройству, стратегической стабильности, главенствующей роли ООН и т.д. В этом нет ничего удивительного, т.к. двустороннее партнерство России и Китая базируется не только на сходстве национальных интересов, но и на отстаивании принципов многосторонности, уважения суверенитета государств, прав народов на самостоятельный выбор пути развития, цивилизационной и политико-идеологической толерантности.

По одному из главных направлений нашего активного взаимодействия с Китаем — борьбе с международным терроризмом — констатировано, что террористы и сепаратисты Чечни и “Восточного Туркестана” являются составной частью международного терроризма, здесь не может быть “двойных стандартов”, а посему они должны стать объектом совместной антитеррористической борьбы как в двустороннем формате, так и в рамках ООН и Шанхайской организации сотрудничества. С целью обеспечения своевременных и скоординированных ответов на этот и другие вызовы современности достигнута договоренность о запуске механизма регулярных консультаций по вопросам безопасности.

Отдельной темой переговоров в Пекине стало двустороннее взаимодействие по вопросам обеспечения мира, стабильности, безопасности и процветания в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Россия и Китай выступают за формирование в АТР целостной кооперативной системы безопасности и сотрудничества с равными правами для участников, охватывающей весь регион и соразмерной с требованиями глобальной безопасности.

Обсуждение ситуации на Корейском полуострове, а также в Ираке, на Ближнем Востоке, в Афганистане наглядно продемонстрировало совпадение позиций России и Китая, заинтересованных в скорейшем урегулировании всех имеющихся там проблем на справедливой и равноправной основе.

Еще одним значимым пунктом программы визита Президента России в КНР стало проведение в ходе посещения г.Сиань важной встречи с руководством провинций северо-западного Китая, в которой приняли участие губернаторы ряда российских регионов, в первую очередь граничащих с КНР. На встрече были предметно обсуждены пути и методы расширения межрегионального сотрудничества двух стран, в том числе перспективы подключения наших регионов к стратегии масштабного освоения китайского Запада.

Председателю КНР Ху Цзиньтао было передано приглашение посетить Россию в следующем году для участия в торжествах по случаю 60-летия победы в Великой Отечественной войне, а также с официальным визитом.

По оценке Президента РФ В.В.Путина, визит стал “саммитом крупных прорывных решений”, что будет способствовать углублению интенсивного политического диалога с руководством КНР, расширению делового и гуманитарного сотрудничества, наращиванию взаимодействия и координации в международных делах в расчете на длительную перспективу.

Военно-техническое сотрудничество между Россией и Китаем. Современное состояние, проблемы, перспективы

© 2004

А. Шлындов

В структуре российско-китайских связей одно из главных мест занимает военно-техническое сотрудничество (ВТС). Это обусловлено тем, что Россия и Китай проявляют серьезную заинтересованность в развитии тесных связей в этой сфере.

Для российского оборонно-промышленного комплекса (ОПК) расширение военно-технического сотрудничества с Китаем, являющимся одним из наиболее емких рынков вооружения в мире, представляет исключительную возможность не только выжить, но и нормально развиваться, продолжая инвестировать минимально необходимые средства в научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы (НИОКР) по созданию новых образцов вооружения и военной техники (ВиВТ) в условиях резкого сокращения государственного финансирования этой отрасли и катастрофического уменьшения государственного оборонного заказа для российских Вооруженных Сил. На долю КНР приходится примерно пятая часть российского экспорта вооружения, в 2003 г. составившего в стоимостном выражении более 5 млрд долл. США. В отдельные годы эта доля достигала от 40 до 50% общего объема поставленного за рубеж российского ВиВТ¹. По сводным оценкам, Китай закупил в России ВиВТ примерно на 10 млрд долл. США². Таким образом, он в сфере ВТС стал для России партнером стратегического значения.

Военно-техническое сотрудничество имеет весьма высокую политическую значимость. Широкомасштабные закупки ВиВТ даже при условии налаживания их лицензионного производства в стране-реципиенте технологий обеспечивают более тесное политическое, экономическое и военное сближение участников военно-технического сотрудничества, делая страну-импортера зависимой от поставок запасных частей, создания, обслуживания и поддержания в рабочем состоянии производственной, эксплуатационной и ремонтной инфраструктуры, подготовки специалистов, а затем и привязывают ее к производителю (разработчику) ВиВТ в связи с необходимостью их дальнейшей модернизации. Это способствует не только более прочному и долговременному закреплению страны-экспортера на рынке импортера (реципиента технологий), но и позволяет поддерживать высокий качественный уровень двусторонних отношений в целом, повышает их доверительность и дружественный характер.

В условиях продолжающейся дискриминации Китая в американской и западно-европейской политике эмбарго на экспорт ВиВТ и экспортного контроля в отношении многих типов техники и технологий двойного использования

Шлындов Александр Васильевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник ИДВ РАН.

Россия остается для Пекина фактически единственным доступным источником получения современных систем ВиВТ и, главное, технологий его производства. При этом Китай имел уникальную возможность довольно долго оплачивать значительную часть этих закупок не только твердой валютой, но и поставками потребительских товаров и продуктов питания, для которых было трудно найти сбыт на рынках западных стран.

Кроме того, Пекин, развивая всесторонние связи с Россией, в том числе и по линии военно-технического сотрудничества, рассчитывает использовать это для оказания давления на США, Японию и другие западные страны с тем, чтобы усилить свои позиции и установить более равноправные отношения с ними.

Военно-техническое сотрудничество между Россией и Китаем имеет разносторонний характер и реализуется в следующих сферах: прямые поставки готового российского вооружения и военной техники, техническое содействие по его эксплуатации и ремонту, помощь в создании ремонтной базы, подготовка соответствующих специалистов, налаживание лицензионного производства отдельных узлов и компонентов, а также оружейных комплексов в целом на предприятиях китайской оборонной промышленности, модернизация стоящего на вооружении НОАК ВиВТ российского и китайского производства, в том числе и глубокая -- путем установки новых более современных узлов и оборудования, оснащения перспективной радио-электроникой и вооружением -- а также совместное проектирование отдельных типов ВиВТ для НОАК и на экспорт в третьи страны.

Для координации связей создан специальный механизм в форме межправительственной российско-китайской комиссии по ВТС³.

В области военных авиационных систем развитие сотрудничества России и Китая направлено, в первую очередь, на увеличение боевых возможностей ВВС НОАК, главным образом их ударной мощи, и расширения радиуса действия, в том числе в интересах усиления авиационной поддержки сил ВМФ в условиях отсутствия у КНР авианесущих кораблей, а также на повышение эффективности контроля за воздушным противником и целеуказания.

За период 1992-2002 гг. Китаю поставлено 48 самолетов Су-27 различных модификаций, в том числе 36 истребителей-перехватчиков Су-27СК и 12 учебно-боевых истребителей Су-27УБК⁴. В 1998 г. на китайском авиастроительном заводе в Шэньяне началось производство самолетов этого типа по российской лицензии. Лицензионная программа, рассчитанная на 10 лет, предусматривала сборку в Китае до 200 машин, приблизительно 50 из них должны были собираться из российских комплектующих. В последующем предполагалось повысить долю компонентов и узлов китайского производства, удельный вес которых, в конечном итоге должен был быть доведен до 70%.

В августе 1999 г. между Россией и Китаем был подписан новый контракт, предусматривающий поставки и последующее налаживание лицензионного производства многофункциональных истребителей Су-30МКК, обладающих способностью наносить удары по наземным и морским целям. По разным данным, до конца 2003 г. в Китай поставлено около 80 самолетов этого типа, включая 24 истребителя Су-30МК2, специально предназначенные для поражения морских целей⁵.

Сотрудничество России и Китая в сфере авиационного ВиВТ не ограничивается поставками готовых систем вооружения и их комплексов или помощью в налаживании лицензионного производства. В отличие от других китайских партнеров, Россия делится своими "ноу-хау", передает технологии не только производства, но и создания комплексных систем, начиная с этапа их проектирования.

Еще в 1991 г. с участием Московского авиационно-производственного объединения (МАПО) "МиГ" (в настоящее время ФГУП Российская самолетостроительная компания (РСК) "МиГ") был начат финансируемый китайской национальной аэрокосмической корпорацией проект создания легкого фронтового истребителя FC-1. Необходимо отметить, что специалисты из ОКБ им. Микояна стояли у самых истоков программы создания FC-1. Они оказывали непосредственную научно-техническую помощь и прямое содействие в проектировании этого самолета, используя разработки легкого маневренного истребителя ("изделие 33"), создававшегося в СССР в 1980-х гг.⁶ По свидетельству некоторых источников, кооперация началась с эскизного проектирования, в ходе которого группа российских конструкторов чертила контуры нового истребителя, а за их спиной сидели и скрупулезно копировали китайские коллеги⁷.

Проект предусматривал оснащение самолетов указанной модели двигателями РД-93 и авионикой российского производства, в частности многофункциональной РЛС "Суперкомар"⁸.

В процессе создания этой машины китайскими специалистами были отработаны перспективные технологические и конструкторские решения, а также получены навыки проектирования самолетов нового поколения. Хотя FC-1 был ориентирован на экспорт в третьи страны, его первым заказчиком являлись китайские ВВС и он должен был стать промежуточной версией отечественного многофункционального истребителя четвертого поколения "Цзянь-10", который, начиная с 2005 г., должен составить основу истребительной авиации НОАК. Этот самолет так же создавался с помощью российских специалистов. В сентябре 2003 г. состоялись первые испытательные полеты FC-1 в различных режимах боевого применения, а именно: ведение воздушных боев, нанесение ударов по наземным и морским целям.

Несмотря на то, что в основу разработки "Цзянь-10" положен израильский истребитель "Лави", разработанный по образцу и подобию американского F-16, при создании многих его элементов и узлов активно использовался опыт проектирования FC-1. В ходе серийного производства истребителя "Цзянь-10" его предполагалось оснащать двигательной установкой АЛ-31ФН российского производства, стоящей на закупленных Китае и собираемых по лицензии самолетах Су-27, и бортовой РЛС "Жемчуг". Предполагается наладить в КНР лицензионное производство двигателей АЛ-31ФН, которые экспортирует Московское машиностроительное производственное предприятие (ММП) "Салют"⁹. В январе 2004 г. ММП "Салют" поставило Китаю 54 двигателя этого типа на сумму 165 млн долл. США¹⁰. С помощью российских специалистов в КНР построен завод по ремонту и обслуживанию авиадвигателей АЛ-31 ФН.

Участие России в разработке и производстве авиационных систем ВиВТ не ограничивается только этими проектами. Сотрудники ОКБ им. Яковлева оказывают помощь своим китайским коллегам в создании современного учебно-тренировочного самолета L-15, в основу которого положен российский аналог Як-130. При российском техническом содействии в Китае началось проектирование реактивного авиадвигателя с управляемым вектором тяги. На основе кооперации с Россией стартовала реализация китайской программы создания самолета дальнего радиолокационного обнаружения и управления (ДРЛОиУ) авиацией. Первый самолет этого типа российского производства А-50Э в середине 2004 г. собран на авиазаводе в Шэньяне¹¹. Планируется на кооперативной основе создавать авиационное вооружение, включая ракеты "воздух-воздух", а также наладить лицензионный выпуск вертолетов Ми-28 или отдельных их компонентов¹².

Хорошие перспективы открываются также и в связи с необходимостью модернизации ранее поставленной или собранной на китайских предприятиях

российской авиационной техники. В частности, Китай проявляет заинтересованность в том, чтобы все ранее поставленные и собранные по лицензии истребители Су-27 были модернизированы в варианте многофункционального самолета Су-27 СКМ, обладающего в том числе и противокорабельными возможностями.

В сфере противвоздушной обороны (ПВО) Китай стремится с помощью российских поставок повысить боевую эффективность средств ПВО, в том числе адаптировать их возможности в интересах объектовой противоракетной обороны (ПРО). На период до середины 2004 г. Россия поставила КНР до 12 дивизионов зенитных ракетных комплексов (ЗРК) С-300ПМУ1, в августе 2004 г. завершено выполнение подписанного в 2002 г. контракта на поставку в КНР четырех дивизионов ЗРК С-300 ПМУ1¹³. Согласно информации, появившейся в газете "Ведомости", Россия и Китай готовят новый контракт на поставку систем ПВО С-300ПМУ, в соответствии с которым Пекину будут поставлены еще от четырех до восьми дивизионов указанных ЗРК. По оценке специалистов, сумма сделки может составить от 450 млн до 900 млн долл. США¹⁴. С учетом этого контракта общее количество поставленных в КНР ЗРК С-300 может составить 16-20 дивизионов. Кроме того, Китай получил до 14-15 комплексов ПВО "Тор" М1 малой дальности. Не исключается также закупка самоходных зенитно-пушечных ракетных комплексов "Тунгуска".

Для удовлетворения минимальных потребностей по прикрытию стратегически важных объектов от ударов авиации и баллистических ракет Китаю потребуется, по крайней мере, еще до 10 дивизионов ЗРК С-300 ПМУ1. Для защиты от высокоточных боеприпасов объектов в провинции Фуцзянь, расположенной в непосредственной близости от Тайваня, КНР необходимо еще 20-30 комплексов "Тор" М1.

В группе военно-морских вооружений с помощью Российской Федерации Китай планирует увеличить радиус действия сил ВМФ, повысить их ударную мощь, а также обеспечить эффективное противозушное и противоракетное прикрытие. Обладая довольно значительными производственными возможностями по строительству корпусов кораблей, КНР ощущает острую потребность в современном оборудовании для их оснащения. В первую очередь это энергетические установки, системы артиллерийского и ракетного вооружения, радиоэлектронные средства, материалы, обеспечивающие малую заметность для РЛС. Наибольший дефицит в КНР ощущается в современных корабельных системах ПВО, противокорабельных ракетах. Для его устранения в России закупаются и, видимо, будут и дальше импортироваться ЗРК "Штиль" и "Риф" (С-300Ф), которыми оснащаются все новые китайские эсминцы.

Закупив в России четыре эсминца проекта 956 "Современный" (два эсминца 956Э уже находятся в боевом составе ВМФ НОАК, первый получил наименование "Ханчжоу" и бортовой номер 136, второй — "Сучжоу" и бортовой номер 137, а два других эсминца проекта 956ЭМ спущены на воду на петербургском судостроительном заводе "Северная верфь" для достройки)¹⁵, Китай решил, по крайней мере, две важнейшие задачи: во-первых, серьезно усилил ударные противокорабельные возможности своих военно-морских сил, во-вторых, обеспечил их современным противозушным (противоракетным) прикрытием, что значительно расширило их дальность, позволив более уверенно действовать за пределами радиуса действия береговой истребительной авиации.

Эсминцы данного проекта (956ЭМ) характеризуются высокими мореходными качествами и имеют мощное вооружение, включающее 8 пусковых установок сверхзвуковых противокорабельных ракет (ПКР) "Москит" с суммарным боекомплектом 24 ракеты, что позволяет им на дальности до 120 км наносить эффективные удары по корабельной ударной группе в составе одного

крейсера и трех эсминцев, вооруженных современными системами ПВО типа "Иджис", израсходовав на это 15-17 ПКР "Москит". Для поражения одного крейсера требуется 3-4 ПКР данного типа, эскадренного миноносца — две, фрегата — одна¹⁶. Кроме того, на корабле установлен многоканальный зенитный ракетный комплекс "Штиль" (две пусковые установки с суммарным боекомплектом 48 зенитных управляемых ракет), способный отразить атаку современных средств воздушного нападения на дальности до 25 км при высоте полета от 10 м до 15 км.

С 2000 г. в КНР начали поставяться ПКР "Москит", предназначенные для вооружения эсминцев этого типа, входящих в боевой состав ВМФ НОАК.

Противовоздушное вооружение корабля включает также две пусковых установки ЗРК 9К-90 "Ураган" и две спаренные 130 мм башенные зенитные автоматические артиллерийские установки¹⁷. Эсминцы проекта 956 ЭМ (экспортный, модернизированный) отличаются от кораблей первой поставки дальностью действия ударного ракетного оружия и более совершенной системой ПВО. Кроме того, на них предусматривается постоянное базирование вертолета Ка-28 с боезапасом¹⁸.

Подводные силы ВМФ НОАК пополнились двумя многоцелевыми дизельэлектрическими подводными лодками российской постройки проекта 877КМ и двумя — усовершенствованного проекта 636 (по российской классификации "Варшавянка", по натовской — "Кило"). В 2002 г. был заключен контракт стоимостью, по оценке экспертов, не менее 1,5 млрд долл на поставку в КНР еще восьми лодок проекта 636¹⁹.

В связи с окончанием предусмотренных сроков эксплуатации до капитального ремонта и моральным старением ранее поставленных Китаю боевых кораблей российской постройки, одним из перспективных направлений двустороннего военно-технического сотрудничества становится ремонт и модернизация, в том числе и глубокая, военно-морской техники и вооружения.

В 2003 г. "Рособоронэкспорт" подписал с китайскими заказчиками контракт на ремонт и модернизацию подводных лодок проекта 877, построенных в середине 1990-х годов на судостроительном заводе "Красное Сормово". При этом предполагается оснастить их противокорабельными ракетными комплексами "Клаб", повысив боевые возможности подлодок указанного проекта до уровня кораблей проекта 636²⁰.

В области вооружений и военной техники для сухопутных войск наиболее заметным событием явилась закупка Китаем российской лицензии на производство артиллерийских снарядов с лазерной системой наведения "Краснополь", а также 105-мм управляемых снарядов "Бастион"²⁰.

Сообщалось о намерении Китая приобрести в России партию бронетанковой техники, в том числе основных боевых танков Т-80У, Т-90С, бронетранспортеров БТР-80, артиллерийских систем, таких, как самоходная артиллерийская установка (САУ) "Нона"-СВК, 300-мм реактивная система залпового огня (РСЗО) "Смерч", 152-мм гаубица "Мста"-С²¹.

Но эти сообщения в дальнейшем не подтвердились. Скорее всего, Китай воздержится от широкомасштабных закупок ВиВТ для сухопутных войск, поскольку он обладает собственной развитой промышленной базой, способной производить в необходимых количествах основные системы вооружения сухопутных войск с довольно приемлемыми тактико-техническими характеристиками. Кроме того, в Пекине, по-видимому, считают целесообразным экономить средства для дальнейших закупок высокотехнологического авиационного, противовоздушного (противоракетного) и военно-морского вооружения и лицензий на их производство.

Чем объяснить успехи российских производителей ВиВТ на китайском рынке?

Китайские и российские (советские) системы ВиВТ развивались на одной и той же научно-технической и технологической базе. В Китае она была заложена с помощью СССР в 50-60-х годах прошлого столетия, поэтому, несмотря на то, что в настоящее время это вооружение относится к разным поколениям, оно, тем не менее, легко адаптируется друг к другу и, что самое главное, более понятно китайским специалистам как с точки зрения удобства эксплуатации, так и с позиций возможности его копирования, дальнейшего усовершенствования и налаживания собственного производства. Российские (советские) системы вооружения в основном не уступают по боевым возможностям западным аналогам, а если и проигрывают им по некоторым показателям, таким, как массогабаритные характеристики электроники, эргономичность и др., это превосходство полностью компенсируется технологичностью всех узлов, надежностью работы в боевых условиях, простотой управления и обслуживания, совершенством конструкции. Как показали тренировочные бои американских истребителей F-15 "Игл" с индийскими Су-30МКИ российского производства в ходе совместных американо-индийских учений, при приблизительно одинаковой квалификации летчиков индийцы в большинстве случаев одерживали уверенную победу. Это обстоятельство вынудило генерала Х.Хомбурга, возглавляющего командование истребительной авиации ВВС США признать в интервью газете "USA to day", что "российские истребители Су-30 МКИ лучше основного американского истребителя завоевания господства в воздухе F-15C "Игл". Военно-воздушные силы страны, на вооружении которых находятся эти машины, имеют определенное преимущество и в перспективе могут представлять угрозу для американских ВВС"²². Высокая маневренность в ближнем бою машин российского производства, их высокая тяговооруженность и скороподъемность в сочетании с эффективностью вооружения и применением в кабине современной и удобной в использовании авионики практически полностью нивелирует некоторое превосходство отдельных элементов американского бортового радиоэлектронного оборудования (БРЭО), в частности, бортовых цифровых вычислительных машин (БЦВМ) и навигационных приборов.

Но самое главное достоинство российского ВиВТ заключается в том, что оно существенно превосходит фактически все западные аналоги по критерию "стоимость-эффективность". Продукция российских производителей при сопоставимых или более высоких боевых возможностях, как минимум, в 1,5-2 раза дешевле западных. Указанное преимущество распространяется на все типы и виды вооружения российского производства, начиная от относительно простых систем, таких как стрелково-артиллерийские, и кончая высокосложными авиационными и ракетными комплексами, позволяющими вести разведку, передавать данные и поражать цели в реальном масштабе времени.

Тем не менее комплексные закупки готовых оружейных систем в России, безусловно, рассматриваются китайским политическим и военным руководством в качестве временной меры, преследующей цель заполнить имеющиеся бреши в конкретных типах современных ВиВТ, пока создаются аналогичные отечественные образцы. Одновременно закупаемое российское вооружение досконально изучается как с точки зрения возможности налаживания технологии производства, так и с позиций адаптации его конструктивных особенностей для создания собственных базовых моделей, удовлетворяющих конкретным современным и перспективным требованиям НОАК. Ни для кого не секрет, что Пекин тяготит зависимость от импорта высокотехнологического вооружения. Престиж государства он связывает с его способностью самостоятельно и в необходимых количествах производить весь спектр современного ВиВТ, считая, что оснащение национальных вооруженных сил за счет импорта — это удел государств третьего мира. Китайские лидеры отдают себе отчет и в том, что

оснащение дорогостоящим вооружением иностранного производства самых многочисленных в мире вооруженных сил, каковыми в настоящее время является и в перспективе останется НОАК, противоречит логике экономического развития государства, в основу которой положены принципы "четырёх модернизаций", и станет разорительным для национального бюджета. Кроме того, китайские военные специалисты, многие из которых входят в руководящий аппарат партии и государства, считают, что победить в сколько-нибудь длительной (затяжной) региональной (локальной) войне наличными силами и средствами практически невозможно. Для восполнения потерь и даже частичного мобилизационного развертывания вооруженных сил в соответствии со штатами военного времени потребуется налаживание широкомасштабного серийного производства ВиВТ.

Кроме того, в Пекине осознают, что зависимость от иностранных поставок запасных частей и узлов в какой-то степени ограничивает свободу маневрирования во внешней и военной политике, во-первых, требуя от государства-реципиента вооружения и технологий его производства воздерживаться от шагов, которые могут быть истолкованы как недружественные или противоречащие интересам страны-поставщика, а во-вторых, заставляя его постоянно оглядываться на другие страны мирового сообщества, дабы не создать причин для введения международных санкций, и не только благодаря послушному США большинству государств-членов ООН, где КНР как постоянный член Совета Безопасности имеет право вето, но и в результате гипотетической кулуарной договоренности в рамках G-8 или с одобрения или под давлением НАТО.

В списке причин, в силу которых китайское политическое и военное руководство не планирует длительное время оставаться импортером современного ВиВТ, одно из главнейших мест занимают экономические.

Китай как одна из ведущих держав современного мира имеет своей целью в ближайшие 10-15 лет полностью отказаться от внешних закупок высокотехнологического вооружения и, разработав свои собственные его образцы, соответствующие по тактико-техническим характеристикам лучшим зарубежным аналогам, занять более широкую нишу на мировом оружейном рынке (в настоящее время Китай занимает по объемам экспорта ВиВТ 4-е место в мире после США, России и Франции, контролируя 5% мирового рынка ВиВТ), а в долгосрочной перспективе планирует захватить лидирующие позиции в мировом оружейном бизнесе, который считается одним из самых высокодоходных. И для этого имеются вполне достаточные основания. Важнейшим из них является то, что к настоящему времени в Китае создан довольно эффективный механизм управления наукой, включая и военные сегменты, который существенно повысил ее отдачу, особенно на высокотехнологических направлениях. Он сочетает в себе гибкость и достаточную оперативность западной модели, позволяющей быстро использовать военные разработки в гражданской сфере и наоборот, и способность концентрировать главные силы и средства на ключевых, так называемых "прорывных" направлениях, сохраненную из командно-административной системы советского типа. Все это подкрепляется достаточно мощной финансовой подпиткой, особенно в сфере фундаментальной науки.

Многие недостатки организации военных НИОКР, отмеченные в специальном исследовании, проведенном в 1995 г. в рамках Стокгольмского международного института исследований проблем мира (SIPRI), к настоящему времени устранены²⁴. Так, на современном этапе значительно сокращен разрыв между теоретическими разработками и их прикладным применением как в гражданской, так и в военной сфере. Следует обратить внимание, что данный вывод справедлив как в отношении академических институтов, занимающихся исследованиями в области фундаментальной науки, так и отраслевых и воен-

ных НИИ. Налажено достаточно эффективное взаимодействие между гражданскими и военными секторами науки. Значительно сокращен разрыв в уровне оплаты труда научных работников в государственных НИИ всех категорий и работников частных, главным образом, западных компаний.

Более того, по совокупности факторов, включая социальную защищенность, многоплановую эффективную систему поощрений, персональные надбавки, часто в несколько раз превышающие базовые оклады, более комфортные условия труда, существенно усилился престиж науки в китайском обществе и, что особенно важно, среди молодого поколения.

Все эти меры привели к фактическому прекращению оттока наиболее квалифицированных и перспективных специалистов в частный сектор, в высокотехнологическую сферу, представленную, в основном, иностранными компаниями, и сформировали условия для кардинального увеличения как научно-технического, так и технологического потенциала китайской науки, позволяющего уже в настоящее время создавать самостоятельно или с помощью зарубежных специалистов на основе изучения иностранных моделей свои собственные образцы наукоемкого, высокотехнологического ВиВТ.

В середине 2004 г. вступили в строй построенные на шанхайской верфи новейшие эскадренные миноносцы типов 052С (этот малозаметный для РЛС боевой корабль с элементами технологии "Стелс" по внешнему сходству с американским эсминцем на Западе называют "Китайский Иджис") и 052В, который из-за сходства с российским кораблем получил условное наименование "Китайский Современный"²⁵.

В июле 2004 г. появилась информация о том, что китайские кораблестроители создали новую подводную лодку (в Пентагоне ей присвоили условное наименование "Юань"), внешняя архитектура которой идентична экспортируемому в КНР российским субмаринам. Как отмечают российские военные эксперты, "корпус подлодки является практически полной копией корпусов дизель-электрических подлодок российских проектов 877 и 636 типа "Варшавянка" разработки петербургского Центрального конструкторского бюро морской техники (ЦКБ МТ) "Рубин". По свидетельству специалистов ЦКБ МТ "Рубин", никаких лицензий и технической документации на указанную лодку КНР не предоставлялось"²⁶.

Как отмечалось выше, на вооружение ВВС НОАК поступил разработанный с помощью российских и израильских специалистов истребитель "Цзянь-10А"²⁷.

На базе российского ЗРК С-300 ПМУ специалисты китайского ОПК разрабатывают собственный аналог этой системы — комплекс НQ-9²⁸. Они пытаются наладить производство своего аналога российского авиадвигателя АЛ-31ФН, получившего обозначение WS-10А²⁹.

Для сухопутных войск НОАК начато производство управляемых артиллерийских снарядов с лазерным наведением российского типа "Краснополь", а также созданных на основе российской системы "Бастион" 105-мм управляемых снарядов, которые являются прототипами высокоточного оружия и действуют на основе цифровых технологий³⁰.

Несмотря на то, что вышеназванные образцы высокотехнологического оружия в той или иной форме созданы с иностранным участием, можно тем не менее сделать вывод о том, что Китай уверенно наращивает свои собственные научно-технические и технологические возможности, планомерно сокращая отставание в техническом оснащении своих вооруженных сил от армий самых передовых государств мира.

Можно соглашаться или не соглашаться с мнением экспертов о том, что в настоящее время самостоятельные китайские разработки по многим параме-

трам отстают от иностранных аналогов, однако следует иметь в виду, что на современном этапе китайская военная наука и производство усиленно накапливают приобретенные новые знания и умения в сфере высоких технологий. Копирование иностранных моделей ВиВТ — это временное явление, “проблема роста”, проблема накопления навыков, создания научно-технической и технологической базы, на которой уже в среднесрочной перспективе, то есть в течение 25-30 лет, может быть совершен качественный скачок, позволяющий самостоятельно разрабатывать и производить ВиВТ пятого и последующих поколений.

В связи с этим утверждения западных специалистов о том, что “в конфуцианской системе мышления присутствуют элементы, блокирующие способность к серьезной инновационной активности, а также делающиеся ими попытки подтвердить этот сомнительный вывод отсутствием явных свидетельств крупных технологических рывков в конфуцианских странах”, которые якобы способны проявить себя лишь в лицензионном производстве и нетворческом копировании иностранных образцов, следует признать, по меньшей мере, некорректными³¹.

В ближайшие 8-10 лет, то есть в то время, в течение которого китайские специалисты освоят новые технологии, параллельно проводя собственные НИОКР с целью разработки на базе закупаемых в России собственных оружейных систем, Китай будет вынужден продолжать импортировать российские высокотехнологические системы ВиВТ в интересах наращивания военно-морского и военно-воздушного компонентов своих вооруженных сил одновременно с усилением противовоздушных (противоракетных) возможностей НОАК. Чем это вызвано?

Новый китайский истребитель “Цзянь-10” по многим тактико-техническим характеристикам и боевым возможностям вооружения уступает самолетам поколения “четыре с плюсом”, каковыми являются современные российские и американские машины такие, как Су-27, Су-30 различных модификаций, F-15 “Игл”, F-16, F-18. Кроме того, он, по сути, находится в опытной эксплуатации, что затруднит его полномасштабное применение в реальных боевых действиях против самолетов американского производства.

США в течение 2-3 лет планируют увеличить свое военное присутствие в западной части Тихого океана на фоне сохраняющейся напряженности на Корейском полуострове и в отношениях между Пекином и Тайбэем, разместив в регионе на постоянной основе еще одну авианосную ударную группу (АУГ) в дополнение к базирующейся в Японии АУГ во главе с авианосцем “Китти Хок”. В 2008 году этот корабль, оснащенный обычной энергетической установкой, предполагается вывести из состава ВМС США, заменив на атомный³².

Ближайший союзник США в Восточной Азии Япония, судя по ведущейся в стране дискуссии, может приступить к созданию легких авианосцев. По крайней мере, возглавлявшаяся начальником УНО Японии внутриведомственная комиссия пришла к заключению, что силам самообороны необходимо увеличить возможности в плане дальности нанесения превентивных ударов по базам вероятного противника. Для этого предлагается принять на вооружение более дальнобойные средства поражения такие, как противокорабельные ракеты “Гарпун-2” с дальностью 200 км и крылатые ракеты “Томахок” с дальностью 2000 км, а также включить в состав морских сил самообороны легкие авианосцы³².

Тайвань продолжает усиливать боевые возможности своих вооруженных сил за счет собственных разработок и широкомасштабных закупок ВиВТ в США. В частности, Вашингтон согласился поставить Тайбэю девять многоцелевых подводных лодок с дизель-электрической энергетической установкой, четыре эсминца УРО класса “Кидд” и двенадцать самолетов Р-3С, предназна-

ченных для борьбы с подводными лодками. До настоящего времени американская администрация отказывается продать Тайваню затребованные им современные эсминцы, оснащенные многофункциональной системой ПВО типа "Иджис". Для нейтрализации противоракетной угрозы со стороны КНР (Пекин развернул в провинции Фуцзянь 450 оперативно-тактических ракет, нацеленных на Тайвань) Тайбэй в военном бюджете на 2005 финансовый год зарезервировал средства на закупку в США зенитно-ракетных систем "Пэтриот РАС-3", обладающих противоракетными возможностями³⁴. Кроме того Тайвань ведет разработку баллистических ракет с дальностью, позволяющей наносить удары по крупным городам КНР, находящимся на побережье. Некоторые образцы таких ракет уже прошли испытания, которые были признаны успешными.

Учитывая указанные обстоятельства, китайское политическое и военное руководство в интересах сохранения сложившегося баланса сил в районе Тайваньского пролива, видимо, пойдет на закупки в России дополнительно до 70 единиц истребителей Су-30МКК. Ощущая необходимость в легких фронтовых истребителях четвертого поколения, Китай одновременно с принятием на вооружение машин этого класса собственной разработки таких как, истребитель "Цзянь-10", по всей видимости, не исключает возможность приобретения партии самолетов МиГ-29СМТ. Указанный тип многофункционального истребителя, являющегося самолетом завоевания господства в воздухе, обладающего способностью наносить удары по наземным и морским целям и имеющего с тремя подвесными баками дальность полета до 3500 км, по критерию соотношения "эффективность-стоимость" для Китая является оптимальным. Наряду с этим модернизированным до уровня поколения "четыре с плюсом" вариантом легкого многофункционального истребителя, Китай изучает целесообразность закупки и учебно-боевой модификации МиГ-29УБК, которая может использоваться как для подготовки летного персонала ВВС, так и для выполнения специальных операций на значительной глубине за линией фронта. Китай может импортировать из России до 30-40 самолетов этого типа. Эксперт ИДВ РАН В. Кашин полагает, что поставки в Китай еще 100-150 боевых самолетов в ближайшие годы вполне реальны³⁵. Директор Центра анализа стратегий и технологии (ЦАСТ) Р.Пухов считает возможным экспорт в КНР до 48 самолетов³⁶.

Кроме того Пекин проявляет интерес к российским транспортным самолетам ИЛ-76ТД и может импортировать до 10 машин этого типа.

Можно предположить также, что КНР может закупить в России новую партию подводных лодок в количестве 8-10 единиц.

Весьма велика возможность приобретения Китаем в России еще до 10 дивизионов ЗРК С-300 ПМУ1.

Но в среднесрочной перспективе, по мнению некоторых российских экспертов, КНР будет наращивать закупки корабельных зенитных ракетных комплексов, начало которым положил заключенный в 2002 г. контракт стоимостью 600 млн долл. на поставку ЗРК "Риф" (С-300Ф) для кораблей собственной постройки³⁷.

России целесообразно по возможности пойти навстречу пожеланиям китайских партнеров как в части, касающейся повышения научно-технического и технологического уровня экспортируемого в КНР ВиВТ, так и относительно увеличения доли поставляемых в Китай российских военных технологий, т.е. налаживания на китайских предприятиях ОПК лицензионного производства отдельных компонентов вооружений, а также его комплексов. В настоящее время доля таких технологий в ВТС двух стран достигает 30%. В соответствии со стратегической установкой "опираться на собственные силы" Пекин стремится довести указанную пропорцию до 70%, а на готовые вооружения тратить не более 30% ассигнуемых на эти цели средств³⁸.

Так, по мнению директора Центра анализа стратегий и технологий Р.Пухова, «для сохранения позиций России на китайском оружейном рынке настало время предложить Китаю более современную модификацию истребителя Су-30, оснащенную радаром с фазированной или щелевой антенной решеткой (ФАР или ЦАР), Н-011М «Барс» или «Жук-МСЭ», а также перехватчик МиГ-31. Одновременно следует разрешить поставки в Китай новых средств авиационного вооружения, прежде всего ракет РВВ-АЕ увеличенной дальности, а также более эффективных противокорабельных ракет воздушного базирования. Следует снять ограничения на поставки в эту страну многоцелевых кораблей на базе эсминцев проекта 956У с газотурбинной энергетической установкой, универсальными вертикальными пусковыми установками, расширенными противолодочными возможностями и новыми ударными средствами»³⁹.

Касаясь проблемы увеличения экспорта российских военных технологий, необходимо отметить целесообразность продажи Китаю лицензии на производство противокорабельных ракет «Москит». ПКР этого типа будут устанавливаться как на планируемых к поставке в Китай в 2004–2005 гг. эсминцах российской постройки проекта 956 ЭМ, так и на самостоятельно создаваемых китайскими специалистами эсминцах проекта 052В.

На наш взгляд, можно было бы подумать и о возможности экспорта в Китай технологий производства некоторых ракет «воздух-воздух», в первую очередь тех, которыми оснащены поставляемые ему истребители Су-30.

Принимая во внимание высокую вероятность сужения оружейного экспорта Индии в связи с расширением ее возможностей по закупкам на Западе современных ВиВТ и технологий его производства, Россия должна не только более активно идти навстречу Китаю, расширяя номенклатуру и технологический уровень поставляемых ВиВТ, но и предлагать новые, более перспективные схемы сотрудничества, включая взаиморасчеты с целью вовлечения последнего в долгосрочные программы. Это может быть и совместная разработка ВиВТ с участием технических специалистов двух стран и доленое финансовое участие. В последующем такое сотрудничество может охватывать и производственную сторону. Отдельные узлы и оборудование могут производиться на китайских предприятиях. Более того, в схеме «разработка — производство» необходимо предусмотреть также возможность совместного экспорта ВиВТ в третьи страны с получением соответствующего процента прибыли.

Конкретно Россия могла бы предложить Китаю участие в программе создания истребителя пятого поколения ЛФИ (в российских СМИ проходила информация о том, что Пекин готов включиться в финансирование указанного проекта)⁴⁰. Представляется целесообразным также привлечение КНР к реализации проекта разработки перспективного беспилотного летательного аппарата (БПЛА).

В условиях выхода США из Договора по ПРО от 1972 г. и интенсификации работ по созданию национальной системы ПРО (НПРО) наряду с планами по разработке в кооперации с Японией системы ПРО Театра военных действий (ТВД), для России и Китая было бы целесообразно объединить усилия в разработке систем ПВО с элементами ПРО. В частности, можно было бы обсудить идею совместной разработки нестратегической системы ПРО. Обе стороны могли бы разработать концепцию создания такой системы, задать ее тактико-технические параметры, возможности сопряжения национальных систем предупреждения о ракетном нападении (СПРН), определить состав основных разработчиков, механизм финансирования.

Несмотря на участие КНР в создании европейской системы спутникового позиционирования «Галилео» можно предложить Пекину идею совместной эксплуатации и использования аналогичной, но более точной, с точки зрения

применения в военных целях, российской глобальной навигационной спутниковой системы ГЛОНАСС. Россия планирует к 2010 г. полностью восстановить орбитальную группировку спутников, задействованную в этой системе. Кроме того, она уже создана и эксплуатировалась в полном объеме (в 1995 г. группировка спутников составляла 24 единицы), а разработка европейской находится на начальном этапе¹¹.

В любом случае нам надо иметь в виду, что в условиях недостаточного государственного финансирования сохранение экспортных поставок российского ВиВТ, главным образом в Китай и Индию, является действенным инструментом поддержки отечественного ОПК. Как отмечалось выше, ежегодные доходы России от продажи ВиВТ Китаю в среднем превышают 1 млрд долл. США, составляя примерно пятую часть от общего объема российского оружейного экспорта. От того, удастся ли нам сохранить Китай в числе крупных экспортеров российского оружия, во многом будет зависеть и то, каким ВиВТ будут оснащены Вооруженные Силы самой России, какой облик они будут иметь в XXI веке, как надежно будет обеспечена ее собственная военная безопасность.

Поддержание российского оружейного экспорта в Китай и другие страны, расширение географии поставок российского ВиВТ также имеет определяющее значение для всего высокотехнологического экспорта России. Сохранив и расширив позиции на рынке вооружения, мы смогли бы при грамотной и продуманной организации дела начать постепенное расширение своей ниши на рынке высокотехнологической наукоемкой продукции, начиная с техники и технологий двойного использования и кончая продукцией чисто гражданского назначения. И в этом мы могли бы рассчитывать на Китай с его большим опытом налаживания производства и продвижения на рынке конкурентноспособной наукоемкой продукции.

В интересах гарантированного и долговременного закрепления российского ОПК на китайском рынке ВиВТ и технологий его производства стоило бы учесть интересы Китая при прокладке транссибирской нефтепроводной системы в обмен на подписание Пекином какого-то значимого документа о масштабом и, главное, долгосрочном военно-техническом сотрудничестве (такой документ подписан между Россией и Индией). Можно было бы увязать предлагаемое китайской стороной подписание пятилетнего соглашения "О расширении масштабов российско-китайской торговли сырой нефтью" с заключением аналогичной или более продолжительной по времени договоренности о развитии военно-технического сотрудничества между Российской Федерацией и КНР. При этом следует иметь в виду, что заманчивые японские предложения, лоббирующие приоритетное строительство нефтемагистрали в направлении Находки могут быть лишь приманкой, с одной стороны, обеспечивающей сговорчивость России при обсуждении проблемы Курил, а с другой, — имеющей своей целью осложнить позитивно развивающиеся российско-китайские отношения и, в конечном итоге, остановить процесс дальнейшего сближения двух великих держав-соседей. Идея стратегического партнерства России и Китая с неприязнью воспринимается в США и Японии. Как известно, одно из направлений согласования политики Токио и Вашингтона обусловлено общей озабоченностью двух стран перспективами российско-китайского военно-технического сотрудничества. Необходимо отметить, что Япония с большей настороженностью относится к взаимодействию России и КНР в области ВТС, чем США. Японские эксперты считают, что системы вооружения и военной техники, поставляемые из России в Китай, и производимые по российским лицензиям на китайских предприятиях в силу их тактико-технических характеристик и боевого предназначения могут представлять угрозу Японии и близлежащим стра-

нам, тем самым являясь определенным вызовом стабильности и безопасности в регионе. В процессе развития японо-российских контактов японские представители неизменно затрагивают эту проблему, высказывая свою обеспокоенность наращиванием боевых возможностей поставляемого Россией и производимого по российским лицензиям в Китае вооружения и военной техники. Япония занимает подчеркнуто негативную позицию и в отношении перспективы снятия Европейским Союзом запрета на экспорт ВиВТ в КНР. В ходе состоявшейся в сентябре 2004 г. в штаб-квартире ООН в Нью-Йорке встречи с министром иностранных дел Й.Фишером тогдашняя руководительница японского внешнеполитического ведомства Е.Кавагути заявила, что отмена эмбарго, введенного после подавления китайскими властями студенческих волнений на пекинской площади Тяньаньмэнь в 1989 г., может оказать влияние на безопасность в Восточной Азии⁴².

Отвечая на аргументы аналитиков, в том числе и российских, предупреждающих об опасности для самой России поставок Китаю современного вооружения и военной техники, особенно налаживания его лицензионного производства на китайских предприятиях, необходимо отметить следующие весьма важные соображения, а именно: главным императивом долговременного стратегического курса России в отношении Китая должно стать недопущение в принципе возможности возникновения конфликтных ситуаций, могущих привести к вооруженному столкновению двух ядерных держав-соседей.

Направленность военного строительства Китая, архитектура его вооруженных сил, дислокация импортированных из России оружейных комплексов, главным образом, авиационных, военно-морских и противовоздушных систем довольно четко свидетельствует о намерении китайского политического и военного руководства создать потенциал, способный обеспечить гарантированный успех в случае принятия политического решения на применение военной силы против Тайваня. В Пекине этот вариант рассматривают как нежелательный, но гипотетически возможный в качестве крайней меры. Этой задаче подчинены и проводимые в последнее время учения НОАК. Наиболее крупные из них состоялись в июне нынешнего года у острова Дуншань, расположенного неподалеку от Тайваня⁴³. Построенные по российской лицензии истребители Су-27, а также импортированные из России истребители Су-30МКК необходимы Пекину для обеспечения превосходства в воздухе при проведении десантной операции и ведения боевых действий по обеспечению контроля над островом. Эсминцы и подводные лодки российской постройки с большой степенью вероятности могут быть использованы для охраны десантно-транспортных средств, огневой поддержки сил вторжения в момент их высадки и создания плацдармов на берегу, а также в интересах блокирования американских авианосных ударных групп (АУГ).

Китайские военные специалисты исходят из того, что успешное решение задачи по овладению Тайванем в решающей степени зависит от эффективности предотвращения американского вмешательства. При этом они обоснованно считают, что высокoeffективные ударные системы оружия дальнего действия, обеспечивающие возможность нанесения неприемлемого для США уровня потерь среди кораблей АУГ, способны побудить Вашингтон воздержаться от принятия решения о направлении американских авианосных сил в район конфликта для оказания непосредственной поддержки тайваньской армии в отражении вторжения на остров. Для нанесения максимального ущерба АУГ США предназначены высокоскоростные противокорабельные/противорадиолокационные ракеты Х-31/П с активной радиолокационной головкой самонаведения и дальностью 70 км, которыми оснащены закупленные в России истребители ВМФ НОАК Су-30МК2⁴⁴. На строящихся в настоящее время в

Санкт-Петербурге эсминцах проекта 956ЭМ будут установлены сверхзвуковые противокорабельные ракеты (ПКР) ЗМ80 с дальностью 240 км⁴⁵. Ударное вооружение истребителей Су-30МКК такое, как управляемые ракеты Х-29Т и корректируемые авиабомбы КАБ-500КР с телевизионным самонаведением, также может применяться как по наземным, так и по морским целям.

Закупаемые в России зенитные ракетные комплексы С-300 различных модификаций скорее всего предназначаются для противовоздушного и противоракетного прикрытия главных административно-промышленных центров КНР, а также войск (сил), командных пунктов, аэродромов, позиционных районов оперативно-тактических ракет, объектов тылового обеспечения в ходе неисключаемой в будущем операции по овладению Тайванем. По словам эксперта Института Дальнего Востока РАН В.Кашина "китайцы стараются продемонстрировать импортированные из России оружейные комплексы во всех крупных учениях, которые они проводят в районе Тайваньского пролива"⁴⁶.

Если бы китайское военное планирование было ориентировано на реализацию военно-силового сценария, предусматривающего овладение частью Сибири и Дальнего Востока, основное внимание оно уделяло бы наращиванию ударных возможностей сухопутных войск. Это, в первую очередь, бронетанковое вооружение (основные боевые танки, боевые машины пехоты), ракетно-артиллерийские системы, самолеты авиационной поддержки войск (истребители-бомбардировщики, штурмовики), противотанковые вертолеты, вертолеты огневой поддержки).

Как великая держава Китай, безусловно, ставит свои собственные геополитические, геоэкономические и геостратегические цели и задачи, некоторые из которых не совпадают с российскими. Однако, как показывает практика современного китайского руководства, в частности, используемая в отношении Тайваня, для реализации этих целей прямое применение вооруженных сил рассматривается в качестве самого крайнего средства, скорее речь идет об угрозе их применения. Явное предпочтение при этом отдается невоенным методам, в первую очередь экономическим.

Наиболее результативной стратегией в отношении России могло бы стать вовлечение сибирских и дальневосточных регионов в сферу экономического влияния КНР, их экономическая привязка к Китаю с одновременным ослаблением влияния Центра. Может увеличиваться демографическое присутствие китайцев в приграничных районах.

Но даже если брать за основу наиболее пессимистические варианты возможного развития российско-китайских отношений в долгосрочной перспективе, что в целом противоречит набирающим силу современным тенденциям, можно согласиться с мнением российского эксперта К.Макиенко о том, что "вне зависимости от того, продолжатся ли поставки российского ВиВТ в Китай, последний уже обладает абсолютным превосходством над Россией в обычных силах. Совокупность демографических, географических, транспортных, экономических, психологических и чисто военных факторов, складывающаяся в пользу Китая, сводит на нет его нынешнее отставание от России в техническом уровне оснащения армии". "Если китайцы атакуют российский Дальний Восток или Сибирь, сдержать эту атаку конвенциональными (обычными. — Прим. авт.), средствами Москва не сможет. Сдержать Китай можно только ядерными средствами, причем даже не тактического, а стратегического уровня"⁴⁷. Этот вывод, сделанный более пяти лет назад, в настоящее время не только сохраняется, но усиливает свою актуальность, поскольку на сегодняшний день можно констатировать, что Китай существенно сократил свое отставание от России по качественным характеристикам основных систем обычного ВиВТ.

При оценке потенциальных угроз, которые может представлять для России Китай, трудно удержаться от критики точки зрения, которая была недавно изложена на страницах газеты "Время новостей" руководителем Центра военного прогнозирования Института политического и военного анализа А.Цыганком. Этот российский эксперт на первое место среди возможных новых угроз России ставит "возможность развала коммунистического Китая". "На границе с Россией, — утверждает А.Цыганок, — в этом случае будет создано в результате требований уйгуров, тибетцев, монголов и других народностей и отказа от иероглифической письменности, которая играет роль связующего звена на пространстве нынешнего Китая, несколько конгломератов из малых государств"⁴⁸.

Во-первых, профессионалу-китаеведу трудно даже гипотетически представить такое развитие событий в государстве с численностью населения более 1,2 млрд человек, где абсолютное большинство (92%) составляют китайцы (ханьцы). Кроме того, в национальных районах Китая активно идет процесс естественной ассимиляции коренного населения, а, как известно, члены смешанных семей в меньшей степени подвержены националистическим настроениям, менее восприимчивы к идеям сепаратизма. Во-вторых, даже если абстрагироваться от полной нереальности указанного прогноза, образование таких "конгломератов из малых государств" послужило бы буферной зоной на границе с Россией. Более того, они могли бы возникнуть только в результате долгой и упорной вооруженной борьбы, которая ослабила бы Китай как державу мирового уровня. В итоге у него уменьшились бы возможности оказывать давление на Россию в интересах реализации, как утверждает эксперт, "сохраняющихся у Пекина территориальных претензий к ней", не говоря уже о тех слабых государственных образованиях, возникновение которых в приграничной с российской территорией зоне, предрекает А.Цыганок. "Опасность для России в том, — продолжает он, — что значительная часть границы с Китаем имеет спорные участки". На это утверждение необходимо возразить напоминанием А.Цыганку о том, что между Россией и Китаем были подписаны Соглашение по Восточному участку границы от 16 мая 1991 г. и Соглашение по Западному участку границы от 3 сентября 1994 г., которые знаменовали собой практически полное урегулирование пограничных вопросов между двумя государствами-соседями. Более того, 16 июля 2001 г. между Российской Федерацией и КНР был подписан Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве, в статье 6 которого отмечается "отсутствие взаимных территориальных претензий"⁴⁹. В ходе состоявшегося 6 октября 2004 г. визита президента Российской Федерации В.В.Путина в КНР было подписано Дополнительное соглашение о российско-китайской государственной границе на ее восточной части, которое решило судьбу спорных островов на реках Амур и Аргунь. Таким образом, вопрос о границе между нашими странами решен полностью и окончательно. По словам В.В.Путина, в пограничном вопросе стороны вышли на "сбалансированное, отвечающее совместным интересам решение, в результате чего "граница юридически оформлена"⁵⁰.

При оценке потенциальных угроз безопасности России со стороны Китая, связанных с поставками последнему современных систем ВиВТ, известную успокоенность может вносить и сознание того, что Россия продает Китаю специально адаптированные для экспорта варианты вооружения, которое по своим тактико-техническим характеристикам несколько отстает от самых передовых отечественных разработок.

Кроме того, необходимо иметь в виду, что пока идут переговоры о поставках, адаптируется к требованиям заказчика предполагаемое к производству ВиВТ, устанавливается оборудование на предприятиях заказчика, обучаются специалисты, государство-разработчик технологий добывается еще более

высокого уровня, поднимается на новую ступень научно-технического и технологического прогресса.

Если говорить об авиационной составляющей российско-китайского военно-технического сотрудничества, необходимо отметить, что поставляемые в КНР авиационные комплексы, включая и производимые на китайских предприятиях по лицензии России, разрабатывались в 70-х годах прошлого века и начали поступать на вооружение в 80-х годах. С учетом усовершенствования авионики и систем вооружения, они могут сохранить свою конкурентоспособность как поколение “четыре с плюсом” до 2010-2012 гг. К тому периоду в США и других передовых государствах, включая Россию, в случае ее успешного развития и должного внимания к военным НИОКР и технологиям, будет создана и начнет поступать на вооружение авиационная техника пятого и “пятого с плюсом” поколений. Кроме того, будет иметься существенный задел в разработке самолетов шестого поколения. Таким образом, даже если Китаю удастся к этому времени создать свои собственные образцы ВиВТ четвертого, “четвертого с плюсом” поколений, он будет отставать от указанных государств на целое поколение.

Необходимо учитывать, что ВиВТ приблизительно такого же технологического уровня производится и поставляется на рынок многими государствами. Россия уже сейчас испытывает на многих его сегментах острую конкуренцию не только со стороны США, но и таких стран, как Франция, Великобритания, Германия, Швеция, Израиль. В случае снятия эмбарго на поставки в КНР ВиВТ, введенного после событий на площади Тяньаньмэнь, Китай имеет возможность диверсифицировать, а при определенных условиях и переориентировать свой импорт вооружения. Наиболее острую конкуренцию России в случае успеха начатой Францией кампании, направленной на пересмотр условий эмбарго ЕС на экспорт ВиВТ в Китай, могут составить французские авиационные комплексы “Мираж”-2000, “Рафаль”, авионика и двигатели М-88, которые выпускаются фирмой “Снекма” для истребителей “Рафаль”. В результате значительно сократится доля России на этом одном из самых прибыльных рынков, что приведет к резкому сокращению финансирования и деградации российского ОПК, для которого экспорт оборонной продукции пока является основным средством выживания.

Таким образом, с одной стороны, российско-китайское военно-техническое сотрудничество, безусловно, усиливает военно-технологический потенциал и, соответственно, военную мощь Китая, способствуя реализации его цели по созданию мощной мировой державы, способной всеми имеющимися средствами, включая военные, эффективно отстаивать свои права и интересы в мире, в том числе укрепляет позиции КНР в отношении России. С другой, — развитие ВТС с Китаем усиливает поступательное движение российско-китайского сотрудничества, повышает доверительность двухсторонних отношений, одновременно обеспечивая солидный потенциал для укрепления российского ОПК, который создает основу национального наукоемкого производства, способного поднять технологический уровень гражданских отраслей промышленности, на достойных для великой державы условиях встроиться в мировой рынок, занять на нем соответствующие ниши. Это, в свою очередь, будет способствовать росту совокупной мощи России, во многом обеспечит ее стабильное развитие и процветание и, в конечном итоге, станет одним из решающих факторов в обеспечении комплексной безопасности Российской Федерации, в том числе и в отношениях с КНР.

В результате закупок российского ВиВТ, а также налаживания лицензионного производства отдельных его типов, Китай достиг заметного прогресса, особенно в сфере эксплуатационного и технологического освоения современных авиационных комплексов, фактически совершив скачок от систем вооружения второго поколения к технике четвертого и "четвертого с плюсом" поколений. С помощью России Китай на 10-15 лет сократил свое технологическое отставание от наиболее развитых в научно-техническом и технологическом отношениях государств современного мира.

На наш взгляд, вывод российского эксперта К.Макиенко, согласно которому, несмотря на то, что НОАК в результате закупок российского вооружения добилась впечатляющего технологического прогресса, КНР "не стала перwokлассной военной державой глобального или даже регионального уровня"⁵¹, не соответствует реалиям сегодняшнего дня. Благодаря целенаправленной военно-технической политике китайского руководства в интересах поэтапного упреления оборонного потенциала КНР и ликвидации ее технического и технологического отставания, одним из элементов которой являлось расширение военно-технического сотрудничества с Россией, НОАК приобрела облик современных вооруженных сил, способных вести эффективные боевые действия в военных конфликтах любого масштаба. Безусловно, в настоящее время и в краткосрочной перспективе НОАК по боевым возможностям не сможет сравниться с вооруженными силами США. Тем не менее, в Восточной Азии по качественно-количественным показателям она уже на нынешнем этапе уверенно выходит на первое место.

Большие сомнения вызывает и правильность вывода К.Макиенко о том, что "ни актуальное, ни перспективное состояние военно-воздушных и военно-морских сил КНР не позволяет им надеяться на успех атаки против Тайваня"⁵². На наш взгляд, КНР без особого напряжения сил может успешно и в приемлемые временные сроки провести военно-силовую операцию по овладению Тайванем при условии невмешательства в конфликт США и их региональных союзников. Более того, можно с большой долей уверенности утверждать, что через 10-15 лет при сохранении нынешних темпов экономического развития, позволяющих наращивать усилия по укреплению научно-технических и технологических возможностей государства, в том числе и в военной сфере, Китай будет обладать способностью сделать неприемлемым по уровню предполагаемого ущерба (потерь) участие США в вооруженном конфликте в Тайваньском проливе. Другое дело, что китайское военно-политическое руководство, видимо, рассматривает возможность развязывания такого конфликта в качестве последней меры, используя устрашение Тайбэя как одно из тактических средств комплексной стратегии, направленной на окончательное решение проблемы воссоединения родины мирным путем.

1. Время новостей. 2003. 16 декабря; Независимая газета. 2003. 17 декабря.
2. Ведомости. 2004. 5 октября.
3. Время новостей. 2003. 16 декабря.
4. Рассчитано по материалам доклада: Макиенко К. Военно-техническое сотрудничество России и КНР в 1992-2002 годах: достижения, тенденции, перспективы. М.: Гендальф, 2002. Доклад № 2. С. 40.
5. Военно-промышленный курьер (ВПК). 2004. 17-23 марта. № 10.
6. Финансовые известия. 1998. 26 февраля.
7. Финансовые известия. 1998. 9 апреля.
8. Там же.

9. Ведомости. 2004. 1 февраля.
10. <http://www.expert.ru/expert/current/data/news/342.shtml>. 31.08.2004.
11. Время новостей. 2004. 26 июля.
12. Независимая газета. 2003. 17 декабря.
13. ВПК. 2004. 11-17 августа. № 30.
14. Ведомости. 2004. 19 августа.
15. Корабли, в соответствии с подписанным в январе 2002 г. контрактом, должны быть переданы китайской стороне в 2005-2006 гг. Стоимость контракта 1,4 млрд долл. США // Независимое военное обозрение. 2004. № 28.
16. Красная звезда. 27 октября. 1997.
17. ВПК. 2004. 25-31 августа. № 32.
18. Там же.
19. Ведомости. 2004. 23 июля.
20. Ведомости. 2004. 17 сентября.
21. Время новостей. 2004. 26 июля.
22. Известия. 2004. 26 октября.
23. ВПК. 2004. 21-27 июля. № 27.
24. Арнет Э. Военные технологии. Китай // Ежегодник СИПРИ 1995 г. М.: Наука, 1996. С. 255-273.
25. Время новостей. 2004. 26 июля.
26. Ведомости. 2004. 23 июля.
27. Время новостей. 2004. 23 июля.
28. Ведомости. 2004. 19 августа.
29. <http://www.expert.ru/expert/current/data/news/342.shtml> 31.08.2004.
30. Время новостей. 2004. 26 июля.
31. Niquet V. Une non revolution technico-militaire: la contre-exemple historique chineis. D'Armament Mars 1996. P. 4-10. Цит. по: Москва-Пекин. Pro et Contra: Московский центр Карнеги. М., Зима 1998. Т. 3. № 1. С. 55.
32. ВПК. 2004. 21-27 июля. № 27.
33. Асахи симбун. 2004. 29 июля.
34. East Asian Strategic Review 2004. The National Institute for Defense Studies. Japan. Tokyo. 2004. P. 119-120.
35. Ведомости. 2004. 29 июля.
36. Коммерсантъ. 2004. 6 июля.
37. Ведомости. 2003. 28 мая.
38. Независимая газета. 2003. 17 декабря.
39. Время новостей. 15 декабря 2003.
40. Независимая газета. 1998. 24 декабря.
41. Ведомости. 2004. 9 июня.
42. ВПК. 2004. 29 сентября — 5 октября.
43. Время новостей. 2004. 26 июля.
44. Там же.
45. Там же.
46. Ведомости. 2004. 19 августа.
47. Москва-Пекин. Pro et Contra: Московский Центр Карнеги. М., Зима 1998. Т. 3. № 1. С. 51.
48. Время новостей. 2004. 4 августа.
49. Проблемы Дальнего Востока. 2004. № 4. С. 125.
50. Время Новостей. 2004. 15 октября.
51. Макиенко К. Указ. соч. С. 38.
52. Там же. С. 39.

Развитие отношений между Вьетнамом и США после окончания военного конфликта в Индокитае

© 2004

Нгуен Ван Бинь

После окончания войны во Вьетнаме отношения СРВ и США пережили затяжной период отчужденности. Признаки потепления появились в конце 1980-х гг., а после отмены экономического эмбарго вьетнамско-американские отношения вступили в новый этап, который можно охарактеризовать как этап нормализации политических и торгово-экономических связей.

Отсутствие официальных политических контактов между СРВ и США длительное время служило основным препятствием к развитию гуманитарных, культурных и экономических связей между двумя странами. Поэтому главными задачами, которые решала СРВ на новом этапе, стали отмена эмбарго и установление дипломатических отношений со своим бывшим противником. Нормализация означала перевод двусторонних отношений на прочную правовую основу, подкрепленную долгосрочными торговыми договоренностями, обоюдным предоставлением торгового режима наибольшего благоприятствования и т. д.

Напряженность в отношениях с СРВ также становилась помехой Вашингтону в проведении внешней политики в Юго-Восточной Азии. Официальные оценки роли этого региона в американской стратегии свидетельствуют о стремлении США укрепить свои позиции в АТР, частью которого является ЮВА. "США имеют жизненно важные национальные интересы в сохранении доступа к экономическим системам региона. Азиатско-Тихоокеанский регион становится центром глобальной экономической активности, и экономическое благосостояние США теснейшим образом переплетается с экономическим будущим региона", — говорится в Стратегических оценках вызовов безопасности Соединенных Штатов Америки, подготовленных Национальным университетом обороны и Институтом национальных стратегических исследований США¹. США подчеркивают свою неизменную заинтересованность в сохранении доступа к экономическим системам юго-восточного региона как органичной части АТР, который становится центром глобальной экономической активности. Благосостояние Америки теснейшим образом переплетается с достижениями азиатских стран. Экономический рост государств Юго-Восточной Азии служит Соединенным Штатам источником обеспечения емких рынков и роста покупательного спроса населения, условий для экспорта инвестиций, технологий, рыночных стратегий в данный регион. США рассматривают такой доступ в качестве позитивного обоснования собственных долгосрочных обязательств по сохранению и расширению своего регионального присутствия². В Стратегии безо-

Нгуен Ван Бинь, кандидат экономических наук, вице-президент Международного инвестиционного банка.

пасности США для Восточной Азии и Тихого океана, разработанной министерством обороны Соединенных Штатов (1999), дана высокая оценка роли Юго-Восточной Азии в сфере региональной безопасности. В ней звучит уверенность в том, что, несмотря на финансовый кризис, который потряс растущую экономику ведущих стран этого субрегиона, США надеются, что эти страны останутся в качестве их ценных партнеров в сфере безопасности³. Кризис в странах ЮВА еще раз подтвердил связь их экономик с высокоразвитыми странами мира. Профессиональные экономисты утверждали, что азиатская фаза мировой финансовой дезинтеграции не окажет влияния на США, но они ошибались⁴. Зависимость США от внешней торговли со всем миром, в том числе со странами Азии, особенно с ее восточным крылом, нарастает. В 1998 г. торговый дефицит Соединенных Штатов достиг самого высокого уровня в истории Северной Америки в прошлом столетии. Причем 82% общего дефицита приходилось на десять стран Восточной Азии.

США еще в конце 1980-х — начале 1990-х гг. задались целью использовать крепнущую независимость и суверенитет стран Восточного Индокитая для того, чтобы интегрировать их в западную политическую и экономическую систему и положить конец экономической зависимости этих государств от России. Этой цели служили предпринимавшиеся с 1995 года усилия, направленные на то, чтобы разрушить российский монополию в энергетическом секторе Вьетнама, закрепить свои позиции в АСЕАН, приблизить свое экономическое присутствие в ЮВА к южным границам Китая. Но в указанное выше время американское правительство не спешило возвращаться во Вьетнам, на этот раз не с оружием, а со своими капиталами и выгодными экономическими проектами. Тем не менее, со своей стороны Вьетнам постепенно начал выказывать открытую заинтересованность в налаживании отношений с самой мощной в экономической и военной сферах державой мира. СРВ активизировала усилия своей внешней политики на американском направлении, принимая меры к тому, чтобы Запад оценил ее попытки стать открытой страной, соблюдающей демократические права и свободы человека — фактор, чрезвычайно привлекательный в глазах американских политиков. Кроме того, множество вьетнамцев получили разрешение на выезд из страны; были освобождены из лагерей бывшие пособники “сайгонского режима”; прекращена военная операция в соседней Камбодже — Вьетнам ушел оттуда, уступив место “голубым каскам” ООН.

Американцам разрешили искать останки своих без вести пропавших военнослужащих в районах, где в прошлом велись военные действия.

Стремясь к нормализации отношений с Вашингтоном, вьетнамское руководство не собиралось допускать вмешательства Америки в свои внутренние дела. Вместе с тем оно стремилось преодолеть негативные последствия конфронтации с США, неизжитые после окончания войны во Вьетнаме. Наиболее тяжелым для Вьетнама было торговое эмбарго, наложенное Вашингтоном. В этом акте отразилось не только стремление США поквитаться с СРВ за свое поражение, но и продемонстрировать негативное отношение к социалистическому режиму в этой стране. Эмбарго по сути дела было политическим актом Вашингтона, ставившим Ханой в изоляцию в капиталистическом мире. Именно поэтому оно явилось главным барьером на пути урегулирования вьетнамско-американских отношений. Эмбарго также прекратило доступ СРВ к льготным кредитам и займам международных финансовых организаций, оказывавшим помощь слаборазвитым странам, умаляло авторитет СРВ на мировой арене и не давало возможность Ханой использовать внешний фактор для проведения рыночных преобразований. Таким образом, экономические санкции не только ограничивали внешнеторговый оборот между двумя странами применением

высоких тарифных барьеров и нетарифных рестрикций, но и препятствовали Вьетнаму развивать отношения с Западом на равноправных началах, мешали стремлениям СРВ нормализовать отношения с США. Поэтому снятие эмбарго стало первым необходимым условием для того, чтобы стороны по официальным каналам могли приступить к решению накопившихся в их взаимоотношениях проблем.

В начале 1990-х гг. для достижения этой цели складывались благоприятные условия:

- Вьетнам вышел из сферы влияния СССР, закончилась его принадлежность к мировой социалистической системе.

- Немалую роль для отмены эмбарго сыграла политика Европейского Союза, опередившего в этом отношении Вашингтон. Представители немецкого бизнеса писали, например, в 1993 г. о том, что "мир не может вечно выслушивать обиды Америки, запрещающей предоставлять Вьетнаму кредиты для обновления захиревшей инфраструктуры страны. А когда придет время поставлять туда необходимое оборудование (бульдозеры, подъемные краны, генераторы, электронику), неужели Америка станет безучастно наблюдать, как Тайвань, Франция, Австралия и многие другие наживают на этом бизнесе миллиарды?"³.

- Американские промышленники и банкиры стали оказывать давление на правящие круги Америки, убеждая их не допустить, чтобы добыча нефти во Вьетнаме после распада СССР оставалась монополией России.

- Растущий прессинг подобного же рода ощущали также Всемирный банк и Международный валютный фонд.

Под воздействием этих факторов Вашингтон сделал первую уступку, разрешив американским фирмам иметь во Вьетнаме свои представительства и нанимать местный персонал, но запретил им заключать в этой стране торговые и другие сделки. Несмотря на половинчатый характер первой уступки, американские фирмы смогли открыто приступить к практическому изучению вьетнамского рынка, чтобы развернуть там операции, как только напряженная ситуация в политических отношениях между СРВ и США претерпит радикальные перемены к лучшему. Отмена эмбарго должна была повлечь за собой и следующий шаг — установление дипломатических отношений между СРВ и США, что открыло бы возможности для дальнейшего развития торгово-экономического сотрудничества не только по частным каналам, как это было до тех пор, но и на межгосударственном уровне. Дезинтеграция СССР и мировой системы социализма лишали Соединенные Штаты возможности и впредь настаивать на существовании коммунистической угрозы со стороны СРВ, которая, хотя и оставалась социалистическим государством, однако ее отношения с подавляющей частью коммунистического мира резко сократились. Это было в глазах американских деловых кругов важным аргументом в пользу отмены эмбарго и установления дипломатических отношений с этой страной. По мнению влиятельных американских политологов, тесно связанных с правительством, дипломатические отношения стали бы служить Соединенным Штатам одним из возможных средств противостояния все возрастающему влиянию Китая на Индокитайском полуострове и во всей Юго-Восточной Азии.

Еще одним важным обстоятельством, которое заставило мир больше считаться с Вьетнамом в международных делах, была подготовка СРВ к приему в Ассоциацию стран Юго-Восточной Азии. Начатые Вьетнамом переговоры по этому вопросу с секретариатом АСЕАН, положительная реакция лидеров государств-членов этой организации и благоприятная в целом ситуация, складывавшаяся вокруг данной проблемы, означали, что в скором времени Вьетнам сможет выступать на международной арене как член самой мощной региональной группировки в Восточной Азии. Пройгнорировать этот факт США не

могли уже потому, что рассматривают отношения с АСЕАН в качестве одного из приоритетных направлений своей внешней политики на азиатском направлении. Переговоры между СРВ и АСЕАН, происходившие в позитивном ключе, ускорили заключение дипломатических отношений между СРВ и США.

Важно обратить внимание еще на одно обстоятельство: в условиях глобализации Соединенные Штаты были вынуждены отказываться от практики многолетних санкций по отношению к отдельным странам. До этого США в одностороннем порядке вводили долгосрочные санкции в отношении 26 стран, в которых проживает половина населения всего земного шара. Эти санкции, по подсчетам экономистов-профессионалов, стоили Америке более 200 млрд. долларов (потерянный экспорт), 200 тыс. рабочих мест и других материальных потерь⁶. Кроме того, по нашему мнению, (вопреки мнению некоторых западных исследователей, утверждающих, что у Вашингтона к СРВ есть только геополитический интерес), у Соединенных Штатов во Вьетнаме был и есть экономический интерес.

Для обоснования этой точки зрения можно привести, по крайней мере, четыре аргумента.

Первый: прежде почти автаркическая экономика США теперь в громадной степени зависит от экспорта, доходы от которого составляют 30% валового внутреннего продукта Америки⁷. Следовательно, отмена запрета на торговлю с развивающимися странами наносит ущерб американской экономике. Соединенным Штатам нужны новые рынки сбыта в Азии, а значит и во Вьетнаме, что также лежит в русле национальных интересов Соединенных Штатов, их общей стратегии в Восточной Азии. Политика США в Ираке, задача Вашингтона создать на Ближнем Востоке зону свободной торговли подтверждают это. "Америка начинает более внимательно следить за системой межгосударственных отношений в Азии, за возникающими здесь новыми технологиями, привлекает к себе азиатский интеллектуальный капитал"⁸, — пишет известный российский политолог А. Уткин. И это справедливо не только по отношению ко всей Азии в целом, но и к отдельным странам, в том числе Вьетнаму. Кроме того, в США имеется довольно крупная вьетнамская диаспора, голоса ее членов имеют значение на президентских выборах. Улучшение отношений США с их этнической родиной могут сыграть здесь свою роль.

Второй аргумент: в США активизировалось движение за организацию поисков без вести пропавших американских солдат на территории Вьетнама и возвращение праха погибших на родину. В этом движении участвуют не только родственники погибших, но и патриотически настроенное студенчество, представители молодой интеллигенции.

Третий аргумент: американское руководство стало испытывать давление со стороны деловых кругов, озабоченных падением прибылей в своей стране и поиском новых рынков и сфер приложения капиталов. Несмотря на Закон об эмбарго, ряд американских компаний и финансовых групп до снятия эмбарго уже осуществляли небольшие инвестиции в развитие природных ресурсов Вьетнама, открыли торговые точки. Отдельные американские врачи-эпидемиологи принимали участие в борьбе западноевропейских медиков против малярии на территории СРВ. Их деятельность приносила большую пользу. Американские предприниматели и инвесторы стали усиливать нажим на правительство, настаивая на снятии с Вьетнама экономических санкций и создании благоприятных условий для работы с этой страной — таких же, какие имеют их конкуренты из других стран.

Четвертый аргумент: по большому счету правительство США и близкие к нему деловые круги осознавали, что участие развивающихся стран в глобализации, содействие им в создании рыночных отношений расширят поку-

пательную способность их населения и спрос на американские товары. А в процессе модернизации производства в слаборазвитых странах будут востребованы американские технологии, а также товары производственного назначения. Следовательно, возникнут новые возможности для экспансии американских товаров и капиталов в зону "третьего мира".

Напомним, что отсутствие дипломатических отношений между СРВ и США было связано с войной во Вьетнаме. Поражение Америки во вьетнамской войне привело к тому, что в комплексе неблагоприятных послевоенных последствий для Вьетнама значительное место продолжали занимать ненормализованные отношения Ханоя и Вашингтона и, как следствие, — их отдаленность друг от друга. В 1951 г., в связи с войной в Корее Вашингтон принял Закон об эмбарго на торговлю США с Демократической Республикой Вьетнам, правительство которой осудило агрессию Соединенных Штатов на Корейском полуострове. Затем, в соответствии со статьей 5-й американского Акта о расширении торговых соглашений США, их правительство отменило смягченные тарифы, действовавшие в рамках статуса наибольшего благоприятствования в сотрудничестве со всеми странами советско-китайского блока, включая СССР, Китай и ДРВ. Сразу же, как только Вьетнам одержал победу над США, прекращение действия статуса наибольшего благоприятствования было распространено американцами на Юг СРВ. Соединенные Штаты приостановили оказание гуманитарной помощи населению Южного Вьетнама, в том числе через Всемирный банк, запретили поездки американских граждан во Вьетнам и наложили эмбарго на торговлю с объединенным Вьетнамом.

Применение вышеперечисленных санкций, призванных наказать Вьетнам за его победу в 1975 г., и избранный им путь социалистического строительства негативно сказались на вьетнамской экономике: СРВ практически оказалась изолированной от цивилизованного общения с самой могущественной страной мира, а под ее влиянием — от развития сотрудничества со многими другими странами Запада и международными валютно-финансовыми организациями.

Под давлением общественности американское правительство было вынуждено поставить вопрос перед правительством СРВ о розыске пропавших без вести американских военнослужащих и возвращении на родину останков погибших на войне солдат и офицеров.

Просьба Соединенных Штатов была встречена во Вьетнаме с пониманием. Ханой допустил на территорию СРВ представителей американской комиссии по розыску пропавших без вести и оказал им необходимое содействие в организации поисковых экспедиций по местам бывших сражений. Были установлены имена свыше двух тысяч американских военнослужащих, пропавших без вести в ходе военных операций в Индокитае.

Таким образом, налаживание первых послевоенных контактов между США и СРВ обозначилось, прежде всего, в гуманитарной сфере. Но его значение оказалось велико, так как это предопределило дальнейшие шаги американской администрации по пути установления доверия к Вьетнаму. В течение 1982-1983 гг. СРВ и США провели ряд консультаций о начале совместных поисков останков погибших американских солдат, а в 1986 г. была сформирована и приступила к работе первая совместная поисковая экспедиция.

В обстановке обоюдного смягчения отношений вьетнамские государственные торговые организации начали периодически открыто заключать торговые сделки с частными американскими фирмами. Но большинство этих фирм представляли собой дочерние компании, чьи материнские учреждения функционировали в других странах. Однако интерес к сотрудничеству начал быстро развиваться в середине 1980-х гг., когда в СРВ стала разворачиваться экономическая реформа, обеспечивая переход страны к рыночным отношениям, а

вьетнамская внешняя политика, в том числе и ее торгово-экономическая составляющая, приобрели более открытый характер. Американцы увидели в этом добрый знак. Принятие Национальным собранием СРВ Закона об иностранных инвестициях (декабрь 1987 г.), а затем одобрение им поправок к этому закону⁹ привлекли внимание к Вьетнаму со стороны Японии, Китая и других стран Восточной Азии. Отставать от них Соединенные Штаты не собирались. Кроме того, стремясь усилить свои позиции в Юго-Восточной Азии, укрепить связи с блоком АСЕАН, в состав которого рано или поздно должна была войти СРВ, США понимали, что без Вьетнама - страны с населением, почти равным по числу жителей населению Германии, им трудно рассчитывать на успех своей политики в этом регионе. Вместе с тем, торговые отношения в силу уже проанализированных причин развивались вяло. Им не только не доставало динамики, но и целеустремленности — американские инвестиции в СРВ в условиях неурегулированных политических отношений между США и Вьетнамом оказывались рискованными и сдерживали предпринимательский интерес американцев. Поэтому инвестиции США во Вьетнаме росли медленно и носили преимущественно краткосрочный характер. Подобное состояние отношений не устраивало ни ту, ни другую сторону. Тем не менее, оно сохранялось вплоть до конца 1980-х — начала 1990-х гг. Но уже в первой половине 1990-х гг. в этой сфере стали происходить более заметные положительные сдвиги.

Существует несколько причин позитивного развития, среди которых следует выделить общее улучшение международной обстановки, установление внешнеторговых отношений СРВ с многими странами мира, дальнейшее проведение в стране рыночных реформ. Между США и Вьетнамом стали возникать и развиваться неформальные политические контакты. Представители США и СРВ стали чаще зондировать почву для установления дипломатических отношений, встречаясь в Нью-Йорке во время проведения сессий Генеральной Ассамблеи ООН. Кроме того, в США состоялся целый ряд публичных выступлений ведущих американских политиков и издавались большими тиражами мемуары бывших участников вьетнамской войны с заявлениями, осуждавшими агрессию Соединенных Штатов. Эти акции получили положительный резонанс во всем мире. В 1990 г. в Нью-Йорке произошла встреча государственного секретаря США Джеймса Бейкера с его вьетнамским коллегой Нгуен Ко Тхатем, во время которой обсуждались вопросы о продолжении поисковых работ по обнаружению в джунглях останков американских военнослужащих и отправлению их на родину. Новым аспектом на переговорах двух госсекретарей стало зондирование вопроса о налаживании торгово-экономического сотрудничества между США и СРВ. В результате в апреле 1991 г. первая официальная американская торгово-экономическая делегация посетила Ханой. Во время этой поездки представителям американских деловых кругов была дана возможность составить общее представление о состоянии вьетнамской экономики и ближе познакомиться с результатами рыночных преобразований в СРВ. По итогам этой поездки американскому Конгрессу был представлен специальный доклад, а среди конгрессменов распространен пресс-релиз. Итоги обсуждения доклада были обнадеживающими: в том же 1992 году в США был выработан многоэтапный план нормализации отношений с СРВ. Это было серьезное достижение вьетнамской дипломатии, которое открывало новые перспективы в сфере расширения международных экономических связей страны. В декабре 1992 г. президент США Джордж Буш-старший принял решение о частичной отмене экономических санкций в отношении Вьетнама. Для начала американские компании получили право на открытие своих официальных представительств во Вьетнаме и ведение на его территории ограниченной деятельности. Лимит распространялся, в первую очередь, на сферу деятельности американских инве-

стиционных компаний. Действовавшими в стране правилами им рекомендовалось участвовать в развитии инфраструктуры, а они, напротив, стремились обосноваться в отраслях, обеспечивающих быстрый оборот капитала, а значит и возможность репатриации капитала в случае неблагоприятной политической или иной ситуации. Тем не менее, американские бизнесмены получили право импортировать из СРВ, хотя и в ограниченных масштабах, морепродукты, готовые швейные изделия, латекс и кофе. Отсутствие дипломатических отношений препятствовало вашингтонской администрации оказывать содействие американским бизнесменам в расширении их прав по официальной линии.

Решение назревших проблем в отношениях между США и СРВ вызвало, наконец, решающий сдвиг: 3 февраля 1994 г. президент США Билл Клинтон официально объявил о снятии эмбарго, подчеркнув, однако, что установление дипломатических отношений с Ханоем связано с окончательным выяснением во Вьетнаме судеб пропавших без вести американских военнослужащих. Путь к нормализации политических отношений на высшем уровне был открыт. Отмена эмбарго была важна для обеих сторон. Она позволила вьетнамско-американским отношениям вступить в качественно новую стадию, пришедшую на смену длительному периоду конфронтации.

Отмена эмбарго как крупнейший политический акт, сыгравший исключительно важную роль в нормализации отношений двух стран, стала решающим шагом на пути к установлению между ними дипломатических отношений в полном объеме. Тем самым было доказано, что ни Вьетнам, ни США не могут больше игнорировать друг друга хотя бы в плане развития взаимовыгодных торгово-экономических связей. Улучшение политических условий для развития экономических контактов содействовало оздоровлению международного климата, усилению тенденций к диалогу стран ЮВА и США в целом. Осенью 1994 г. в Сан-Франциско прошла первая Вьетнамская торговая выставка — ВЬЕТЭКСПО-94 с участием представителей почти 100 тыс. государственных, кооперативных и частных компаний страны. Более четырех тысяч американских бизнесменов посетили выставку и вступили в переговоры с вьетнамскими предпринимателями. В рамках выставки успешно прошел семинар по вьетнамско-американскому экономическому сотрудничеству, выявивший планы сторон в этом направлении¹⁰.

Постепенно определились контуры экономического пространства, на котором СРВ и США могли осуществлять взаимовыгодное сотрудничество. Одно из них — автомобилестроение. Компания с ограниченной ответственностью “Форд-Вьетнам” (совместное предприятие вьетнамской компании “Шонг Конг” и американской автомобильной компании “Форд”) в 1995 г. приступила к осуществлению проекта строительства автомобильного завода в провинции Хайхынг во Вьетнаме. Уставный фонд СП “Форд-Вьетнам” оценивался в 100 млн. долл. США¹¹.

Развитие экономического сотрудничества двух стран готовилось также в процессе обмена делегациями на самом высоком государственном уровне. В частности, во время визита премьер-министра СРВ Во Ван Киета в Вашингтон в апреле 1995 г. состоялась его встреча с членами делегации Комитета безопасности палаты представителей Конгресса США во главе с его председателем П. Спенсером, в рамках которой было отмечено стремление правительства и народа Вьетнама нормализовать отношения с США “на благо двух наций, во имя мира и прогресса в регионе и во всем мире”¹².

Вопросы сбалансирования интересов двух сторон были детально обсуждены также во время пребывания в Ханое в мае того же года группы специальных представителей президента Б. Клинтона в ходе ее встречи с Генеральным секретарем ЦК КПВ До Мьюем и премьер-министром СРВ Во Ван Кие-том, а также с рядом других высоких государственных и партийных деятелей

СРВ¹³. И, наконец, 12 июля 1995 г. президент США заявил о нормализации отношений с Вьетнамом во всех областях, что явилось преддверием к вступлению сторон в дипломатические отношения. В области экономического сотрудничества благотворное влияние заявления Клинтона сказалось сразу же — началась широкая подготовка к проведению в сентябре-октябре того же года в Вашингтоне конференции с повесткой дня "О нормализации экономических отношений между Вьетнамом и Соединенными Штатами Америки". Ее участники пришли к выводу о том, что "нормализация отношений между двумя странами является правильным решением и внесет немалый вклад в укрепление мира и стабильности в Юго-Восточной Азии"¹⁴.

Эти и другие события подготовили заключение 6 августа 1995 г. официального соглашения о нормализации отношений между США и СРВ. Его подписали в Ханое государственный секретарь США Уоррен Кристофер и министр иностранных дел Вьетнама Нгуен Мань Кам.

12 апреля 1997 г. временный поверенный в делах Вьетнама в США Ле Ван Банг был назначен первым послом СРВ в Вашингтоне.

В мае того же года в Ханой прибыл первый посол США в СРВ Пит Петерсон, бывший участник войны во Вьетнаме. Его назначение на этот пост в страну, с которой Америка вела войну, означало, что Соединенные Штаты стремятся преодолеть (или уже в значительной степени преодолели) в сознании американского народа и его политической элиты так называемый вьетнамский синдром. С другой стороны, согласие вьетнамского правительства принять в качестве посла США в Ханое бывшего участника войны во Вьетнаме говорило о том, что СРВ также сделала шаг вперед для установления доверия и налаживания новых отношений с Вашингтоном.

Был разблокирован запрет на предоставление займов и кредитов Вьетнаму международными валютно-финансовыми учреждениями, в политике которых США играют ведущую роль. В итоге, уже в ноябре 1995 г. МВФ принял решение о предоставлении Вьетнаму займа на сумму 535 млн. долл. сроком на три года на поддержание экономической стабильности и структурной реформы¹⁵.

В июне 1997 г. представители внешнеполитических ведомств Вьетнама и США подписали рамочное соглашение о сотрудничестве, одобренное премьер-министром СРВ 26 декабря того же года. Одновременно администрация президента Соединенных Штатов начала консультации о прекращении действия поправки Джексона-Вэника¹⁶, накладывающей ограничения на торговлю с Вьетнамом как со страной, где не соблюдаются права человека. Отмена поправок открывала американскому ЭКСИМ-банку возможность оказывать содействие американским деловым кругам в их деятельности во Вьетнаме. В марте 1998 г. президент Клинтон подписал указ о прекращении действия поправок Джексона-Вэника в отношении СРВ, но по состоянию на конец марта 2000 г. он еще не был ратифицирован. Тем не менее, первый шаг в этом направлении был сделан.

В июне 1998 г. состоялся визит во Вьетнам государственного секретаря США Мадлен Олбрайт, за которым последовал ответный визит в Вашингтон заместителя премьер-министра, министра иностранных дел СРВ Нгуен Мань Кама. Были рассмотрены результаты развития двусторонних отношений и отмечен неудовлетворительный еще уровень двусторонних экономических и торговых связей. После этого участились поездки торговых делегаций США во Вьетнам. В Ханое и Хошимине появились представители крупных американских корпораций, занимавшиеся поисками новых возможностей предпринимательской деятельности в СРВ и налаживанием связей между отдельными штатами Америки и вьетнамскими провинциями. В 1998 г. в Сан-Франциско начало функционировать генеральное консульство СРВ, а в Хошимине — гене-

ральное консульство США. Все это послужило делу развития политических и торгово-экономических отношений между двумя странами.

1. U.S. Security Challenges in Transition. Report of the National Defense Institute for National Strategic Studies. Washington, D.C. 1995. P. 40.
2. Ibidem.
3. The United States Security Strategy for the East Asia-Pacific Region. U. S. Department of Defense. Washington, D. C., 1999. P. 45.
4. Richard Freeman. Record U. S. Trade Deficit Shows Economy is Crumbling // Executive Intelligence Review, March 5, 1999. Vol. 26. № 10. P. 4.
5. Zūdoutche Zaitung. München. 1993. № 7.
6. Foreign Affairs, March/April 2000, p. 91-92.
7. U. S. Foreign Policy at the Turn of the Millennium. New York: St. Martin Press, 2000. P. 172.
8. Уткин А. Единственная сверхдержава. М.: Алгоритм, 2003. С. 319.
9. 23 декабря 1992 г. Национальное собрание СРВ одобрило поправки к Закону об иностранных инвестициях 1987 г., в соответствии с которыми в стране поощряются создание совместных предприятий, выпускающих продукцию на экспорт и строительство зон экспортного производства.
10. Nhan Dvn, 28 September 1994; The New York Times, 15 September 1994.
11. Информационный вестник Посольства СРВ в РФ. Специальный выпуск. 1995. С. 5.
12. Nhan Dan. 14 April 1995.
13. Nhan Dan. 18 May 1995.
14. Nhan Dan. 09 October 1995.
15. The Financial Times. February 8, 1995.
16. Поправка Дженсона-Вэника к Закону США о торговле запрещает предоставлять статус наибольшего благоприятствования любой стране, где не соблюдаются права человека.

Китайско-туркменские отношения на современном этапе

© 2004

Ф. Хамраев

После событий 11 сентября 2001 г. и антитеррористической операции в Афганистане в балансе внешних сил, оказывающих влияние на развитие ситуации вокруг Центральной Азии, произошло серьезное изменение. Это потребовало некоторой корректировки политики как стран региона по отношению к основным мировым центрам силы, так и крупных мировых держав по отношению к странам Центральной Азии.

Главными стратегическими задачами Китайской Народной Республики в регионе Центральной Азии являются:

- обеспечение стабильности на своих западных границах и содействие эффективной реализации программы по ускоренному экономическому развитию западных районов страны;

- обеспечение гарантированного доступа к дополнительным источникам энергии для быстро развивающейся экономики КНР;

- противодействие доминирующему влиянию Запада и, в первую очередь, США на экономическом, политическом и военном уровнях.

В определенной корректировке центральноазиатской стратегии Пекина нашли свое отражение не только изменившаяся геополитическая ситуация в мире, но и снятие на некоторое время с повестки дня так называемого "синьцзянского вопроса", а также погранично-территориальных проблем. Проникновению в регион способствует и участие Китая в Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), одним из инициаторов которой являлась КНР. И если США обладают универсальной мощностью, а Россия имеет традиционные и достаточно тесные связи с Центральной Азией, то Пекин стремится на данном этапе устранить свое отставание от главных конкурентов посредством активного использования рамок и возможностей именно ШОС, а также активизации двусторонних отношений.

Туркменистан не входит ни в ШОС, ни в другие региональные структуры. Следовательно, Китаю необходимо поднимать на более высокий уровень двусторонние китайско-туркменские отношения, а делать это в условиях практически полной политической и экономической изоляции Туркменистана достаточно сложно. Однако Пекину удалось продвинуться в этом направлении, что, безусловно, можно записать в его актив.

В первое время после обретения Туркменистаном независимости отношения между Пекином и Ашхабадом носили в основном лишь представительский характер и обе стороны не проявляли существенного интереса друг к другу, что было особенно заметно со стороны Китая. Это объяснялось, на наш

взгляд, стремлением КНР прежде всего укрепить свои позиции в других центральноазиатских государствах, имеющих с ней и государственные границы, и более тесные экономические, политические и культурные отношения. Затем политика стала меняться, и китайское руководство проявило повышенный интерес к Туркменистану из-за его геополитического положения (наличие границы с Афганистаном и Ираном) и его природных богатств. Постепенно Китай стал более активно проводить в жизнь одно из основных направлений своего внешнеполитического курса, а именно, укрепление своих позиций в соперничестве с другими странами, в первую очередь с Турцией, за реальное политическое и экономическое влияние на центральноазиатские страны. С более сильными государствами Пекин соперничать в то время не был готов, да и не преследовал такой цели.

Успешному началу двусторонних туркменско-китайских отношений способствовал первый визит Президента Туркменистана Сапармурата Ниязова в Китай в ноябре 1992 г. Подписанные в ходе этого визита документы заложили хорошую правовую базу для развития отношений в сфере политики, экономики, культуры, науки, образования, туризма.

В последующие годы состоялись визиты делегаций на правительственном, парламентском уровнях, а также развивалось сотрудничество партийных и общественных организаций Туркменистана и Китая. Можно отметить визит парламентской делегации КНР во главе с заместителем Председателя ВСНП Тимуром Давагатом, посетившей в июле 1993 г. все страны региона, и ответный визит делегации Меджлиса Туркменистана в Китай в феврале 1994 г., официальный визит Премьера Госсовета КНР Ли Пэна в Ашхабад в апреле 1994 г., приезд в октябре 1995 г. в туркменскую столицу партийно-правительственной делегации из КНР во главе с членом Постоянного комитета Политбюро ЦК КПК, нынешним Президентом страны Ху Цзиньтао на празднование 4-й годовщины независимости Туркменистана.

В конце августа — начале сентября 1998 г. состоялся второй государственный визит Президента Туркменистана в Китай, в ходе которого была подписана Совместная Декларация Китайской Народной Республики и Туркменистана о дальнейшем развитии и укреплении дружбы и сотрудничества двух стран. В ходе визита были подписаны два рамочных соглашения, по одному из которых Китай выделял Туркменистану льготный кредит в 100 млн юаней, а по другому — предоставил безвозмездную помощь в 3 млн юаней. Китайская сторона также выразила готовность передать технологию и ноу-хау в производстве коконов шелкопряда. Причем была сделана оговорка, что передаваемая технология является секретной, но для Туркменистана сделано исключение.

Из текста Совместной Декларации можно заключить, что этот визит Президента Сапармурата Ниязова вывел отношения между Туркменистаном и КНР на качественно новый уровень. Пекин изменил свою позицию относительно партнерства с Туркменистаном и стал стремиться к серьезному укреплению своего влияния в этой центральноазиатской стране, что диктовалось в первую очередь экономическими интересами. Туркменистан рассматривается Пекином как реальный рынок сбыта китайского ширпотреба в обмен на сырье, проблемы с которым КНР испытывает уже достаточно давно. Затем Китай, имеющий избыток рабочей силы, может экспортировать ее в малонаселенный Туркменистан. Кроме того, обе страны заинтересованы в интенсивной разработке проекта газопровода "Туркменистан-Узбекистан-Китай-Япония", что приведет к прорыву "блокады экспорта туркменского газа" и относительно дешевому доступу Пекина к "голубому золоту".

Особое внимание в Декларации привлекают также те пункты, где речь идет о возможностях и перспективах сотрудничества двух стран в области

сельского хозяйства и переработки сельскохозяйственной продукции, о налаживании совместного производства в различных отраслях и сотрудничестве в области добычи и производства энергоресурсов и их реализации на мировых рынках.

Китай эффективно использовал развитие связей с Туркменистаном и добился, особенно на фоне других стран, заметного продвижения своих интересов в Туркменистане.

Так, успешно осуществляются экономические связи между двумя странами, и торговый оборот между ними растет стремительными темпами. Если в 1996 г. он составлял 14,3 млн. долларов, то за первое полугодие 2001 г. эта цифра увеличилась почти в три раза и достигла отметки 41,8 млн. долларов.

Особое место в сотрудничестве двух стран занимает энергетическая сфера. Важным документом в этом отношении является Соглашение о взаимопонимании и основных принципах сотрудничества в области нефти и газа между Правительством Туркменистана и Китайской национальной нефтегазовой корпорацией. Китайские специалисты принимают активное участие в разведке нефтегазовых месторождений, наращивании добычи нефти и газа в Туркменистане, а также в осуществлении ТЭО строительства газопровода из Туркменистана в Китай в соответствии с программой реализации проекта "передачи газа с запада на восток" по территории Китая. Кроме того, в соответствии с Соглашением о поощрении и взаимной защите капиталовложений в настоящее время в Туркменистане действуют около двух десятков предприятий с участием китайских инвесторов. Представители китайского бизнеса эффективно работают в сложных климатических условиях Туркменистана. Китайская нефтяная инженерно-строительная компания ведет ремонт и крепление призабойной зоны простаивающих и пескопроявляющих нефтяных скважин. Этой компанией на сегодняшний день проведены работы на 115 скважинах в объеме более 40 млн. долларов.

Продуктивным направлением туркменско-китайского сотрудничества является на сегодняшний день развитие шелководства. Известно, что после Китая Центральная Азия, в том числе и Туркменистан, является второй родиной шелка — "товара товаров" средневековья, благодаря чему и был назван Великий шелковый путь. В настоящее время с помощью китайских специалистов, работающих в Туркменистане, страна наращивает объемы экспорта в Китай коконов шелкопряда, закупая при этом в Китае необходимое оборудование, препараты, отборную грену.

В развитии двусторонних китайско-туркменских отношений можно отметить и политическую составляющую. Стремясь поддерживать стабильные отношения с Вашингтоном, Пекин стал более осторожным в осуществлении связей с Ираном в военной области и в поставке отдельных элементов для атомных реакторов. Туркменистан, граничащий с Ираном и имеющий с ним прочные добрососедские отношения, может способствовать в обеспечении Китаю благоприятных условий для сохранения тесных связей с Тегераном.

Есть все основания полагать, что тесные дружеские отношения между Туркменистаном и Китаем со временем будут улучшаться, так как Пекин продолжит осуществление своей целенаправленной, хотя и дозированной политики проникновения в страны центральноазиатского региона. Политика позитивного нейтралитета, проводимая Ашхабадом, а также отсутствие непосредственных границ между странами не помешают Китаю реализовать свои интересы в Центральной Азии.

Общество

Смертная казнь в КНР: правовое регулирование и практика применения

© 2004

Н. Ахметшин

Успехи динамично развивающегося современного китайского общества вызывают повсеместный и понятный интерес. В условиях разразившегося в конце 90-х гг. XX в. валютно-финансового кризиса, глобальных потрясений последних лет на фоне международной борьбы с терроризмом, несмотря на все трудности и проблемы государства с переходной экономикой и огромным населением, КНР сумела на рубеже веков осуществить грандиозные проекты и подготовить прочный фундамент для стремительного рывка в новом столетии. Укрепление мощной и влиятельной державы, с возвращением Сянган (Гонконг) и Аомэня (Макао), вступление в ВТО на относительно благоприятных условиях, триумфальное завоевание права на проведение летних Олимпийских игр 2008 года в Пекине и ЭКСПО-2010 в Шанхае, недавний запуск пилотируемого космического корабля и другие яркие достижения на фоне политической стабильности и устойчивого роста заслуживают высокой оценки.

Важную роль в обеспечении эффективности социально-экономических преобразований, сохранении общественного порядка и спокойствия в стране играет уголовное законодательство, которое находится в процессе постоянного совершенствования и приспособления к быстро меняющейся ситуации. 14 марта 1997 г. на пятой сессии Всекитайского собрания народных представителей (ВСНП) восьмого созыва были внесены изменения в первый в истории КНР Уголовный кодекс (УК), принятый в 1979 г. Они носят столь масштабный и в некоторых аспектах весьма кардинальный характер, что можно с полным основанием говорить о реформе всего уголовного законодательства. Практически речь идет о принятии ВСНП нового УК, вступившего в силу 1 октября 1997 г.¹

С учетом дискуссии, развернувшейся в России по поводу отмены смертной казни, опыт Китая в решении данной проблемы представляет значительный интерес. Вопросы назначения и исполнения высшей меры наказания регулируются в КНР статьями 48-51 Общей части Уголовного кодекса 1997 г. Статья 48 устанавливает, что смертная казнь может применяться только к лицам, совершившим тягчайшие преступления и достигшим к моменту совершения преступления 18 полных лет. Кстати, указание законодателя на достижение "полных лет" обусловлено существующими у различных народов Китая

Ахметшин Наиль Хасанович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института государства и права РАН.

специфическими традициями в определении возраста. Поэтому введение в понятие возраста лица достижение им полных лет этого возраста, по мнению юристов, дает возможность единообразного толкования данного вопроса в правоприменительной практике.

Исключена возможность применения смертной казни к лицам, не достигшим к моменту совершения преступления 18 полных лет, и женщинам, находящимся к моменту судебного разбирательства в состоянии беременности. Между тем, согласно УК 1979 г.², лица, достигшие возраста 16-18 лет, за особо тяжкие преступления могли быть приговорены к смертной казни с отсрочкой исполнения приговора сроком на два года (ст. 44).

Статья 45 Уголовного кодекса 1979 г. гласила, что смертная казнь приводится в исполнение через расстрел. В нынешнем УК такого указания нет. Это объясняется тем, что при принятии в марте 1996 г. Постановления о внесении поправок в Уголовно-процессуальный кодекс (УПК) КНР на четвертой сессии ВСНП восьмого созыва законодатель закрепил в пересмотренном УПК, который вступил в силу 1 января 1997 г., положение о приведении в исполнение приговора к смертной казни не только через расстрел, но и путем введения инъекции (ст. 212)³.

Уже известны факты применения инъекций со смертельными дозами яда в отношении осужденных преступников. По сообщениям агентства Синьхуа, в марте и ноябре 1997 г. в Куньмине (административный центр провинции Юньнань) подобным образом были казнены наркодельцы, в мае 1998 г. в провинции Хунань — убийца по имени Ян Мэн, в ноябре 2001 г. — еще двое преступников, осужденных в Шэньяне (административный центр провинции Ляонин).

В сентябре 2001 г. в городе Куньмин состоялось всекитайское совещание по проблеме расширения практики применения инъекций при приведении в исполнение смертных приговоров. Заместитель председателя Верховного народного суда КНР Лю Цзячэнь в дни работы пятой сессии ВСНП девятого созыва (март 2002 г.) в интервью веб-сайту агентства Синьхуа назвал эту практику “воплощением цивилизованного исполнения судебных приговоров”⁴.

В УК 1997 г. по-прежнему предусмотрено довольно широкое применение смертной казни. На момент принятия кодекса 1979 г. она была закреплена в санкциях 17 из 98 статей Особой части, устанавливающих уголовную ответственность за конкретные виды преступлений. В 80-90-е гг. XX в. по мере внесения изменений в уголовный закон их число значительно увеличилось. По данным западных исследователей, существенно возросло в то время и общее количество расстрелов⁵.

В середине 1980-х гг. по вопросу применения высшей меры наказания высказались некоторые ведущие китайские политики. Так, 17 января 1986 г. на заседании Постоянного комитета Политбюро ЦК КПК Дэн Сяопин выступил категорически против ее отмены и заявил буквально следующее: “Приговор к смертной казни тоже одно из необходимых средств воспитания”. Его безоговорочно поддержал Чэнь Юнь, возглавлявший в те годы Центральную комиссию КПК по проверке дисциплины: “Казнь одного предостережет сотню”⁶.

Высшая мера наказания в ныне действующем УК предусмотрена в санкциях более 80 из 350 статей Особой части. Следует в то же время подчеркнуть, что во всех статьях уголовного закона, где предусмотрена возможность применения смертной казни, установлены и иные виды наказания, в том числе пожизненное заключение и лишение свободы на различные сроки.

Максимальное число статей, в которых допускается ее применение, приходится на главу 3 (“Преступления против социалистического рыночного экономического порядка”) — около 20. Глава 6 (“Преступления против общественного порядка и порядка управления”) содержит 13 таких статей, в главах 4 (“Преступления против прав личности, демократических прав граждан”) и 10

(“Преступления военнослужащих против воинского долга”) их по 11, в главе 1 (“Преступления против государственной безопасности”) — 9. В целом это несколько меньше в процентном отношении, чем было в уголовном законодательстве до 1997 г.

Как известно, высшая мера наказания получила распространение еще в старом Китае. Согласно данным Е.И.Кычанова, по кодексу эпохи Тан (618-907 гг.) смертной казнью карались 233 вида преступлений, по кодексу Сун (960-1279 гг.) — 293, кодексу Юань (1271-1368 гг.) — 135, кодексу Мин (1368-1644 гг.) — 282⁷.

Вопрос о применении смертной казни уже несколько лет вызывает споры в политических, научных и общественных кругах России. Против высшей меры наказания и в защиту ее сохранения приведено огромное количество самых разнообразных аргументов. Сторонники ее отмены в РФ утверждают, в частности, что применение смертной казни не снижает уровня преступности в стране. Однако нельзя не признать, что и мораторий на ее применение в государстве, столкнувшемся с острейшими проблемами переходного периода, оказывается малоэффективным.

В соответствии с постановлением Конституционного Суда РФ от 2 февраля 1999 г. до обеспечения обвиняемому права на рассмотрение его дела с участием присяжных заседателей, наказание в виде смертной казни назначаться не может. Указанное решение выполняется неукоснительно. В то же время, согласно официальной статистике, в 2001 г. в России было зарегистрировано 1769565 тяжких и особо тяжких преступлений, что на 2 процента больше, чем в 2000 г. Убийств и покушений на убийства зафиксировано 33583, что на 5,5 процента выше показателя предыдущего года; преступлений, связанных с умышленным причинением тяжкого вреда здоровью, — 5739 (рост на 12 процентов), изнасилований и покушений на изнасилование — 8169 (рост на 3,7 процента); разбойных нападений 44806, что на 13,6 процента (!) больше, чем в 2000 г.⁸

Представляется, что в условиях кардинальных экономических преобразований, крупномасштабных изменений в обществе и достаточно сложной внутриполитической ситуации условия для отмены исключительной меры наказания в России еще не созрели. С другой стороны, возникают большие сомнения относительно целесообразности широкого применения смертной казни, как это имеет место в современном Китае. Далеко не всегда кажется оправданной и жесткостью санкций, закрепленных в УК КНР.

В нынешнем кодексе сохранено правило, согласно которому в отношении осужденного к смертной казни возможна отсрочка исполнения приговора сроком на два года, когда суд считает, что нет необходимости немедленно приводить приговор в исполнение (ст. 48). Вместе с тем по-новому, более четко сформулирована статья 50, определяющая основания и порядок решения вопроса об исполнении приговора к смертной казни после истечения двухлетней отсрочки.

Если осужденный к смертной казни с отсрочкой исполнения приговора в период отсрочки не совершил умышленного преступления, то по истечении двух лет смертная казнь может быть заменена пожизненным заключением. Ранее в законе была достаточно рыхлая формулировка о “действительном раскаянии и исправлении” (ст. 46 УК 1979 г.).

При реальном серьезном искуплении вины заслугами после истечения двухлетней отсрочки смертная казнь осужденному может быть заменена лишением свободы на срок от пятнадцати до двадцати лет. Если же осужденный в течение указанной отсрочки совершил новое умышленное преступление, то высшая мера наказания с санкции Верховного народного суда приводится в исполнение.

Институт отсрочки исполнения приговора к смертной казни существовал еще в императорском Китае. Так, в первой половине XIX в. основоположник российского китаеведения Н. Я. Бичурин (1777-1853 гг.) писал, что “пре-

ступления, заслуживающие смертную казнь, разделяются на две главные статьи, из коих по первой казнь совершается по окончании суда без отлагательства, по второй — по заточении". Уголовные дела преступников, приговоренных к "смертной казни по заточении", окончательно решаются в столице. При этом основное внимание при рассмотрении каждого дела "обращено на то: нет ли в нем таких обстоятельств, которые бы дозволили отсрочить казнь преступнику, оказать ему снисхождение или оставить его для пропитания... жертв"⁹.

Согласно УК 1997 г., срок отсрочки исполнения смертной казни исчисляется со дня вынесения приговора. При замене смертной казни с отсрочкой исполнения срочным лишением свободы его срок исчисляется со дня истечения отсрочки исполнения смертной казни (ст. 51). Приговоры к смертной казни подлежат утверждению Верховным народным судом, за исключением тех, которые вынесены им самим. Приговоры к смертной казни с отсрочкой исполнения могут выноситься судами высшей ступени или же утверждаться ими.

Смертная казнь предусмотрена в санкциях каждой третьей статьи, включенной в главу о преступлениях против прав личности, демократических прав граждан Особенной части УК 1997 г. Высшая мера наказания грозит лицам, виновным в умышленном убийстве (ст. 232), умышленном причинении вреда здоровью другого человека при особо тяжких последствиях (ст. 234), изнасиловании женщины или половом сношении с несовершеннолетней, не достигшей 14 полных лет (ст. 236), и др. В законе, например, перечислены квалифицирующие признаки изнасилования женщины, полового сношения с несовершеннолетней, при наличии которых преступники могут быть приговорены к смертной казни:

- 1) изнасилование женщины, половое сношение с несовершеннолетней при отягчающих обстоятельствах;
- 2) изнасилование нескольких женщин, половое сношение с несколькими несовершеннолетними;
- 3) публичное изнасилование женщины в общественном месте;
- 4) поочередное изнасилование, совершенное двумя лицами и более;
- 5) причинение потерпевшей тяжкого телесного повреждения, смерти или при других тяжких последствиях.

Осенью 2001 г. суд средней ступени г. Иньчуань (административный центр Нинся-Хуэйского автономного района) приговорил к смертной казни четверых жителей северо-западной провинции Ганьсу. С 11 ноября 2000 г. по 10 мая 2001 г. члены преступной группировки — Цзюй Бухай, Го Сили, Цзюй Буцзян и Цзюй Бувэнь — совершили более двух десятков разбойных нападений и 14 изнасилований¹⁰.

В УК 1979 г. не было нормы о захвате заложников. В политических и юридических кругах существовало устойчивое мнение, что с этим явлением в новом Китае покончено раз и навсегда. Однако в середине 1980-х гг. появилась первая информация о подобном рода преступлениях, позднее они участились. 4 сентября 1991 г. Постоянный комитет ВСНП седьмого созыва на 21-м заседании принял Постановление об усилении наказаний преступников, виновных в похищении, обмане с целью продажи, захвате в качестве заложников женщин, детей¹¹, в котором впервые за многие годы на законодательном уровне регулировались вопросы борьбы с захватами определенного круга лиц с целью вымогательства финансовых и иных материальных средств.

В ходе подготовки УК 1997 г. законодатель исходил из предпосылки, что такие захваты осуществляются не только с последующим вымогательством имущества, но и с другими целями. При этом объектом посягательства могут быть как женщины и дети, так и мужчины. В настоящее время статья 239 (захват заложника) допускает применение смертной казни.

В июле 1999 г. к высшей мере наказания был приговорен некий Ян Жунсун, организовавший захват и убийство жительницы Тайваня, которая являлась членом правления в то время оппозиционной на острове Демократической прогрессивной партии. Линь Тичуань захватили в северо-восточной провинции Ляонин летом 1998 г. За ее жизнь преступники потребовали выкуп в 700 тыс. долларов. Позже она была обнаружена в бессознательном состоянии и через два дня скончалась, как выяснили специалисты, от принудительной передозировки героина. Трех сообщников Ян Жунсуна приговорили соответственно к пожизненному заключению, 16 и 15 годам лишения свободы¹².

Не менее строго наказываются лица, виновные в похищении младенцев, малышей с целью вымогательства. В КНР существует возрастная шкала для самых маленьких, которую условно можно перевести на русский язык как “новорожденный” (до одного месяца), “младенец” (от одного полного месяца до года) и “мальш” (от одного года до трех лет). В указанной статье названы дети лишь двух последних возрастных групп.

Норма о похищении, обмане людей с целью их продажи была в УК 1979 г. (ст. 141). Эти преступные деяния наказывались лишением свободы до пяти лет, при отягчающих обстоятельствах — на пять и более лет. По мере активизации политики реформ и интенсивного развития товарно-денежных отношений с начала 1980-х гг. повсеместно наметилась тенденция к резкому росту таких преступлений. Поэтому в Постановление об усилении наказаний преступников, серьезно нарушивших общественную безопасность (сентябрь 1983 г.), была включена норма, согласно которой в отношении руководителей преступных групп, занимавшихся похищениями, обманом людей с целью продажи, или при наличии особо отягчающих обстоятельств допускалось применение наказания выше высшего предела, вплоть до смертной казни.

Однако изменить обстановку к лучшему не удалось. Особенно сложной остается проблема борьбы с похищениями, обманом с целью продажи женщин и детей. В современной китайской деревне действительно существует “женский вопрос”. Представительниц прекрасного пола там значительно меньше, чем мужчин. Согласно древней традиции и в рамках проводимой в масштабах государства политики планирования рождаемости семьи, как правило, стремятся обзавестись мальчиками, опорой родителей на старости лет и реальными работниками, что ведет к изменению демографической ситуации. В свою очередь и тяжелый крестьянский труд оставляет неутешительные следы на женской внешности и фигуре, другое дело — симпатичные горожанки. Кроме того, в деревнях немало мужчин-инвалидов и калек, которым трудно рассчитывать на благосклонность соседок. Наличие устойчивого спроса в сельской местности на молодых женщин рождает и соответствующее предложение. Точно так же покупают и чужих детей, прежде всего мальчиков, в основном в качестве будущей рабочей силы или в бездетные семьи.

В южных районах страны интерес к иногородним девушкам проявляют владельцы подпольных публичных домов и сутенеры. Их даже не надо похищать. Можно пообещать им какую-то работу в сфере обслуживания, что в условиях острой безработицы рассматривается как большое благо, а затем отобрать документы и принудить к занятию проституцией. Понятно, что такими проститутками легче манипулировать, да и их родственники находятся далеко.

В статье 240 Уголовного кодекса предусмотрены конкретные ситуации, при которых виновные в похищении, обмане с целью продажи женщины или ребенка могут быть приговорены к высшей мере наказания. В число таковых входят: руководство соответствующей преступной группой; похищение, обман с целью продажи женщин, детей в количестве трех и более человек; половое сношение с похищенной, обманутой с целью продажи женщиной; принуждение похищенной, обманутой с целью продажи женщины к занятию проституцией,

либо продажа ее другому лицу для занятия проституцией; похищение малыша с целью продажи; продажа женщины или ребенка за границу и т. д.

Китайские средства массовой информации регулярно сообщают о суровых приговорах, выносимых похитителям людей. 31 мая 2000 г. Верховный народный суд объявил о расстреле пяти преступников, трое из которых были осуждены по статье 240 УК. 29-летний крестьянин из уезда Сишуй (провинция Гуйчжоу) Чжан Юн в 1993-1997 гг. похитил и продал 12 детей. 38-летний Хуан Шэнцзао и 42-летний Хуан Шэнгуй из г. Гаоань (провинция Цзянси) в 1994-1999 гг. похитили и продали 15 детей.

18 января 2001 г. в городе Суцзянь (провинция Цзянсу) по приговору суда казнены руководители преступной группировки, состоявшей из 18 человек и занимавшейся торговлей женщинами. Всего за период с 1992 г. по 1998 г. ее члены продали свыше 140 женщин по цене 1500-4000 юаней (около 180-480 долларов за каждую).

Весной 2001 г. суд города Цзуньи (провинция Гуйчжоу) рассмотрел схожее по своим признакам уголовное дело. Преступники с марта 1997 г. по март 2000 г. обманным путем похитили и продали по цене от 4000 до 9000 юаней в развлекательные заведения приморской провинции Фуцзянь почти 100 девушек, которых затем принудили заниматься проституцией. Эту группировку, кстати, возглавляли две женщины — Ван Хэцяо и Цай Чунлянь, и именно они получили высшую меру наказания¹³.

Смертная казнь фактически установлена в санкциях девяти из 12 статей главы о преступлениях против государственной безопасности Особенной части действующего УК: сговор с иностранным государством в ущерб суверенитету, территориальной целостности и безопасности КНР (государственная измена) (ст. 102), раскол государства (ч. 1 ст. 103), вооруженный мятеж или вооруженные беспорядки (ст. 104), измена и переход на сторону противника (ст. 108), шпионаж (ст. 110 и 111) и т. д.

Борьбе с сепаратизмом китайские лидеры уделяют повышенное внимание, неизменно исходя из принципа сохранения единого многонационального государства. В 90-е гг. XX в. активизировали свою деятельность сепаратисты в Синьцзяне, выступающие за его отделение от Китая. Местные руководители убеждены, что автономный район стал объектом постоянной противоправной деятельности мусульманских экстремистов, находящихся как внутри страны, так и за ее пределами.

Ни для кого не секрет, что сотни синьцзянских сепаратистов, избравших своей тактикой террор и насилие, прошли специальную подготовку в тренировочных лагерях талибов и организации Усамы бен Ладена "Аль-Каида" в Афганистане. Во время антитеррористической операции в этой стране в конце 2001 — начале 2002 гг. многие из них были захвачены в плен. Американские синологи Эндрю Дж. Нэтэн и Брюс Джилли в книге "Новые правители Китая. Секретные файлы", изданной в Лондоне в 2003 г., со ссылкой на китайских официальных лиц приводят данные, согласно которым после известных событий 11 сентября 2001 г. в Синьцзяне были арестованы 130 террористов, обученных в Афганистане¹⁴.

В ночь с 29 на 30 июня 2002 г. в центре столицы Кыргызстана были застрелены консул КНР в Бишкеке Ван Цзяньпин и уроженец Синьцзян-Уйгурского автономного района (СУАР), китайский гражданин Нурмухамед Умар. Спустя месяц местные власти передали убийц — гражданина Кыргызстана Маматкерима Кудоярова и турецкого подданного Мустафу Кару — китайской стороне в соответствии с ранее достигнутыми договоренностями о взаимодействии в сфере борьбы с терроризмом, сепаратизмом, экстремизмом и организованной преступностью. По данным МВД Кыргызстана, М.Кудояров и М.Кара — уйгуры по национальности, активные члены подпольной экстреми-

стской организации “ШАТ” (“Свободный Туркестан”), добивающейся отделения Синьцзяна от КНР. Ее боевики для достижения поставленной цели регулярно используют теракты.

Летом 1996 г. они совершили несколько нападений в городе Ош, где взорвали микроавтобус с пассажирами и дом местного предпринимателя. Ими убит лидер уйгурской диаспоры в этой центральноазиатской стране Нимат Баззаков за отказ сотрудничать и отчислять деньги на нужды “ШАТ”. В 2000 г. сепаратисты обстреляли китайскую делегацию, приехавшую в Бишкек; тогда погибли два человека. М.Кара долгое время разыскивался Интерполом за совершенные в КНР преступления и несколько лет провел в лагерях по подготовке боевиков на территории Чечни и Афганистана¹⁵. При обыске у М.Кудоярова и М.Кары сотрудники милиции обнаружили около десятка паспортов.

Неудивительно, что Китай считает борьбу с экстремистами в СУАР частью международной кампании, направленной против терроризма. Действия сепаратистов реально угрожают не только стабильности внутри страны, но и всему региону. Поэтому власти настроены весьма решительно. По информации ИТАР-ТАСС от 3 марта 1999 г., в Синьцзяне по приговору суда были казнены 10 человек, являвшихся членами запрещенной группировки. В качестве главных пунктов обвинения им были предъявлены раскольническая деятельность, организация массовых беспорядков и погромов, совершение убийств, террористических актов и иных особо тяжких преступлений, направленных против территориальной целостности государства. 12 июля 2000 г. газета “Синьцзян жибао” сообщила о расстреле 6 уйгурских сепаратистов. Суд города Урумчи (административный центр СУАР) признал их виновными в “деятельности, направленной на раскол страны”, и принадежности к “реакционной исламской организации”.

Теракты, совершенные 11 сентября 2001 г. в США, вызвали мощный резонанс в мире. Они привели не только к созданию антитеррористической коалиции в глобальном масштабе, но и интенсивной разработке важных международных конвенций, принятию региональных деклараций, внесению существенных корректив в национальные законы.

КНР на протяжении длительного времени сталкивается с мусульманским экстремизмом на северо-западе, в последние годы участились случаи совершения уголовно наказуемых деяний, посягающих на общественную безопасность, нормальное функционирование органов власти, а также жизнь и здоровье граждан, в центральных районах страны. Пекинское руководство решительно поддержало усилия мирового сообщества в борьбе с терроризмом и одновременно обратило самое пристальное внимание на внутривосточные проблемы аналогичного содержания.

В сложившейся ситуации китайские юристы и законодатели, привыкшие своевременно и четко реагировать на происходящие изменения, в кратчайшие сроки подготовили очередные Поправки к УК КНР, которые были приняты на 25-м заседании Постоянного комитета ВСНП девятого созыва 29 декабря 2001 г.¹⁶ Их авторы без обиняков заявили, что дополнения и изменения вносятся в кодекс в целях уголовного преследования за преступления, связанные с террористической деятельностью, для обеспечения безопасности государства и жизни людей, охраны собственности и общественного порядка.

Строго говоря, в УК 1997 г. слово “терроризм” первоначально упоминалось всего один раз — в статье 120 (организация, руководство и участие в террористической организации), хотя конкретные положения, раскрывающие суть столь опасной формы преступного посягательства, закреплены в целом ряде его статей. По сообщению агентства Синьхуа от 25 декабря 2001 г., выступая на заседании ПК с разъяснениями по поправкам, заместитель председателя рабочей комиссии по вопросам законодательства ПК ВСНП Ху Каншэн настаивал на значительном ужесточении наказания главарей террористов.

В результате организация или руководство соответствующим формированием отныне карается лишением свободы на срок десять и более лет, либо пожизненным заключением (ранее до десяти лет). Санкции в отношении ее активных и прочих участников остались почти без изменений. Представляется, что отсутствие высшей меры наказания вызвано в какой-то степени "внешним фактором": нередко лидеры террористов находятся за рубежом, но правительства многих государств категорически отказываются выдавать преступников, если за совершенные деяния им по приговору суда в другой стране угрожает смертная казнь. Китайские власти в данном случае подстраховались и исключили возможность использования формального предлога в переговорах по внешнеполитическим каналам.

Тема борьбы со шпионажем и государственной изменой в форме шпионажа или выдачи государственной тайны периодически возникает в китайском обществе. Последний раз ее активно обсуждали в конце XX — начале XXI в. Как свидетельствуют обнародованные в то время материалы, выявленные преступники в основном действовали в пользу Тайваня. Так, по информации ИТАР-ТАСС от 14 и 18 сентября 1999 г. со ссылкой на местные источники, в августе были расстреляны высокопоставленные военные: генерал-майор Лю Лянькунь и старший полковник Шао Чжэнчжун. 58-летний Лю Лянькунь, до ухода на пенсию занимавший должность начальника отдела вооружений Главного управления тыла Народно-освободительной армии Китая, работал на тайваньскую разведку с начала 1990-х гг. Сын генерала, занимавший должность командира дивизии, в свою очередь был приговорен к длительному сроку лишения свободы по обвинению в сокрытии преступлений.

Казненные генерал и старший полковник, в частности, передали Тайбэю сведения о дислокации китайских войск, а также вооружении, включая ракеты, которое использовалось во время проведения крупных военных маневров в 1996 г. в районе Тайваньского пролива. Лю Лянькунь и Шао Чжэнчжун получили от тайваньских спецслужб в общей сложности 1,6 млн долларов США. Во время обыска в доме отставного генерала было обнаружено 500 тыс. долларов и 900 тыс. юаней (более 100 тыс. долларов). В связи с этим делом руководство страны потребовало усилить работу контрразведки.

В июле 2000 г. суд в Пекине приговорил тайваньских шпионов — Ян Минчжуна, Яо Цзячжэня и Чжан Вэй — соответственно к смертной казни с двухлетней отсрочкой исполнения приговора, пожизненному заключению и 15 годам лишения свободы. Прибыв в КНР, они по поручению островных спецслужб "занимались хищением политических, экономических и военных секретов" в крупных городах страны, что "причинило серьезный урон государственной безопасности"¹⁷.

В отличие от кодекса 1979 г. нынешний УК предусматривает суровые санкции за преступления, связанные с наркотиками. Дело в том, что политика реформ и открытости, провозглашенная руководством Китая в конце 70-х — начале 80-х гг. прошлого века, способствовала, как известно, его стремительному экономическому росту, развитию внешнеторговых связей и укреплению дружественных отношений с соседними государствами, но в то же время заметно осложнила криминогенную обстановку. Проблема наркопреступности, с которой связаны печальные страницы национальной истории XIX в. и первой половины XX в., спустя десятилетия после образования КНР вновь стала актуальной.

Ситуация осложняется тем, что юго-западная провинция Юньнань граничит с печально знаменитым "золотым треугольником" — районом интенсивного культивирования и производства наркотиков, расположенным на территории Мьянмы, Лаоса и Таиланда. Согласно некоторым оценкам, только в 2001 г. на 93 с лишним тысячах гектаров там собрали 1800 тонн опиума¹⁸. На долю провинции приходится до 70 процентов общего количества изымаемых в Китае

наркотиков. Именно здесь пролегают основные маршруты их переброски во внутренние районы, а также в Гонконг и Макао.

В последние годы активизировалось сотрудничество властей сопредельных государств в борьбе с наркобизнесом. Они реализуют грандиозный проект перевода крестьян с выращивания опийного мака на сельскохозяйственные культуры: рис, сахарный тростник, каучук, чай. По неполной статистике, с 90-х гг. прошлого века до середины 2001 г. юньнаньская администрация направила в Мьянму и Лаос 300 млн юаней (более 35 млн долларов) и 3 тыс. специалистов для закупки семян и удобрений, подготовки квалифицированных кадров. Более того, китайская сторона приобретает у бедных крестьян, живущих в соседних странах, урожай по своим внутренним ценам. Как заявил высокопоставленный полицейский чин Сунь Дахун, коренным способом искоренения наркотиков остаются социально-экономические преобразования в районах производства опиума, одновременно он считает нереальной попытку разрешить глобальную проблему с помощью военно-полицейских методов¹⁹.

До недавнего времени страна сталкивалась с еще одной опасностью — проникновением опиума с территории “золотого полумесяца”, расположенного на стыке границ Афганистана, Пакистана и Ирана. Сейчас трудно предугадать, как будут развиваться события после завершения антитеррористической операции в Центральной Азии, но вполне конкретная задача предотвращения притока наркотиков через северо-западный Синьцзян-Уйгурский автономный район далека от окончательного разрешения.

Статья 347 УК КНР 1997 г. допускает применение смертной казни за контрабанду, торговлю, перевозку, производство 1000 и более граммов опиума, 50 и более граммов героина либо синтетического наркотика “лед” или других наркотиков в большом количестве. К числу наркотиков в уголовном законе отнесены опиум, героин, морфин (морфий), марихуана, кокаин и другие наркотические средства и психотропные вещества, квалифицируемые таковыми в соответствующих государственных документах и способные вызвать у людей пристрастие к ним. При контрабанде, торговле, перевозке, производстве или незаконном хранении их количество определяется из фактически установленного объема без учета качества переработки (ст. 357). Естественно, сюда включен и наркотик “лед”. В специализированных словарях и соответствующей литературе его еще называют “метиламфетамин”, “метамфетамин” или “метиланилин”.

По данным, представленным министерством общественной безопасности КНР за период с 1991 по 1999 гг. в Китае было раскрыто 360 дел, связанных с изготовлением и торговлей этим наркотиком, изъято 23,3 тонны “льда”. Однако в 2000 г. число подобных дел резко увеличилось и достигло 372, за год правоохранительные органы конфисковали 20,9 тонны наркотика. В 2001 г. удалось раскрыть 503 дела, при этом общее количество изъятого “льда” существенно сократилось до 4,8 тонны²⁰.

Практика применения положений УК, направленных на борьбу с наркотиками, свидетельствует о строгости выносимых судами приговоров. Так, в ноябре 2000 г. суд в Пекине приговорил к высшей мере наказания 31-летнего Хань Юфу — крестьянина из северо-западной провинции Ганьсу. Он был задержан сотрудниками органов общественной безопасности во время продажи героина в номере гостиницы “Хуаюань”, расположенной в престижном столичном районе Хайдянь. У него обнаружили 3503 грамма наркотика. В декабре того же года в г. Шаньтоу (провинция Гуандун) приведен в исполнение смертный приговор в отношении тайваньского наркодельца Чэнь Куньчжана, который в конце 90-х гг. приступил к производству “льда” в арендуемом жилье в городе Бэйхай Гуанси-Чжуанского автономного района. В течение нескольких месяцев он сумел реализовать крупные партии наркотика, но позднее был арестован и предстал перед судом²¹.

Согласно информации агентства Синьхуа от 12 сентября 2001 г. и 3 января 2002 г., в городе Шэньчжэнь (провинция Гуандун) полиция разгромила мощный наркосиндикат и изъяла свыше 17 тонн "льда". В результате восемь преступников получили высшую меру наказания, трое — смертную казнь с двухлетней отсрочкой исполнения приговора, еще трое — пожизненное заключение. Среди осужденных оказалось девять жителей Сянгана (Гонконг). С июня 1996 г. по июль 2000 г. эти лица во внутренних районах Китая изготовили по меньшей мере 25 тонн указанного наркотика. Произведенный "товар" они контрабандным путем доставляли на Филиппины, а оттуда в США и страны Европы. Как иронично заметило упомянутое агентство, конфискованного в Шэньчжэне "льда" хватило бы всем гонконгским наркоманам на 200 лет вперед.

Весной 2002 г. суд Куньмина (административный центр провинции Юньнань) за контрабанду наркотиков приговорил к смертной казни с двухлетней отсрочкой молодую россиянку Елену Тимченко — жительницу Приморья. Ее задержали в местном аэропорту с 960 граммами героина. Значительно меньше повезло жительнице Тайваня Чжан Мэйсю. У нее в бюстгальтере таможенники обнаружили 427,1 грамма героина, который она пыталась вывезти из Китая. По информации агентства Синьхуа от 27 июня 2002 г., народный суд в Шаньтоу приговорил ее к высшей мере наказания.

С началом проведения политики реформ и открытости самое пристальное внимание в КНР стало уделяться борьбе с экономической преступностью. Национальные лидеры прекрасно осознают, что любые послабления в данной области оборачиваются огромными убытками для государства. Поэтому неудивительно, что в санкциях значительного числа статей, устанавливающих уголовную ответственность за такого рода преступления, допускается применение высшей меры наказания. Смертная казнь в УК 1997 г. предусмотрена, в частности, за производство, сбыт поддельных лекарств, если это повлекло смерть или причинило особо тяжкий вред здоровью человека (ст. 141), контрабанду товаров в особо крупных размерах (ст. 151, 153), подделку денег при особо тяжких обстоятельствах (ст. 170), различные способы финансового мошенничества в особо крупных размерах и нанесении особо крупного ущерба интересам государства и его граждан (ст. 192, 194 и 195).

Не утихает в Китае и война с коррупцией на всех уровнях. Так, в соответствии с УК КНР к высшей мере наказания могут быть приговорены государственные служащие, виновные в присвоении (растрате) общественного имущества или получении взятки на сумму 100 тыс. юаней (около 12 тыс. долларов) и более (ст. 383, 386). Факты свидетельствуют о непримиримой позиции властей по этому вопросу.

Большой резонанс в стране вызвало "дело Ху Чанцина". В феврале 2000 г. народный суд средней ступени города Наньчан (административный центр провинции Цзянси) приговорил бывшего вице-губернатора провинции к смертной казни, признав его виновным в получении 87 взяток на сумму около 5,5 млн юаней (более 650 тыс. долларов). В ходе следствия последний не смог объяснить происхождение собственности, оцененной в 1,62 млн юаней (почти 200 тыс. долларов). Было также установлено, что с начала 1997 г. по июнь 1999 г. для "продвижения своей карьеры" преступник пять раз давал взятки другим лицам в размере 80 тыс. юаней (примерно 10 тыс. долларов). 1 марта высшая инстанция суд отклонил кассационную жалобу осужденного, а 8 марта с санкции Верховного народного суда приговор привели в исполнение. На тот момент Ху Чанцин стал самым высокопоставленным чиновником в истории КНР, казненным за преступления в экономической сфере.

О расстреле сообщили все центральные СМИ, а ведущая официальная газета "Жэньминь жибао" опубликовала специальный комментарий. По мнению его автора, факты, связанные с противозаконной деятельностью Ху Чан-

цина, показывают, что в ходе расширения Китаем связей с внешним миром и развития социалистической рыночной экономики кадровые работники КПК должны твердо придерживаться своих политических убеждений, извлечь урок из указанного дела, установить для себя критерии служебной неподкупности и воспитывать своих родственников, друзей и сослуживцев в духе соблюдения дисциплины и законов государства²².

Спустя несколько месяцев стало известно о еще более громком “деле Чэн Кэцзе” — заместителя председателя Постоянного комитета ВСНП, который занимал ранее пост губернатора Гуанси-Чжуанского автономного района. В третьей декаде апреля 2000 г. чиновник был исключен из партии, лишен полномочий депутата ВСНП и снят с поста заместителя председателя его Постоянного комитета. Как отмечала тогда местная пресса, некоторые руководители “поклоняются буржуазным ценностям и образу жизни, разложившиеся элементы через идейный распад и нравственное опустошение скатываются в бездну преступлений”.

Суд пришел к выводу, что: своими действиями Чэн Кэцзе опорочил принцип неподкупности кадровых работников и их честное имя, серьезно нарушил нормальный порядок работы государственных учреждений, что повлекло за собой “чрезвычайно отрицательные социальные последствия”. Согласно обобщенным данным, опубликованным в открытой печати, со второй половины 1992 г. Чэн Кэцзе находился в интимной связи с замужней женщиной Ли Пин и при ее посредничестве регулярно брал взятки. Они договорились между собой о разводе со своими спутниками жизни и заключении нового брака. Чтобы “собрать средства на будущую совместную жизнь”, стороны решили максимально использовать служебное положение Чэна. С 1994 по 1998 г. он получил взятки на сумму 41 млн юаней (чуть менее 5 млн долларов) в основном за выдачу разрешений на строительство крупных объектов.

Кроме того, с сентября 1992 г. по август 1994 г. Ли Пин при содействии некоего бизнесмена продала 4 автомобиля-иномарки, уклонившись от уплаты таможенных пошлин на сумму более 380 тыс. юаней. Возлюбленная экс-губернатора и одного из руководителей высшего органа государственной власти в итоге была осуждена к пожизненному заключению, конфискации имущества на сумму, превысившую 3 млн долларов, и штрафа в размере 400 тыс. юаней²³. Суровые наказания понесли и многие подельники Чэн Кэцзе в Гуанси-Чжуанском автономном районе.

Главный обвиняемый предстал перед судебными органами в середине июля. Размеры полученных взяток действительно выглядели впечатляющими, но с учетом того поста, который преступник занимал до недавнего времени, применение в отношении его высшей меры наказания казалось маловероятным. Однако суд средней ступени 31 июля 2000 г. приговорил Чэн Кэцзе к расстрелу с конфискацией имущества. Позднее вышестоящий народный суд г. Пекина оставил это решение в силе. Смертный приговор был приведен в исполнение²⁴.

Информационное агентство Синьхуа 25 декабря 2000 г., определяя 10 важнейших событий в жизни страны за истекший год, поставило на седьмое место суды над Чэн Кэцзе и Ху Чанцином, одновременно подчеркнув заметные успехи правоохранительных органов в борьбе с коррупцией. На первой сессии ВСНП десятого созыва (март 2003 г.) генеральный прокурор КНР Хань Чжубинь заявил, что за истекшее пятилетие (1998-2002 гг.) органы прокуратуры возбудили и расследовали 5541 дело о присвоении и растрате, взяточничестве, использовании общественных средств не по назначению, в каждом из которых сумма ущерба составила 1 млн юаней и более. Председатель Верховного народного суда Сяо Ян в свою очередь говорил о 83308 осужденных по 99306 уголовным делам о коррупции и взяточничестве за минувшие пять лет²⁵.

Таким образом, в КНР сохраняется курс на жесткое уголовное преследование тех, кто своими действиями создает угрозу устоям общества или его безопасности. Политическая элита требует от правоохранительных и судебных органов целенаправленной и бескомпромиссной борьбы с преступниками, невзирая на чины должностных лиц. Законодатели тщательно анализируют основные тенденции развития уголовного права во всем мире, но их мало волнуют распространенные на Западе либеральные рассуждения о недопустимости применения смертной казни. Они чувствуют неизменную поддержку со стороны широкой общественности и убеждены: принимаемые нормы права должны в первую очередь отражать конкретные реалии их страны и защищать интересы законопослушных китайских граждан.

1. Ахметшин Х.М., Ахметшин Н.Х., Петухов А.А. Современное уголовное законодательство КНР. М.: Муравей, 2000. С. 254-411.
2. КНР. Конституция и законодательные акты. М.: Прогресс, 1984. С. 331-366.
3. Чжунхуа жэньминь гунхэго синши сусунфа [Уголовно-процессуальный кодекс КНР]. Пекин, 1996. С. 27.
4. ИБАС. 2002. 12 марта.
5. Journal of Chinese Law. 1987. Vol. 1. No 2. P. 319.
6. Дэн Сяопин. Основные вопросы современного Китая. Пекин, 1987. С. 148.
7. Кычанов Е.И. Основы средневекового китайского права (VII-XIII вв.). М.: Вост. лит. РАН, 1986. С. 63.
8. Организованная преступность, терроризм и коррупция. 2003. № 1. С. 136.
9. Бичурин Н.Я. Китай в гражданском и нравственном состоянии. М.: Восточный Дом, 2002. С. 144-145.
10. ИБАС. 2001. 2 сентября.
11. Синь синфа цюаньшу [Энциклопедия нового Уголовного кодекса]. Пекин, 1997. С. 1528-1529.
12. ИБАС. 1999. 23 июля.
13. ИБАС. 2000. 1 июня; 2001 20 января и 28 апреля.
14. Nathan A.J., Gilley B. China's New Rulers: The Secret Files. P. 220.
15. ИБАС. 2002. 6 июля.
16. Жэньминь жибао. 2001. 30 декабря.
17. ИБАС. 2000. 15 июля.
18. China Daily. February 1, 2000.
19. ИБАС. 2001. 28 августа; 2002. 25 апреля.
20. ИБАС. 2002. 18 августа.
21. ИБАС. 2000. 15 ноября и 9 декабря.
22. Жэньминь жибао. 2000. 9 марта.
23. ИБАС. 2000. 11 августа; 2001. 28 июля.
24. Жэньминь жибао. 2000. 15 сентября.
25. Жэньминь жибао. 2003. 12 марта.

Экономика

Россия и Китай в мировой экономике

© 2004

В. Портяков

Многие важные аспекты политического и экономического взаимодействия России и Китая на международной арене в заметной степени опосредуются местом этих двух стран в мировой экономике и мирохозяйственных связях, глубиной и характером их вовлеченности в мировые процессы глобализации и регионализации. Адекватное восприятие базовых количественных и качественных параметров мирохозяйственного контекста экономического развития России и Китая принципиально важно для понимания существующих и выявляемых потенциальных сфер совпадения и конфликта интересов двух государств, для, прибегая к известному китайскому выражению, "умножения плюсов и искоренения минусов" их практического двустороннего сотрудничества и взаимодействия в многосторонних международных экономических комбинациях и группировках.

Доли Китая и России в мировой экономике, вполне сопоставимые полтора десятилетия назад, в настоящее время в связи с разной динамикой экономического развития в 1990-е годы заметно различаются (среднегодовой прирост ВВП КНР в период 1990-2003 гг. составил 9,3%; в России, несмотря на положительные темпы прироста в 1999-2003 гг., уровень ВВП 1990 г. пока не восстановлен). Так, согласно статистическим данным Всемирного банка, ВВП КНР в пересчете из юаней в доллары на официальном курсе (8,28 юаня за 1 доллар США) составил в 2002 г. 1237,1 млрд долл., а его доля в мировом ВВП (32,25 триллиона долл.) равнялась 3,83%.¹ В 2003 г. ВВП КНР вырос до 1410 млрд долл., а его доля в мировом ВВП поднялась до 3,9%. Тем не менее из-за падения курса доллара по отношению к евро Китай по абсолютному размеру ВВП опустился с прежнего 6-го на 7-е место в мире (вслед за США, Японией, Германией, Великобританией, Францией и Италией).² Следует отметить существенно более высокие — по сравнению с долями в мировом ВВП — доли Китая в приросте мирового ВВП (порядка 16%) и мировом потреблении стали (четверть), угля (30%) и цемента (половина).³

Статус Китая как одной из крупнейших экономик мира подкрепляется его первенством в мировом производстве ряда видов промышленной и сельскохозяйственной продукции, в том числе стали, угля, цемента, химудобрений, хлопчатобумажных тканей, телевизоров, зерна, мяса, хлопка, арахиса, вторым местом по выработке электроэнергии.⁴

В силу многонаселенности позиции Китая в мировой таблице о рангах по среднему душевому производству ВВП значительно скромнее — 1087 долл. в и 110-е место в 2003 г. (средний показатель душевого ВВП по миру в целом в 2002 г. составил 5080 долл.).

Россия, по данным Всемирного банка, произвела в 2002 г. 346,5 млрд долл. ВВП (при пересчете из рублей в доллары по официальному курсу), что составило 1,07% от общемирового показателя².

Россия занимает первое место в мире по добыче естественного газа, второе — по добыче нефти, производству картофеля, строительного кирпича, третье — по производству чугуна и молока, четвертое — по производству стали, химудобрений, хлопчатобумажных тканей, зерна и выработке электроэнергии.³

Обращение к показателям ВВП, рассчитанным по паритету покупательной способности национальных валют (ППС), несколько улучшает позиции России в мировой таблице о рангах, впрочем, не меняя принципиально ни общих тенденций эволюции ее доли в мировой экономике, ни соотношения российского и китайского ВВП. Так, при расчете по ППС доля России в мировом ВВП снизилась с 3,36% в 1990 г. (в составе СССР) до 1,6% в 1999 г. при отступлении за этот период по данному показателю с 7 на 15-е место в мире.⁷ В 2002 г. ВВП России по ППС оценивался российскими статистиками в 1146 млрд долл., а его производство на душу населения — в 7965 долл.⁸

Представление о соотношении валовых внутренних продуктов Китая и России и их долях в мировой экономике при расчетах по паритету покупательной способности дает Таблица 1.

Таблица 1.

ВВП ряда стран мира по ППС национальных валют 2000 г.
(млрд долл. США)

	1980	1990	2000	2001	2002
Весь мир	26765	34575	45950	47190	48640
США	5725	7380	9875	9985	10185
Россия	1900	1985	1250	1320	1385
Китай	750	2040	4900	5250	5625
Соотношение Китай : США	0,13	0,27	0,49	0,52	0,55
Соотношение Китай : Россия	0,39	1,02	3,92	3,97	4,06
Доля Китая в мировом ВВП, %	2,80	5,90	9,90	11,10	11,50
Доля России в мировом ВВП, %	7,10	5,70	2,70	2,80	2,85

Данные ИМЭМО РАН и расчет по ним: *Pro et Contra*, весна 2002 [Россия в мировой экономике]. М., 2002. С. 63-64.

Данные о ВВП Китая по ППС уже давно оживленно комментируются в мировой литературе и ведущих СМИ. На наш взгляд, стоит обратить внимание на следующие положения.

Во-первых, экономика Китая при расчетах ВВП по ППС с середины 1990-х гг. является второй в мире по общим масштабам, составляя в настоящее время примерно 55% от экономики США. Следует особо подчеркнуть то обстоятельство, что все прогнозы, предрекающие выход Китая по абсолютным размерам экономики на уровень США примерно к 2015-2020 гг., основаны именно на использовании показателя ВВП по ППС.

Во-вторых, в самом Китае свое выдвижение на ведущие позиции в мире, впервые произведенное в 1992-1993 гг. МВФ и Всемирным банком на основании расчетов ВВП стран мира по ППС национальных валют, встретили весьма прохладно.

Политически для Пекина был совершенно неприемлем выход на позицию объективно главного соперника США на мировой арене. Эта сторона проб-

лемы, однако, не афишировалась, а критическому разбору подверглись недочеты показателя ВВП по ППС с чисто экономических позиций. (В 1993 г. по этой теме в КНР проводились научные конференции, публиковались специальные работы). Помимо разного рода “технических” придинок, один из главных аргументов против широкого использования показателя ВВП по ППС применительно к Китаю был следующим: он автоматически приравнивает всю гамму товаров и услуг, произведенных в стране, к товарам и услугам, прошедшим “горнило” купли-продажи на мировом рынке, тем самым существенно завышая качество и международную конкурентоспособность, а, следовательно, и стоимостную оценку всей произведенной в Китае продукции — тогда как значительная ее часть этого явно не заслуживает. Хотя сегодня, десять лет спустя, на наш взгляд, ситуация несколько изменилась к лучшему, в целом данный аргумент сохраняет свою актуальность.

Ныне в Китае показатель ВВП по ППС в своих прогнозах экономического развития страны активно используют лишь некоторые ученые (например, Ху Анган из Университета Цинхуа). В отличие от Индии, где объем ВВП по ППС активно используется для доказательства тезиса о том, что “Индия — четвертая по масштабам экономика в мире”, в Китае и руководство страны, и официальная статистика данный показатель подчеркнуто игнорируют.

В-третьих, применение показателя ВВП по ППС по сравнению с показателем ВВП по официальному курсу национальных валют к доллару резко повышает объемы и долю в мировой экономике менее развитых стран, где относительно низкий уровень цен объясняется невысоким уровнем доходов и покупательной способности населения. Это касается почти в равной мере и Китая, и России. Поэтому соотношение их валовых внутренних продуктов, рассчитанных по ППС и по официальным курсам национальных валют к доллару США, отличается незначительно. Например, в 2001 г. оно составило 3,97 в первом случае и 3,74 во втором.

Еще более заметно Китай опережает ныне Россию по объему внешне-торгового товарооборота и доле в мировой торговле.

Провозглашенная в конце 1970-х гг. в политика внешнеэкономической открытости позволила нарастить объем внешней торговли Китая с 20,6 млрд долл. в предреформенном 1978 г. до 851 млрд долл. в 2003 г. (в т.ч. 438,23 млрд долл. — экспорт и 412,76 млрд долл. — импорт¹⁰) и выйти по этому показателю на 4-е место в мире вслед за США и Германией и лишь чуть позади Японии. Особенно динамично экспорт и импорт Китая росли в последние два года — после его вступления 11 декабря 2001 г. во Всемирную торговую организацию. Доля КНР в мировом экспорте товаров достигла примерно 5,9%, а в мировом импорте товаров — 5,3%.¹⁰ Доля России в мировом экспорте товаров (133,7 млрд долл.) составила около 1,8%, а в импорте (57,4 млрд долл.) — около 0,8%.¹¹

Позиции Китая в мировой торговле услугами несколько слабее: в 2003 г. он обеспечил 2,5% глобального экспорта и 3,1% глобального импорта услуг. Доля России составила соответственно 0,9% в экспорте и 1,5% в мировом импорте услуг.¹²

Специфика участия страны в международном разделении труда определяется не только масштабами ее экономики, но и структурой народного хозяйства, наличием в нем отраслей и производств, обладающих очевидными сравнительными преимуществами на мировом рынке. У Китая таковыми являются прежде всего трудоемкие отрасли: производство одежды и других видов текстильных изделий, обуви, игрушек, бытовой техники и электроники.

Следует подчеркнуть, что стратегия экономического развития Китая на среднесрочную перспективу предусматривает существенное облагораживание структуры народного хозяйства с заметным повышением в нем доли перерабатывающих, наукоемких и высокотехнологичных отраслей. В частности, взят ориентир на то, чтобы среднегодовые темпы прироста продукции перерабатывающей промышленности на один процентный пункт превышали темпы

прироста ВВП, а темпы прироста в машиностроении были бы также на один процентный пункт выше, чем в переработке в целом. В 2002 г. вклад Китая в мировой прирост продукции перерабатывающей промышленности составил 29% при доле страны в мировой переработке порядка 5%. Так что вполне вероятное постепенное превращение Китая в “мировую фабрику” будет сопровождаться завоевыванием им новых этажей и ниш в системе мирового хозяйства. Среди ожидаемых зон китайского “прорыва” — судо- и автомобилестроение, биотехнологии.

Избранная Китаем стратегия развития получает реальное подкрепление в виде поступательного увеличения доли расходов на НИОКР с 0,6% ВВП в 1995 г. до 1,3% в 2003 г. и роста за тот же период числа занятых в этой сфере ученых и инженеров с 470 тыс. человек до 821 тысячи. Симптоматично, что доля продукции новых и высоких технологий в экспорте КНР в 2003 г. достигла 25%.¹³

Еще одним важным фактором, определяющим позиции КНР в мировой экономике, является задача стабильного обеспечения растущих потребностей страны в нефти и различных видах сырья. По китайским оценкам, из 45 важнейших видов полезных ископаемых потребности Китая могут быть удовлетворены за счет собственных ресурсов в 2010 г. по 21 виду, а в 2020 г. — только по 6 видам. В 2003 г., например, Китай импортировал 91,1 млн т сырой нефти, 25,5 млн кубометров древесины, 148 млн т железной руды.¹⁴ Согласно широко распространенным оценкам, в 2020 г. Китай должен будет импортировать от 150 до 200 млн т нефти.

Необходимость решения данного комплекса проблем обусловила заметную модификацию стратегии развития внешнеэкономических связей Китая в последние годы. В 2000-м г. в КНР впервые была выдвинута концепция активного выхода отечественных производителей на внешние рынки (“цзоучуэнь”), буквально — “выход за ворота своего дома”, по сути, за пределы страны. В отличие от предшествующего двадцатилетия, когда “мотором” экспортно-ориентированного развития выступали специализирующиеся на внешней торговле государственные структуры, ныне основной движущей силой экспортного наступления Китая призваны стать непосредственно производственные предприятия и компании различных форм собственности.

Значительно модифицируются формы и методы продвижения экспортных товаров на внешние рынки, за рубежом создаются сбытовые сети и торговые центры китайских товаров. Поощряется учреждение китайскими компаниями дочерних предприятий в других странах и увеличение вывоза капитала, которые прежде имели ограниченные масштабы: за один только 2003 г. зарубежные инвестиции китайских компаний, регистрируемые Министерством коммерции, составили 2 млрд долл., увеличившись вдвое по сравнению с 2002 г. В то же время, по данным ЮНКТАД, общие прямые инвестиции Китая за рубежом в 2003 г. превысили 35 млрд долл.¹⁵

С учетом опыта проникновения на китайский рынок транснациональных корпораций особая роль отводится созданию предприятий по переработке давальческого сырья и отверточной сборке китайской бытовой техники. Этот метод нередко позволяет обойти национальные количественные ограничения и высокие тарифы на импорт. Китай заметно активизируется и на мировом рынке трудовых, прежде всего подрядных инженерно-строительных услуг: на конец 2002 г. по этой линии за рубежом работало 489,6 тыс. граждан КНР по сравнению с 380 тыс. в 1999 г.¹⁶

Для усиления конкурентоспособности Китая в сфере международных перевозок намечено строительство новых глубоководных портов в Шанхае и Шэньчжэне, способных обслуживать контейнеровозы новейшего поколения. Производство особо перспективных экспортных товаров получает крупную кредитную поддержку государственного Экспортно-импортного банка (например, судов для транспортировки сжиженного газа).

Место России в международном разделении труда в настоящее время определяется в первую очередь экспортом газа, нефти и нефтепродуктов. В 2003 г. их продажа обеспечила более половины доходов страны от экспорта: соответственно 20; 39,7 и 14 млрд долл. или 73,7 млрд долл. суммарно.¹⁷ Если перспективы сохранения страной высокого уровня добычи и экспорта нефти далеко не всеми экспертами оцениваются оптимистично, то по природному газу, напротив, России единодушно предрекают долговременное и уверенное лидерство на мировом рынке.

Среди конкурентных на мировом рынке массовых статей российского экспорта можно также назвать лес, черные и некоторые цветные металлы, химические (прежде всего калийные) удобрения, морепродукты.

Массовый экспорт Россией продукции машиностроения представлен двумя позициями: военной техникой и оборудованием для АЭС. В связи с высокой конкуренцией на мировых рынках вооружений и оборудования для атомной энергетики и крайней политической чувствительностью торговли этими товарами вряд ли можно уверенно прогнозировать сохранение здесь Россией своих сегодняшних позиций и в обозримой перспективе, хотя объективно оно ей по силам.

Сколько-нибудь акцентированная стратегия облагораживания структуры экспорта и усиления своих позиций в международном разделении труда на сегодня у России отсутствует. Разговоры о необходимости совершения некоего прорыва в инновационной сфере в последнее время ведутся, но кадровое и финансовое состояние российской науки делает надежды на успех здесь призрачными. Численность персонала, занятого в России научными исследованиями, сократилась с 804 тыс. человек в 1992 г. до 411 тыс. в 2003 г. (не забудем о возрасте ученых — у большей части он уже пенсионный), а расходы на НИ-ОКР в России в последние годы варьировали в диапазоне от 0,23 до 0,30% ВВП.¹⁸ Хотя ассигнования на космос учитываются отдельно, принципиально общей плачевной картины это не меняет. Возможно, прямое сопоставление затрат на науку в России и Китае не вполне корректно, однако один немаловажный количественный вывод все же заслуживает внимания: при вчетверо большем страновом ВВП и вчетверо большей его доле, расходуемой на НИОКР, сегодня каждый ученый в КНР получает в 8 раз больше ассигнований на проведение научных исследований, чем его коллега в России. Это не может не сказаться в конечном счете как на структуре двусторонней российско-китайской торговли, так и на позициях обеих стран в системе мирохозяйственных связей.

Вряд ли случайно в последние годы Китай устойчиво опережает Россию на полтора-два десятка позиций в рейтинге конкурентоспособности стран, ежегодно рассчитываемом Международным институтом развития менеджмента в Лозанне (Швейцария) для 60 государств и территорий. В докладе о глобальной конкурентоспособности за 2004 г. Китай передвинут на 24-е место по сравнению с 29-м годом ранее.¹⁹

Несмотря на определенную позитивную динамику, заметно худшими, чем у Китая, остаются и позиции России в рейтинге страновых рисков, оцениваемых журналами Euro money и Institutional Investor. Согласно первому из них, в марте 2003 г. Россия занимала 76-е, а Китай — 56-е место из 185 оцениваемых стран и территорий, а в марте 2004 г. они передвинулись соответственно на 66-е и 45-е места. Согласно второму изданию (оценивает 172 страны и региона), за тот же период Россия передвинулась с 64-го места на 59-е, а Китай остался на 38-м.²⁰

Устойчивое мнение международного сообщества о рискованности осуществления инвестиций в Россию имеет вполне конкретные негативные последствия.

Первое из них, на наш взгляд, состоит в том, что никак не удастся продвинуть на приличный уровень использование потенциально огромных транспортно-транзитных функций России в глобальной экономике, прежде всего в

перевозках грузов между Европой и Азией (классический маршрут контейнерных перевозок по Транссибу здесь далеко не единственный).

Второе представлено многократной разницей в объемах привлекаемых странами **прямых иностранных инвестиций** (дело, конечно, не только в рисках, но и в них тоже). В 2003 г. Китай использовал 53,5 млрд долл. прямых иностранных инвестиций, что составило 8% общемирового показателя (653 млрд долл.), уступив здесь лишь США (86,6 млрд долл.).²¹ В целом за годы реформ (по состоянию на конец марта 2004 г.) в Китае было фактически использовано 515,5 млрд долл. прямых иностранных инвестиций и создано 476 тысяч предприятий с участием капитала из-за рубежа и от соотечественников из Гонконга, Макао и Тайваня.²²

Официальная российская статистика определяет объем прямых иностранных инвестиций, поступивших в Россию, в 4 млрд долл. в 2001 и 2002 годах и в 6,8 млрд долл. в 2003 г., при этом сюда включались и “кредиты, полученные от совладельцев организаций” — по 2,1 млрд долл. в 2001 и 2003 годах и 1,3 млрд долл. в 2002 г.²³

Третье следствие — утечка отечественного капитала за рубеж, от которой, надо сказать, в определенной мере страдает и Китай, хотя в случае с ним причиной данного явления выступает не столько риск инвестирования средств в экономику, сколько сложность легализации коррупционных и иных незаконных доходов.

И для Китая, и для России характерны относительно слабые позиции в **мировой финансовой системе**.

Хотя ряд ведущих компаний КНР прямо или косвенно представлены на Гонконгской фондовой бирже, в целом процесс интеграции китайского рынка ценных бумаг с мировым фондовым рынком находится в начальной стадии. Взаимодействие российского фондового рынка с мировым рынком капиталов осуществляется через акции и облигации немногочисленных крупных компаний топливно-энергетического сектора и черной металлургии. Ситуация здесь определяется в первую очередь недостаточной по международным меркам мощностью национального корпоративного бизнеса и Китая, и России. В списке 500 крупнейших компаний мира Россия представлена лишь “Газпромом”, а Китай — рядом государственных коммерческих банков и двумя нефтяными компаниями.

И Китай, и Россия в последние годы успешно справляются с обслуживанием своего достаточного крупного внешнего долга. В Китае его размер заметно увеличился в связи с пересчетом долга по международным стандартам после вступления в ВТО. На конец 2003 г. объем внешнего долга КНР составил 193,63 млрд долл., в т.ч. 77 млрд долл. (около 40%) — краткосрочная задолженность, которую необходимо погасить в течение года.²⁴ По одной из оценок, объем государственного внешнего долга России (на него приходится 80% совокупного внешнего долга страны) в связи с активным погашением в последнее время снизился со 156 млрд долл. на начало 2002 г. до 131,4 млрд долл. на начало 2004 г.²⁵

Стабильное положительное сальдо платежного баланса и весьма жесткие правила валютного регулирования (например требование продажи экспортерами уполномоченным банкам всей валютной выручки) обусловили быстрое нарастание объема **валютных резервов** КНР. На начало 2004 г. они составили 403,25 млрд долл.²⁶ — второй показатель в мире после Японии. Приток нефтедолларов обеспечил увеличение валютных резервов России: с показателя порядка 40 млрд долл. до 100 млрд долл.

Излишние валютные резервы — а ряд китайских экономистов считает здесь оптимальным для КНР показатель в 150–180 млрд долл.²⁷ — создают давление в пользу ревальвации, т.е. повышения стоимости **национальной валюты** по отношению к ведущим валютам мира. В России сознательно или под давле-

нием обстоятельств сделали определенный шаг в этом направлении. Вслед за обесцениванием доллара по отношению к евро на мировом валютном рынке курс рубля по отношению к доллару США был снижен в России с 31,78 рублей за доллар в конце 2002 г. до 29,45 рублей в конце 2003 г. (92,7% к уровню предыдущего года). Представляется, такой шаг позволил избежать еще большего, чем случилось, снижения курса рубля по отношению к евро (на 25% в 2002 г. и еще на 11,2% в 2003 г.),²⁸ что было принципиально важным в условиях, когда и торговля, и туризм России в значительной степени связаны с зоной евро. Китай, напротив, сохранил, несмотря на огромное давление со стороны США, жесткую привязку курса юаня к доллару, что было продиктовано прежде всего стремлением поддержать высокие темпы роста экспорта и экономики в целом.

И Китай, и Россия ставят целью и постепенно движутся к полной конвертируемости национальных валют, хотя какой-либо конкретный график решения этой задачи в обеих странах отсутствует. Китайский юань все активнее используется для осуществления расчетов в приграничной торговле КНР с соседними странами — прежде всего с Вьетнамом, Камбоджей и Бирмой, но также и с Россией. Хотя возможность “интернационализации” юаня в самом Китае оценивается весьма осторожно, в отдаленной перспективе она отнюдь не исключена.

Обязательства перед ВТО ускорили открытие банковского и страхового секторов КНР для иностранного капитала. То же самое, надо полагать, ждет и Россию после ее присоединения ко Всемирной торговой организации. Похоже, что в настоящее время именно ВТО стала наиболее влиятельной международной организацией, определяющей правила функционирования мирового хозяйства. Формальное членство в ВТО дает Китаю неоспоримые преимущества в мировой торговле перед Россией, которая пока только стремится туда попасть. Однако на деле такие преимущества существенно обесценены теми условиями, на которых Китай присоединился к ВТО (напомним, что по политическим соображениям этот процесс на завершающей стадии переговоров чрезмерно форсировался Пекином). Прежде всего речь идет о том, что в течение первых 15 лет ее членства в ВТО КНР будет рассматриваться как страна с нерыночной экономикой. Кроме того, в течение 12 лет члены ВТО имеют право применять защитные меры против ряда товаров китайского экспорта, а часть членов ВТО — и дополнительные защитные меры против экспорта китайского текстиля до 2008 г. Так что, полагают китайские эксперты, реальное пространство для экспортной экспансии, предоставленное Китаю членством в ВТО, пока относительно невелико.²⁹

Как известно, Россия в мае 2002 г. получила статус страны с рыночной экономикой от Министерства торговли США и Комиссии Европейского союза. Что касается всего остального, то до завершения переговоров об условиях членства России в ВТО вряд ли уместно предрекать что-либо конкретное, тем более что китайская практика этого членства опровергла большинство предварительных прогнозов о последствиях такого шага.

Пожалуй, не дает каких-либо реальных преимуществ России перед Китаем ее членство в “восьмерке” ведущих мировых держав, руководители которых ежегодно обсуждают актуальные проблемы глобальной политики и экономики. Китай пока присматривается к этому форуму.

Одновременное членство России и Китая в организации **Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества** и в **Шанхайской организации сотрудничества** позволяет их лидерам регулярно обмениваться взглядами по актуальным проблемам, в том числе экономическим. Обе эти организации, особенно ШОС, создают хорошую институциональную основу для взаимодействия России и Китая в региональных программах экономического сотрудничества.

В целом Китай в настоящее время наиболее активен в Азии, где он выступает за всемерное развитие регионального экономического сотрудничества, в том числе путем создания различных зон свободной торговли.

Азиатские страны и территории занимают сегодня ведущие места во внешней торговле Китая. Так, в 2003 г. на них пришлось 58,2% внешнеторгового оборота, 50,7% экспорта и 66,1% импорта КНР. Главные торговые партнеры Китая в этом регионе — Япония (15,7%), Республика Корея (7,4%), страны АСЕАН (9,2%), Тайвань (6,9%), Гонконг (10,3%).³⁰ Лидируют они и в прямых инвестициях в Китай. Здесь (по состоянию на конец 2002 г.) доля Гонконга составила 45,73%, Японии — 8,11; Тайваня — 7,39% при доле США в 8,9% и “старого” ЕС — порядка 7,6%.³¹

Все более важным глобальным партнером Китая, причем не только экономическим, но и политическим, становится Европейский союз, рассматриваемый в Пекине как один из важнейших игроков на международной арене, особенно после нового расширения с 1 мая 2004 г. В 2003 г. объем торговли Китая с ЕС достиг 125,21 млрд долл. (14,7% внешнеторгового оборота КНР), т.е. оказался практически на том же уровне, что и его торговля с Японией (133,57 млрд долл.) и США (126,33 млрд долл.).³²

США выступают для Пекина одновременно и главным ориентиром и мерилom экономического развития, и приоритетным контрагентом в мировых делах, в одних — оппонентом, в других — партнером. Примерно так же расценивают Китай и в США, особенно в связи с растущей ролью КНР в американской внешней торговле: ее доля в импорте США составляет ныне 11% против 10% у Японии и 3% у Республики Корея.³³

Торгово-экономические отношения Китая с ведущими партнерами — Японией, ЕС, США — носят, несмотря на их взаимовыгодность, далеко не идиллический характер. Идет постоянная жесткая борьба за отстаивание собственных интересов и выторговывание уступок у партнера. В частности, ЕС проводит в отношении китайских товаров значительное число антидемпинговых расследований, ставит дополнительные технические барьеры, препятствующие экспорту в ЕС некоторых видов китайской новой техники, отменяет льготы на импорт из КНР все новых и новых изделий. Значителен и перечень претензий к Китаю как к торговому партнеру у США (растущее пассивное сальдо двусторонней торговли, обвинения в “неэкологичности” китайских изделий и т.п.). Однако после присоединения к ВТО и Китай стал проводить ответные антидемпинговые расследования в отношении ряда товаров, импортируемых из США. Что касается Японии, то с нею у Китая “зона конкуренции” на международных рынках значительно уже, чем “зона взаимодополняемости”, что, полагают в Пекине, благоприятствует формированию в Восточной Азии региональной экономической группировки с участием обеих стран.³⁴ Это, впрочем, не снимает с повестки дня проблему борьбы Китая и Японии за лидерство в Азии.

Для России наиболее естественным пространством для участия в интеграционных процессах являются республики Содружества Независимых Государств. В 2003 г. их доля во внешней торговле России составила 17,9%, в экспорте 15,3% и в импорте 23,7%.

Главным торговым партнером Российской Федерации остается “старая” Европа (без стран Балтии). Объем торговли России с нею в 2003 г. составил 92,9 млрд долл. (48,6%). Доля Европы (66,5 млрд долл.) в российском экспорте составила 49,7%, а в импорте (26,4 млрд долл.) — 46%.³⁵ Лидируют европейские страны и по объему иностранных инвестиций в России. Однако рассчитывать на тесную интеграцию с единой Европой России не приходится. Полноправным членом Европейского союза в самой Европе ее видеть не хотят ни при каких обстоятельствах, хотя в Москве порой допускают такую гипотетическую возможность и неустанно говорят о принадлежности России к европейской цивилизации.

Объем торговли России и США стабильно держится на одном и том же уровне: российский экспорт порядка четырех, а импорт — порядка трех миллиардов долларов. Такая стабильность может, среди прочего, свидетельствовать о выходе двусторонних связей на какой-то естественный максимум, делающий проблематичным ее дальнейшее наращивание.

Напротив, Азия, особенно Восточная, может стать для России приоритетной зоной участия в процессах региональной интеграции. Здесь действует не только взаимодополняемость экономик, но и объективная потребность для России подключиться к формирующемуся в Восточной Азии третьему — вслед за США и Европой — центру глобальной экономики. Сделать это именно здесь явно больше шансов, чем на европейском или американском направлении.

Выводы

1. В настоящее время Китай обладает заметно более сильными, чем Россия, позициями в мировой экономике, торговле, инвестиционных потоках. КНР имеет весомые объективные основания претендовать на статус “локомотива” азиатской экономики и роль “активного фактора роста” мировой экономики в целом. Вместе с тем дальнейшее усиление позиций Китая в системе мирохозяйственных связей будет наверняка даваться непросто. Уязвимыми местами КНР являются относительная ресурсная слабость и нахождение вне рамок какой-либо влиятельной региональной интеграционной группировки. Соответственно, можно ожидать долгосрочной повышенной активности Китая по решению или минимизации этих проблем.

2. Позиции России в мировой экономике были сформированы в первую очередь способностью страны сохранить и развить наиболее сильные стороны “советского наследия” в международном разделении труда. Это удалось сделать применительно к газу, нефти, лесу, черным и цветным металлам, морепродуктам, военной технике, атомной энергетике, отчасти космонавтике, некоторым видам химической продукции. В то же время Россия пока не сумела завоевать каких-либо новых ниш на мировом рынке товаров и услуг, хотя объективные основания для выполнения страной международных транспортно-транзитных функций сохраняются. Скорее всего, в обозримой перспективе структура участия России в мирохозяйственных связях принципиальных изменений не претерпит. Реальная кадровая и финансовая база для прогнозируемого прорыва России на инновационном направлении, на наш взгляд, отсутствует. В то же время при государственной поддержке здесь возможна, особенно на азиатских рынках, реализация все еще значительного советского задела.

3. Зона совпадающих интересов и взаимодополняемости России и Китая в мировой экономике в настоящее время шире зоны их реально и потенциально конфликтных интересов. Это создает стабильную основу для наращивания масштабов и диверсификации форм двустороннего сотрудничества, для взаимодействия в рамках интеграционных процессов в Восточной и Центральной Азии. Вместе с тем ориентация хозяйственных связей Китая на американский европейский и азиатский рынки лимитирует возможности российско-китайской кооперации или совместных действий как на рынках третьих стран, так и в борьбе за общее улучшение условий международной торговли. К конфликту интересов двух стран может вести включение России в зону свободной торговли той или иной конфигурации с участием Китая, влекущее за собой неконтролируемый перелив товаров и трудовых услуг из КНР в РФ. Пока Россия к этому не готова.

В любом случае, однако, плюсы активизации взаимодействия России с Китаем перевешивают возможные минусы. Такая активизация представляет собой один из немногих доступных России рычагов усиления своих позиций в системе мирового хозяйства.

1. Чжунго тунци чжайяо 2004 [Краткая статистика Китая — 2004]. Пекин, 2004. С. 11, 198.
2. IMF: China has No. 7 GDP in the world — http://english.people.com.cn/200405/19/eng20040519_143761.html.
3. Яо Цзинюань. Новые проблемы, стоящие перед экономикой Китая — <http://russian.people.com.cn/31518/2573094.html>.
4. Чжунго тунци чжайяо 2004. С. 201.
5. Там же. С. 198.
6. Россия в цифрах. 2004. Краткий статистический сборник. М., 2004. С. 423.
7. Россия в современном мировом хозяйстве. М.: Экономическая литература, 2003. С. 24-25.
8. Россия в цифрах. 2004. С. 426.
9. Чжунго тунци чжайяо 2004. С. 158.
10. Бюллетень иностранной коммерческой информации (БИКИ). М., 2004. 24 и 27 апреля. В зависимости от оценки мирового экспорта в 2003 г. (7274 или 7482 млрд долл, обе цифры приведены в источнике) доля Китая составляет от 5,86 до 6,02%. По импорту (7765 или 7557 млрд долл.) доля Китая варьирует от 5,31 до 5,46%.
11. В статистическом сборнике "Россия в цифрах. 2004" приведены не только эти, но и, со ссылкой на Банк России, альтернативные показатели объема внешней торговли страны в 2003 г. — 136 млрд долл. экспорт и 75,5 млрд долл. импорт (с 399-403; 31). В этом случае доля России в мировом импорте товаров возрастает до 1%.
12. БИКИ. 2004. 24 апреля.
13. Чжунго тунци чжайяо 2004. С. 179; China exports US\$ 110b—worth of hi-tech products in 2003 — http://english.people.com.cn/200401/07/eng20040107_131980.shtml
14. Хайгуань тунци [Таможенная статистика]. Пекин, 2003. № 12. С. 27.
15. China invests US\$ 2 billion overseas in 2003 — http://english.people.com.cn/200406/10/eng20040610_145874.html; UN Report: China becoming major investor abroad — http://english.people.com.cn/200401/07/eng20040107_132003.shtml
16. Чжунго дуйвай цзинци маои байпишу 2003 [Белая книга по внешнеэкономическим связям Китая — 2003]. Пекин, 2003. С. 209.
17. См.: Экспорт РФ жидкого топлива и природного газа // БИКИ. 2004. 3 июня.
18. Россия в цифрах. 2004. С. 297, 301.
19. http://english.people.com.cn/200405/13/eng20040513_143191.html
20. Цит. по: BOFIT Weekly. China [Bank of Finland — Institute for Economies in Transition]. Helsinki. 30 April. 2004.
21. http://english.people.com.cn/200401/14/eng20040114_132611.shtml
22. http://english.people.com.cn/200404/13/eng20040413_140293.shtml
23. Россия в цифрах. 2004. С. 364.
24. Чжунго тунци чжайяо 2004. С. 87.
25. Россия в современном мировом хозяйстве. С. 347.
26. Чжунго тунци чжайяо 2004. С. 87.
27. Чжунго юй шицзе цзинци фачжань баогао (2004 нянь) [Китай и развитие мировой экономики. Доклад за 2004 г.] Пекин, 2003. С. 133.
28. Россия в цифрах. 2004. С. 426.
29. China's foreign trade faces many challenges — http://english.people.com.cn/200404/08/eng20040408_139809.shtml
30. Рассчитано по: Хайгуань тунци. 2003. № 12. С. 3-6.
31. Чжунго юй шицзе цзинци ... С. 232, 242. Данные по ЕС — расчет.
32. Хайгуань тунци. 2003. № 12. С. 3-6.
33. China: International Trade and WTO Accession. IMF Working Paper. March 2004. P. 5.
34. Чжунго юй шицзе цзинци ... С. 252-253.
35. Рассчитано по: Россия в цифрах. 2004. С. 399-403.

Российская Транссибирская магистраль — "окно в Европу" для стран-членов АТЭС

© 2004

И. Троекурова

Процесс глобализации сегодня — это ключевое явление мировой экономики. В глобализации экономики важную роль играет транспорт. Российская экономика и ее коммуникации все больше втягиваются в этот процесс, о чем свидетельствуют многочисленные соглашения и программы, проекты создания трансконтинентальных железнодорожных магистралей с выходом в Северную Америку, Европу и страны Азиатско-Тихоокеанского региона.

У России, помимо сырья, существует и неисчерпаемый мощный ресурс: географически наша страна является естественным мостом между Европой и Азией. Поскольку Российская Федерация занимает более 30% евроазиатского континента, постольку она просто обязана зарабатывать деньги на транзитных перевозках. Услуги, связанные с транзитными перевозками, являются одним из продуктов "высокого передела", который обеспечивает доход государству, не расходуя невозполнимые природные ресурсы. Целый ряд стран, особенно европейских, таких как Польша, Германия, Венгрия, Чехия, Австрия, Голландия, государства Прибалтики, обладая относительно небольшой территорией, используя выгодное географическое положение, давно превратили транзит в существенные статьи доходов своих бюджетов. В частности, Голландия, не обладая особыми сравнительными преимуществами в международном разделении труда, стала важнейшим транзитным перекрестком Европы. Доля доходов от транзита в общем объеме экспорта услуг Голландии составляет более 40%.

Транспортный транзит органично вписывается в геополитические цели каждого государства, которое ставит перед собой четкие стратегические цели упрочения позиции в современном динамично развивающемся мире.

Глобализация экономики и сопровождающие ее процессы развития внешнеэкономических связей требуют нового подхода к развитию транспорта, перераспределения грузовых и пассажирских потоков. Рост внешней торговли нуждается в качественном пересмотре транспортной составляющей. Так, объем торговли между Европой и Азией достигает 600 млрд. долл. в год. К 2010 г., по оценкам МВФ, эти объемы вырастут как минимум в 1,5 раза. Общий ежегодный объем перевозок грузов в контейнерах между Западной Европой и Восточной Азией в настоящее время составляет более 6 млн. контейнеров при суммарной стоимости товарной массы 250 млрд. долл.¹ По данным американской консультационной фирмы Global Insight, в 2002 г. поток контейнеров из Восточной Азии в Европу увеличился на 8,7%, а в I полугодии 2003 г. — ещё на 20%; в 2004 г. этот поток должен возрасти на 6,9%.²

По мнению экспертов Министерства транспорта и связи РФ, наша страна могла бы претендовать как минимум на 10-15% от рынка перевозок,

тогда как сейчас России достается в 10 раз меньше. Получается, что постоянно мы говорим о необходимости привлечь в экономику иностранные инвестиции, а миллиарды долларов просто “проплывают” и “проезжают” мимо.

Если по территории России будет перевозиться хотя бы 1 млн. контейнеров в год (10-20% их общего потока) доходы от транзита могут быть сопоставимы с экспортом энергоносителей. По оценкам некоторых экспертов, реализация транзитного потенциала России на маршруте ЕС-АТР эквивалентно удвоению национального дохода.³

Кроме того, увеличивается и объем внешней торговли самой России. По прогнозам специалистов, к 2010 г. в стоимостном выражении он увеличится на 70-75% по сравнению с 1998 г.: экспорт составит около 555 млн. т в год, а импорт — порядка 100 млн.т.⁴ Однако для того чтобы страна начала получать ощутимые доходы от транзита, необходимо интегрироваться в международную транспортную систему. Одним из путей такой интеграции является Транссибирская железнодорожная магистраль, так как именно она соединяет Россию как со странами Европы, так и со странами АТР. Уникальный проект, казавшийся современникам не менее фантастичным, чем полёты в космос, был реализован в России на рубеже XIX-XX вв. Транссибирская железнодорожная магистраль, проложенная по малообжитым пространствам Сибири и Дальнего Востока, пересекала семь часовых поясов, а её протяженность составила 9882 километра. “После открытия Америки и сооружения Суэцкого канала история не знала более выдающегося события, чем постройка Сибирской железной дороги”, — восторгалась мировая пресса.⁵

Кстати, у России уже есть определенный опыт получения “транзитной ренты”. В начале 80-х годов XX века существовал контейнерный мост “Япония — Западная Европа”. Тогда через Транссиб ежегодно проходило порядка 140 тыс. контейнеров, а наша страна получала миллиарды долларов за транзит. Однако в начале 90-х годов из-за несовершенства российской логистической системы (контейнеры долго досматривались, погружались, задерживались в пути, случались и грабежи) японцы предпочли морские контейнеровозы, и поток через Транссиб снизился до 20 тыс. контейнеров в год.

Транссибирская железнодорожная магистраль сегодня — это 70% грузооборота всех железных дорог страны, около 10 тыс. км пути, 7 часовых поясов. Железные дороги большой протяженности есть и в США, и в Канаде, и в Австралии, но они в 2-3 раза короче Транссиба. По протяженности, грузонапряженности, пропускной и провозной способности Транссибу нет равных в мире. Потенциальная возможность магистрали — это перевозка 100 млн. тонн грузов и 200 тыс. контейнеров в год.⁶

Известно, что российская экономика ориентирована на экспорт. Это означает: с запада на восток идут составы с углем, металлом, лесом, нефтью. Обратоно везут телевизоры, бытовую технику, одежду и обувь, продукты питания. В весовом соотношении доля импорта в шесть раз меньше экспорта. Как результат — большие пробеги “порожняком”, а это увеличивает транспортные издержки. С транзитом наоборот. В направлении на Европу следуют примерно две трети транспортных контейнеров и лишь треть транзитного грузопотока из Европы в Азию. Транзит нужен, и его надо привлекать на Транссиб. Однако этому противостоит лобби мировых компаний, которые вложили огромные средства в строительство морских контейнеровозов в расчете на доставку грузов из Азии в Европу и обратно окружным путем через Индийский океан и Суэцкий канал. Ненормальность ситуации заключается в том, что таким путем в Европу прибывает до 70% контейнеров, которые потом возвращаются на Урал, Украину и в Беларусь.

Если повнимательнее отнестись к российскому транзиту, то экономика может измениться в сторону развития сырьевых баз на Дальнем Востоке и в Сибири. Скандинавский груз, который идет через Финляндию и Россию вокруг

Азии, должен идти по Транссибу. Это вопрос, который требует ответа для нынешних экономистов и политиков. Если оставить все на прежнем уровне, то будет как в той поговорке: "Придется в Москву из Саратова ездить через Владивосток". Без железной дороги невозможно проводить экономическую политику в Дальневосточном регионе, занимающем 40% территории России.

Огромным преимуществом доставки грузов по Транссибу с Дальнего Востока в Европу является более короткое время нахождения груза в пути. Расстояние по трансокеанскому маршруту от Йокогамы до крупнейших западноевропейских портов (Гамбург, Роттердам) почти в два раза длиннее, чем по маршруту, пролегающему через Транссибирскую магистраль. При средней скорости торговых судов в 14-18 узлов срок доставки — 35-40 суток (без учета времени на погрузку и выгрузку). Особо следует отметить, что на перспективу эта величина не претерпит существенных изменений.⁷

Развитию транзитного потенциала Транссиба будет способствовать и то, что не только возможности повышения скорости перевозок на трансморских судоходных линиях практически исчерпаны, но и исчерпаны возможности снижения себестоимости перевозок. Близка к предельной и пропускная способность Суэцкого канала. Совершенствование магистральных судов-контейнеровозов также достигло своего качественного предела. Вместе с тем возможности скоростного железнодорожного транспорта только начинают раскрываться.

Для повышения конкурентоспособности Транссибирской магистрали по сравнению с южным океанским маршрутом (путь по Транссибу из Республики Корея и Японии 15-17 суток сухой вместо 35-40 суток морским путем), используя квартальные расписания судов на направлении Япония-Россия и Республика Корея-Россия, разработаны графики движения ускоренных контейнерных поездов (табл.1). Государственный Таможенный комитет ввел упрощенный порядок декларирования перевозимых грузов в контейнерах по Транссибу. Время оформления таможенных документов сократилось до 6 часов. Предусмотрен ускоренный вариант пограничного оформления судов-контейнеровозов в период их следования с внешнего рейда до постановки к причальной стенке.

Таблица 1

Ускоренные контейнерные поезда⁸

Москва — Владивосток	260 часов 22 мин.
Находка Восточная — Брест	294 часа 47 мин.
Находка-Восточная-Бусловская (на границе с Финляндией)	278 часов 30 мин.

И еще одно преимущество. Транзит по российской территории — это транзит по территории одной страны, на которой действуют единые законы, в том числе таможенное законодательство, тогда как конкурентам приходится искать консенсус между интересами различных суверенных государств. Транзит — это стабилизирующий фактор. Какие бы политические и экономические изменения не происходили, избранный, развитый и закрепленный на практике транспортный транзитный маршрут остается долговременным стабилизирующим фактором.

Важным является и еще одно обстоятельство: транспортные коридоры России (Транссиб и БАМ) проходят по регионам, богатым полезными ископаемыми и перспективными в плане их освоения. Привлечение внешнеторговых и транзитных перевозок на российские коммуникации будет способствовать реализации огромного ресурсного потенциала Сибири и Дальнего Востока как одного из участников мирового грузо- и товарообмена. В этих регионах имеются высококвалифицированные трудовые ресурсы, т.е. транзит будет способствовать росту производства и занятости населения в регионе. От состояния и

уровня развития транспортного комплекса, его экономических показателей в значительной мере зависит и социально-экономическое положение на российском Дальнем Востоке.

Скорость доставки грузов по российским железным дорогам постоянно увеличивается. В апреле 1998 г. была проведена пробная поездка с 50 контейнерами по графику “зеленой волны” по маршруту порт Восточный — Брест. Контейнерный поезд выполнил рейс за 8,5 суток, что в 4 раза быстрее перевозок контейнеров в Европу морем. Этот факт приобретает особое значение в связи с наступлением эры электронной торговли, приоритетом которой являются “скоростные сделки”.

Уже в 2001 г. скорость курсирования контейнерных поездов по Транссибирской магистрали составляла 1000 км в сутки. Так, 23 мая 2001 г. со станции Находка — Восточная назначением до станции Бусловская был отправлен юбилейный контейнерный поезд, который преодолел путь в 9880 км за 211 часов, т.е. средняя скорость движения составила 1123 км в сутки. К настоящему времени скорость доставки грузов по Транссибу достигла 1140 км в сутки, что позволяет преодолевать это расстояние за 9 суток. В перспективе возможно сократить эти сроки до 7-8 суток, что станет почти в 5 раз быстрее, чем по морю.

Что касается участка Транссиба, который относится к Восточно-Сибирской железной дороге, то средняя скорость здесь составляет 47,5 км/час. Это выше, чем в таких странах, как Америка (35,4 км/час) и Китай (31,8 км/час), что также является весомым аргументом в пользу развития международных перевозок. С ростом скорости достигается и существенная экономия средств, в частности вследствие сокращения срока аренды контейнера.⁹

Важной задачей для привлечения грузов на Транссиб является применение конкурентоспособных тарифов и обеспечение сохранности грузов. В 2000 г. МПС установило сквозную ставку для одного 20-футового контейнера в среднем 1500 долл. (перевозка морем в тот период времени стоила 1670 долл.) и гарантийный срок доставки в пределах 18 суток. За сохранность груза отвечал специальный отряд ВОХР МПС, поскольку, например, страховая стоимость первых 50 контейнеров составляла 2,5 млн. долл.¹⁰ Постепенно объем перевозок по Транссибирской магистрали увеличивается.

Объем перевозок по Транссибирской магистрали в 1999-2001 гг.

(тыс. т)¹¹

	1999 г.	2000 г.	2001 г.
Экспорт	32195,0	37685,4	40779,9
Импорт	2552,6	2318,0	2266,5
Транзит	1289,6	1363,9	1438,9
Всего	36037,2	41367,3	44485,3

С 1 августа 2001 г. в МПС перешли на единый тариф железнодорожных перевозок через порты, а с марта 2002 г. — и через пограничные переходы. Это позволило существенно — в 2-3 раза — снизить тарифную нагрузку с перевозчиков, экспортеров и импортеров. В Восточном порту появились контейнеры из Китая. Фактически на сегодня уже действуют 7 регулярных линий. Таким образом, к транспортному коридору Транссиба через порт Восточный сегодня подключены корейские порты Пусан, Масан, японские Кобе, Нагойя, Иокогама, Модзи, Тояма, китайские Шанхай, Гонконг, Хуанту. А через них на Транссиб попадают и грузы из США, Таиланда, Вьетнама, Индии, Индонезии и Филиппин.¹²

За несколько последних лет на Транссибирской магистрали сложилась современная система управления перевозочным процессом. Вдоль магистрали был проложен волоконно-оптический кабель, что в корне изменило уровень

информационного обеспечения. Успешно работают единые диспетчерские центры управления перевозками, система фирменного транспортного обслуживания. Задействован автоматический режим слежения за продвижением вагонов. Транзитные контейнерные составы идут с пассажирской скоростью. Постоянно растет число маршрутов, по которым отправляются ускоренные контейнерные поезда. Помимо традиционного Находка — Восточная — Бусловская, был введен маршрут на Алма-Аты. В конце 2003 г. отправился первый регулярный поезд в Москву. Прорабатывается коммерческая выгода запускать такой же поезд и до Санкт-Петербурга. Все это позволит привлечь дополнительное количество грузов. Упрощенные таможенные процедуры для всех транзитных контейнеров сокращают до минимума время на прохождение формальностей. Большинство транзитных грузов проходит таможенную очистку еще до разгрузки судна, все необходимые документы поступают заблаговременно по электронной почте.¹³

8 сентября 2000 г. Правительство России одобрило «Основные направления формирования и развития международных транспортных коридоров на территории Российской Федерации на период до 2010 года». Тем самым наша страна объявила мировому сообществу о своих планах в конкурентной борьбе за транзит, обозначила приоритеты в развитии транспортной инфраструктуры. По Транссибу в настоящее время можно перевозить до 500 тыс. контейнеров ежегодно, а в перспективе — в 1,8-2 раза больше.¹⁴

Одним из направлений увеличения контейнерного грузопотока через Транссиб является создание трансконтинентального коридора Республика Корея — Россия — Европа. Сейчас доставка 20-футового контейнера морем от Пусана (Республика Корея) до финской Котки стоит 1250 долл. и занимает 33 дня, а аналогичный маршрут по Транссибу занимает 19 дней и обходится в 1050 долл. (из них около 250 долл. приходится на морской фрахт, около 200 долл. — на перевалку в портах, остальное — на железные дороги России и Финляндии). Ежегодно 2,5 млн. большегрузных контейнеров отправляется от Пусана морем через Индийский океан и Суэцкий канал, обогащая судовладельцев. При этом количество грузов, проходящих через порты Пусана, ежегодно удваивается и составляет более 48 млн. т.¹⁵

На Корейском полуострове активно изучаются перспективы восстановления Транскорейской железной дороги и соединения ее с Транссибом. Россия весьма заинтересована в продвижении этого проекта, так как это сулит ей ощутимые дивиденды — до 2 млрд. долл. в год.¹⁶

На модернизацию Хасанской ветки (от Уссурийска до Хасана) протяженностью 240 км Министерство путей сообщения в 2003 г. выделило больше 1 млн. долл. В будущем ветка должна стать связующим звеном между Транскорейской магистралью и Транссибом. Ожидаемый размер движения поездов через станцию Хасан в 2005 г. составит 14 пар в сутки. Развитие пограничного железнодорожного перехода Хасан-Туманган с КНДР может дать, по предварительным расчетам, не менее 10 млн. тонн грузов в год. Причем только из порта Пусан можно ожидать двухстороннего контейнерного потока объемом до 200 тыс. контейнеров в год.¹⁷

Однако существует несколько вариантов реконструкции корейских железных дорог и организации их дальнейших маршрутов:

Республика Корея — КНДР — Россия (Приморский край) — Европа;
Республика Корея — КНДР — КНР — Россия (Забайкальск) — Европа;
Республика Корея — КНДР — КНР — Монголия — Россия — Европа;
Республика Корея — КНДР — КНР — Казахстан — Россия (западная часть) — Европа.

Для нашей страны в целом, и особенно для российского Дальнего Востока более предпочтителен маршрут через Приморский край (станцию Хасан). По предварительным расчетам российских экспертов, на полное восстановле-

ние и модернизацию почти 800 километрового восточного (северо-корейского) участка Транскорейской железной дороги, проходящей по гористой местности и имеющей 97 туннелей, требуются серьезные материальные затраты — как минимум 3–4 млрд. долл.¹⁸ Долг СССР перед Республикой Корея оценивается в сумме более 1 млрд. долл. Россия надеется, что участвуя в модернизации Транскорейской железной дороги в КНДР ей удастся списать часть этого долга.

Республика Корея и КНДР заняты восстановлением 12-километровых участков железнодорожной колеи по обе стороны от границы (ее разобрали полвека назад во время Корейской войны). В конце 2002 г. был восстановлен южный участок, а в сентябре 2003 г. — северный, т.е. Транскорейская магистраль воссоединилась.

Начались восстановительные работы на 24-километровом участке между Мунсаном и Чжанданом (линия Кенги, или западный коридор Транскорейской железной дороги, ведущей к границе КНДР и Китая). Этот проект оценивается в 22 млн. долл. и составляет первую фазу программы работ на линии Гэсун-Синуйчжи) протяженностью 411 км, включающих восстановление, модернизацию, строительство вторых путей и электрификацию. Эта фаза финансируется корейским фондом экономического сотрудничества Юга и Севера. Далее планируется создание международного консорциума для финансирования работ на линии Гэсун-Синуйчжи в объеме около 4 млрд. долл.¹⁹

Китайский вариант развития Транскорейской железной дороги предусматривает ее прохождение через КНР (Синуйчжи — Шэньян — Харбин — Манчжурия) с выходом на Транссиб в Забайкалье. Он на 100 км короче, чем вариант через Хасан, а дорога идет вдоль долины и на всей ее протяженности (430 км) не имеет туннелей. Причем корейская и китайская железные дороги соответствуют одним стандартам, поэтому грузы будут идти по территории обеих стран без дополнительной перегрузки. К недостаткам следует отнести перегруженность участка Шэньян — Харбин и очень слабое техническое состояние 200-километрового участка дороги Хайдар — Манчжурия.

Подписанный в ноябре 2002 г. в Пхеньяне меморандум предусматривает изменение восточного направления Транскорейской магистрали ближе к морю. Предстояло обследовать трассу строительства длиной 100 км. В связи с этим в КНДР из России направлен спецпоезд, в состав которого входят жилые вагоны, дизельная и рефрижераторная секции с продовольствием, а также платформа с автомобилями. Первый этап работы российских железнодорожников в КНДР завершился в 2001 г. Специалисты из РФ обследовали 780 км будущей Транскорейской магистрали и 240-километровый участок от пограничной с КНДР станции Хасан до соединения с Транссибом у станции Барановская около Уссурийска. Только за 2003–2005 годы ОАО "Российские железные дороги" вложит в этот 240-километровый участок железной дороги около 4 млрд. руб. После модернизации пропускная способность трассы Уссурийск-Хасан удвоится.²⁰

Корейская сторона отказалась от строительства южного отрезка железной дороги по маршруту Пхенган-Вонсан, перенесла маршрут на восточное побережье (Кымгансан-Анбен), где ведутся работы по соединению железных дорог Севера и Юга.²¹

Республика Корея также заинтересована в Транскорейской железной дороге с выходом на Транссиб. Осенью 2002 г. она начала поставку в КНДР материалов и оборудования, необходимых для проведения работ по восстановлению железных дорог. В списке около 80 наименований материалов и оборудования, включая более 30 экскаваторов, около 240 самосвалов, кабель для линий связи и 20 тыс.т. цемента. Поставки осуществляются в кредит, а также на основе лизинговых схем. По оценке, сумма 20-летнего 1% кредита составляет около 46 млрд. вон (38 млн. долл.).²²

С 1999 г. в стране был принят план развития портов, который предусматривал значительное увеличение их мощностей. Особую роль в нем занимает развитие двух главных контейнерных портов: нового порта в Пусане и порта в Кванджу. К 2011 г. новый порт Пусан будет состоять из 24 причалов, столько же причалов будет и у порта Кванджу. Для национальной экономики этих мощностей многовато, поэтому можно утверждать, что Республика Корея будет стремиться привлекать в порты грузы иностранных государств. Это подтверждается еще и тем, что правительство страны ассигнует значительные суммы на изучение рынков транзитных грузов в Японии и КНР.²³

Маршрут по Транскорейской магистрали и дальше по Транссибу позволит в среднем на 10 суток сократить сроки и на 1500 долл. стоимость доставки 20-футовых контейнеров в Европу, что существенно повысит конкурентоспособность южнокорейских товаров. Через Транссиб для Республики Корея открывается более короткий путь и в целый ряд азиатских стран, включая такого мощного партнера как Китай, а также Россию, товарооборот с которой в 2002 г. составлял 3284 млн. долл.²⁴

Для выведения на уровень мировых стандартов магистрали Туманган-Вонсан-Кымгансан протяженностью около 700 км, по предварительным расчетам, может потребоваться более млрд. долл. Основные затраты пойдут на реконструкцию железных дорог КНДР. Необходимо привлекать к проекту иностранных инвесторов, в т.ч. в рамках международного консорциума. Вероятными участниками консорциума являются Россия, КНДР, Республика Корея, а также Япония и КНР.²⁵

Уже много лет обсуждаются вопросы экономического развития зоны Байкало-Амурской магистрали и ее загрузки. Существует много различных предложений по освоению местных источников ценного сырья и топлива. Действительно, зона БАМа — это кладовая полезных ископаемых. К сожалению, эта магистраль загружена лишь на 1/3, хотя и имеет пропускную способность до 90 тыс. контейнеров в год. Создание транспортного коридора от Корейского полуострова до Европы позволит БАМу обеспечить до 10% этих грузоперевозок. Основной груз магистрали — уголь, нефть, черный металл, круглый лес — идет в основном в порт Ванино (конечный пункт БАМа) и ряд других портов. Поэтому развитие Ванино и Советской Гавани связывают с развитием магистрали и добычи природных ресурсов Дальнего Востока.²⁶

Со сдачей в эксплуатацию в декабре 2003 г. сложнейшего Северо-Муйского тоннеля, строительство которого растянулось на 30 лет, Байкало-Амурская магистраль заработала полноценно. Протяженность тоннеля — 15343 метра, глубина в некоторых местах достигает 1 км. Государство получило мощнейшую транспортную артерию с провозной способностью до 20 млн. тонн.²⁷

Возможно, что в ближайшие же годы перевозки по Байкало-Амурской магистрали значительно увеличатся. Известно, что НК ЮКОС увеличит объем железнодорожного экспорта нефти и нефтепродуктов в КНР (в 2003 г. было экспортировано 3 млн. т). Железнодорожники готовы помочь НК, открыв новый маршрут доставки нефти по БАМу.

Подписаны два контракта между НК ЮКОС и госкомпанией из КНР на поставку 6,6 млн. т нефти в 2004 г. и 8 млн. т в 2005 г. В 2006 г. ЮКОС планирует экспортировать в Китай уже 12 млн. т. Однако для обеспечения этих поставок в отсутствие нефтепровода Ангарск-Дацин нефтяникам не хватит существующих транспортировочных мощностей.

Сейчас нефть для Комсомольского и Хабаровского НПЗ (около 9,6 млн. т в год), а также экспортируемая через порт Ванино и сухопутные пропускные пункты (3,5 млн. т) загружается в железнодорожные цистерны в Ангарске (Иркутская область) через терминалы на станциях Зуй и Суховская. Далее составы следуют по Транссибу на Дальний Восток (см. карту) или же к сухопутным пропускным пунктам на границе с Китаем (Забайкальск) и Монголией

(Наушки), откуда она идёт в КНР через станцию Эрлянь. Однако терминалы Зуй и Суховская с объёмом в 12 млн. т не справятся. ОАО РЖД уже предложило нефтяникам возможный выход из этой ситуации: перебросить поставки для внутреннего рынка и портов с Транссиба на БАМ. Для этого необходимо расконсервировать закрытую "Транснефтью" в 1983 г. нефтеналивную станцию Уяр под Красноярском. Для строительства всей железнодорожной инфраструктуры вокруг станции потребуется два-три месяца.

Предполагаемый маршрут доставки нефти на Дальний Восток по БАМу

Составы с нефтью, залитой в Уяре, по Транссибу доедут до Тайшета и далее, уже по БАМу, будут следовать в Комсомольск-на-Амуре и Хабаровск. В результате Зуй и Суховская освободят мощности для прокачки экспортной нефти. РЖД в принципе всё равно, как будет в конечном итоге доставляться нефть в Китай — через порты или сухопутные погранпереходы. Главное, что при подключении БАМа сможет быть перевезён весь заявленный на ближайшие несколько лет объём поставок.

Стоит отметить, что в августе 2003 г. РЖД существенно повысил тариф на перевозку нефти. По данным агентства Petroleum Argus, её транспортировка из Ангарска в Забайкальск сейчас стоит 51 долл. за тонну (при использовании цистерн РЖД) или 59 долл. (при использовании своего парка цистерн). В 2000 г., когда ЮКОС начал экспортировать горючее в КНР, его перевозка по этому маршруту стоила 14 долл., а до границы с Монголией — 3,7 долл. (сейчас — 27 долл. за тонну). Однако компания намерена увеличить транспортировку нефти в Китай, чтобы выполнить обязательства, возложенные на неё межправительственным соглашением между Россией и КНР.²⁴

До сих пор находится под вопросом строительство железной дороги к Эльгинскому угольному месторождению в южной Якутии. Первоначально он оценивался в 32-34 млрд. руб., сейчас стоимость проекта выросла, а у государства таких денег нет. А ведь разработка Эльгинского месторождения позволила бы вывести на рентабельный уровень БАМ, пока она ежегодно приносит 100 млн. долл. убытков, и сформировать дополнительные грузопотоки к портам Ванино и Восточный, а далее часть угля экспортировалась бы в Японию и другие страны АТЭС. Главное же — это то, что без Эльгинского угля Дальний Восток может погрузиться во тьму, поскольку освоенные запасы Нерюнгринского месторождения подходят к концу.²⁵

Однако радикальное решение развития зоны БАМа связано не только с использованием местных природных ресурсов, а ресурса геополитического положения магистрали: соединением БАМа с железнодорожной сетью Сахалина и Японии и превращением ее в звено международного транспортного моста "Европа-Азия".

Идея соединения железной дороги острова Сахалин с материком впервые рассматривалась еще в 30-е годы XX века. Тогда же был предложен вариант строительства тоннеля в самом узком месте Татарского пролива — пролива Невельского. Инженерно-геологические изыскания к техническому заданию железнодорожного тоннеля были выполнены в полном объеме в конце 40-х — начале 50-х годов. Были детально исследованы климатические, гидрогеологические и гидрографические условия строительства тоннеля. Были выполнены лабораторные исследования грунтов в акватории пролива.

Строительные работы начались летом 1951 г. За два года было уложено 120 км рельсового пути и выполнен большой объем подготовительных работ на тоннеле. На Сахалине начали прокладывать участок железной дороги Победино-Погиби, а на материке — участок от Селихина до мыса Лазарева, т.е. к тому месту, где и предполагалось начать подводный тоннель. До 1953 г., когда все работы были прекращены, удалось проложить участок Селихин — Черный мыс (используется до сих пор как лесовозная железная дорога) и Победино-Ныш.³⁰ В мае было прекращено возведение сахалинского тоннеля. До сих пор с материковой стороны и со стороны острова видна уходящая под Татарский пролив дамба.

Уже в конце 50-х годов XX века вновь возникла проблема обеспечения транспортной связи Сахалина с "большой землей". Изношенные деревянные вагоны, старые паровозы и низкая пропускная способность — это и была в то время железная дорога острова. Все это заставило руководство Сахалинской области опять вернуться к вопросу о необходимости транспортной связи с материком, причем были предложены два варианта: паром или тоннель.

Основным преимуществом паромной переправы было дешевизна его строительства (меньше тоннеля в 80 раз) и короткий срок окупаемости. Один из вариантов паромной переправы Ванино-Холмск (расстояние 254 км, стоимость 60 млн. руб. в ценах 1955 г., срок окупаемости 5 лет) и был принят. Паромная переправа вступила в строй в 1973 г., причем для ее функционирования было построено 10 судов-паромов, которые должны были служить 25 лет.

Сегодня единственная дорога, связывающая остров с материком, не обеспечивает потребности региона в грузоперевозках. Мощные и когда-то уникальные суда-паромы, гордость дальневосточного флота 70-х годов, устарели не только морально, но и физически (из десяти паромов сейчас остались только пять). В силу суровых природно-климатических условий паромная переправа уже не может обеспечить непрерывность перевозок. Теплый период в этом районе не превышает 5 месяцев, а частые циклоны и сильные ветра поднимают волну до 4 метров, что сильно затрудняет работу судов. Несмотря на круглогодичность перевозок, паромы реально работают около полугода, а для надежной связи Сахалина с материком этого явно недостаточно.

Надежная транспортная связь с островом важна еще и потому, что на Сахалине и его шельфе в рамках проектов "Сахалин-1", "Сахалин-2" и "Сахалин-3" развернуты крупномасштабные работы с участием зарубежных инвесторов по поиску, добыче и транспортировке нефти и газа. Поэтому идея строительства железнодорожного перехода на остров вновь стала актуальной.

В связи с заменой изношенного паромного парка необходима и серьезная реконструкция причалов. Под новые возможности флота и порта Ванино придется усилить за счет прокладки второго пути участок железной дороги Комсомольск-на-Амуре — Ванино. По подсчетам специалистов, одно это строительство даже без затрат непосредственно по паромной переправе ока-

жется дороже прокладки дороги из Комсомольска-на-Амуре через Селихин и Лазарев до Сахалина вместе с тоннелем. При строительстве вторых путей понадобится сооружение 10-километрового обхода через Кузнецкий перевал с тоннелем длиной 5,8 км, а это больше половины сахалинского.³¹

Объем перевозок между островом и материком в среднесрочной перспективе может вырасти до 30 млн. т в год. С таким потоком грузов переправа Холмск-Ванино в ее нынешнем состоянии уже не справится. Паромы последней серии длиной 136 метров имеют две палубы, что позволяет вмещать 38 железнодорожных вагонов. Минусом такого транспорта является то, что для него существуют довольно строгие ограничения для плавания по штормовому морю, по условиям ледовой обстановки и швартовке. Это при ориентировочной цене одного судна до 50 млн. долл., а также при том, что через 25 лет, когда опять износятся паромы, вновь возникнет проблема надежного соединения Сахалина с материком.

Чтобы соединить Сахалин с материком, нужен 10-километровый тоннель или 4-5-километровый мост. Стоимость этого проекта 2-3 млрд. долл., а срок реализации — 5-6 лет.³² Ширина пролива Невельского в самом узком месте составляет всего 7,3 км (для сравнения: ширина Ла-Манша — около 40 км), т.е. строительство тоннеля — это вполне реальная задача.

Наличие Байкало-Амурской железнодорожной магистрали с мостом через Амур у Комсомольска-на-Амуре дает возможность строительства однопутной железной дороги от станции Селихино (близ Комсомольска-на-Амуре) к мысу Лазарева, затем — через пролив Невельского до мыса Погиби, оттуда через Сахалин — к железнодорожной станции Ноглики (общая длина — 580 км). Это позволит подключить сеть острова к системе железных дорог страны и создать надежную, не зависящую от погоды транспортную сеть.

Освободив производственные мощности морских портов материка от перевалки грузов, которые следуют на Сахалин, Камчатку и в Магадан для обработки экспортно-импортных отправок, можно будет использовать незамерзающие порты Сахалина для транспортного обслуживания не только Магадана и Камчатки, но и восточного сектора Арктики. Это сократит действующие морские коммуникации на 500-1200 км, что эквивалентно высвобождению 10 морских судов за один навигационный период.³³ Это даст и второй выход БАМа к побережью Тихого океана через порты Де-Кастри на материке и незамерзающие Корсаков и Холмск на Сахалине и позволит значительно лучше использовать возможности БАМа.

В качестве альтернативы тоннелю предложена другая идея: сооружение комплексного мостового перехода через пролив Невельского. Его авторы — ряд сотрудников Дальневосточного отделения РАН. Они предлагают соединить в одном сооружении железнодорожный и автомобильный переходы, линии электропередачи и связи, а также трубопроводы для сахалинской нефти и газа. В "теле" моста предлагалось даже разместить низкоскоростные турбины для волновых приливных электростанций, а также использовать опоры для развития аквакультуры многих полезных морских организмов. Это комплексное сооружение дешевле раздельного строительства в 1,5-1,8 раза.³⁴ Вместе с тем железнодорожный мост из-за сложных климатических условий может быть менее надежным и более сложным в эксплуатации по сравнению с тоннелем.

В конце 60-х годов японскими специалистами обсуждалась идея сооружения железнодорожного перехода между островами Сахалин и Хоккайдо. В этом случае Сахалин превратится в сухопутный мост между Россией и Японией. Сахалин и Хоккайдо разделяет 43-километровый пролив Лаперуза. В Японии широко обсуждаются два варианта строительства перехода через пролив: тоннель или мост. Некоторые специалисты склоняются к созданию 20 двухки-

лометровых пролетов совмещенного железнодорожно-автомобильного моста. Подобные гиганты в Японии уже существуют.³⁵

Однако в конце 80-х годов XX века от Хоккайдо был сооружен тоннель Сейкан (длиной 53,85 км) под проливом Цугару с выходом на крупнейший японский остров Хонсю, где проживает около половины 130-миллионного населения Японии и расположены такие мегаполисы, как Токио и Иокогама, а также основные грузообразующие районы японского экспорта. Тоннель Сейкан является самым длинным в мире и проложен на глубине 140 метров.

Для соединения Японии с Евразийским материком осталось проложить тоннель под проливом Лаперуза, причем самая глубокая точка здесь 71 метр, что в два раза меньше, чем пролив Цугару. При этом островная Япония превратится в континентальную страну.

Японская сторона проявляет большую заинтересованность в данном проекте. Наверно, не случайно еще в 1994 г. в Японии было создано "Общество за соединение Японии с материком", функционирует комитет, которому поручено технико-экономическое обоснование прямого железнодорожного сообщения между Японией и Европой, имеется Комитет по интернационализации Транссибирской железной дороги.³⁶

Для реализации такого проекта с российской стороны необходимо построить около 560 км путей, считая сооружение тоннелей и мостов между проливом Невельского (11,7 км) и проливом Лаперуза (43 км). Ориентировочная стоимость строительства двух тоннелей составит 12,5-13 млрд. долл. при средней стоимости строительства 1 км тоннельного (мостового) перехода в 230 млн. долл., а стоимость всего проекта — не более 14 млрд. долл. при средней стоимости строительства 100 км железных дорог 125 млн. долл.

Однако в проекте создания международного транзитного коридора Европа — Россия — Япония есть еще одна проблема. На всем своем протяжении с севера на юг (около 1 тыс. км) Сахалина железная дорога имеет узкую колею (1067 мм), т.к. железнодорожное полотно проектировалось и строилось по японским стандартам узкой колеи (в России ширина колеи — 1524 мм, стандартная колея японского суперэкспресса — 1435 мм). Приход Транссиба на остров ускорит реконструкцию железнодорожной сети на Сахалине с переходом на широкую колею, но при переходе границ все равно надо будет менять платформы состава.³⁷

Эта проблема может быть успешно решена благодаря японской технологии и вагонам-платформам со свободным размером колеи. Технология позволяет быстро, всего за несколько минут, при скорости состава 80 км перейти с одной колеи на другую (в настоящее время для подобного перехода требуется несколько часов. Новая технология успешно проходит испытания в условиях сильных морозов (до минус 45 градусов) для использования на Транссибе. Новые вагоны-платформы с меняющимся размером колеи могут применяться при переходе Япония — Россия и Россия — Европа.

Понятно, что самостоятельно Россия не сможет вложить в проект такие большие средства, хотя наша страна теряет 2-3 млрд. долл. только на фрахт судов чужого флага, используя порты Прибалтики и Украины для перевозки своих же грузов. Для претворения в жизнь проекта трансконтинентальной магистрали Россия — Япония необходимы крупные инвестиции в размере до 15 млрд. долл. Одним из наиболее реальных путей финансирования проекта является создание международного консорциума, в состав которого вошли бы представители всех заинтересованных стран (Россия, Япония, Республика Корея, Скандинавские страны, страны ЕС, Румыния и др.). Уже сейчас ведутся переговоры о транзите по Транссибу с такими компаниями, как Sumitomo, NEC, Japan Telecom, Siemens и т.д. Другими возможными источниками являются средства различных международных финансовых институтов: этот вопрос рассматривается Всемирным банком реконструкции и развития.³⁸ Необходи-

димо привлечь средства и других инвесторов. Однако, чтобы получить такие средства, нашей стране нужно создать соответствующий инвестиционный климат, что потребует изменения законодательства, инвестиционного права и предоставления гарантий правительства. Одним из шагов в этом направлении может быть реальное создание и практическая деятельность свободных экономических зон в районе прохождения магистрали.

Определенные средства в проект могли бы вложить компании, участвующие в освоении ресурсов примагистральной полосы (на Сахалине — нефтяные компании, в Амурской области и Хабаровском крае — лесозаготовительные предприятия). Есть предложение о создании государственной акционерной компании, в ведение которой будет передана прилегающая к магистрали территории (шириной 20-50 км) с правом использования на ней ресурсов. В качестве акционеров возможно привлечение субъектов федерации (по которым проходит магистраль), так как в первую очередь именно они заинтересованы в увеличении налогооблагаемой базы и получении выхода к портам и на японский рынок, могут профинансировать строительство небольших участков (до 50 км) магистрали. Истории уже известны такие примеры: так строилась трансконтинентальная дорога в США до Аляски. Вся земля, расположенная вблизи будущей железнодорожной линии, была разделена на небольшие участки и под каждый выпущены акции, продававшиеся по всей Америке. Деньги от реализации ценных бумаг шли на строительство магистрали.³⁹ Такой вариант строительства железной дороги вполне приемлем и для России после принятия закона о частной собственности на землю.

Использование любого варианта или всех их вместе позволит претворить проект строительства "тоннельной" дороги в жизнь, а проект войдет в историю и станет достоянием всего мирового сообщества.

Только тогда, когда Россия создаст развитый и функционирующий без сбоев транспортный коридор, которым будут без претензий пользоваться отечественные грузовладельцы, можно будет на мировом рынке заявить о тех возможностях, которые сможет предложить Транссибирская магистраль. Ведь географическое положение России ничуть не хуже корейского, а, значит, страна достойна того, чтобы получить свою долю международного транзита. Мировая торговля растет и грузов становится все больше, поэтому наша страна имеет шанс получить свой кусок "транспортного пирога". Но это произойдет только в том случае, если ее инфраструктура предложит такие же высококачественные услуги, что и другие страны.

1. Сундуков С., Купинский М. Долгий путь к причалу //Деловые люди. 2003. № 144. С. 100.
2. БИКИ. 2003. N 146.. С. 11.
3. Интернет. Байкальский экономический форум. 2003. 24 июня.
4. Волков К., Мельникова И. Рублем и "крестом" //Итоги. 2003. № 45. С. 33.
5. Деловые люди. 2004. № 156. С. 108.
6. Николаев С. Время, вперед! //Деловые люди. 2001. № 126. С. 86.
7. Балацкий Е., Евсеев В. Перспективные направления роста внешнеэкономической активности России //Экономист. 2002. № 3. С. 40.
8. Деловые люди. 2000. № 114. С. 67.
9. Балацкий Е., Евсеев В. Указ. соч. С. 41.
10. Гуков В.П., Кин А.А., Смирнов Н.В. Возможности устойчивого роста экономики Иркутской области //Регион: экономика и социология. 2001. № 1. С. 147.
11. БИКИ. 2002. N 53. С. 3.
12. Дальневосточный капитал. 2003. № 8. С. 27.
13. Дальневосточный капитал. 2003. № 6. С. 26-27.
14. Россия как естественная транзитная территория //Внешнеэкономический бюллетень. 2000. № 12. С. 63.

15. Стрельник А.А., Леонтьев Р.Г. Перспективы участия транспорта России в международном транзите //Россия в АТЭС и в АТР. М., 2001. С. 146.
16. Петрова И. Транскорейский экспресс. //Дальневосточный капитал. 2002. № 11. С. 8.
17. Дальневосточный капитал 2003. № 8. С. 39.
18. Петрова И. Указ. соч.. С. 8.
19. Хузиятов Т.Д. Тенденции развития транспортной инфраструктуры в странах Восточной Азии //Регион: экономика и социология. 2003. № 3. С. 200-201.
20. Дальневосточный капитал. 2003. № 2. С. 5.
21. БИКИ. 2002. № 149-150. С. 3.
22. БИКИ. 2002. № 149-150. С. 2.
23. Петрова И. Указ. соч.. С. 9.
24. Direction of Trade Statistics Yearbook. IMF. Washington. 2003. P.240-241.
25. БИКИ. 2002. № 149-150. С. 3.
26. Сундуков С. , Купинский М. Указ. соч. С. 101.
27. Деловые люди. 2004. № 156. С. 78.
28. Ямбаева Р., Сапожников П. РЖД переводит стрелки на ЮКОС, чтобы обеспечить нефтью Китай //Коммерсант. 23 января 2004 г. № 11. С. 8.
29. Дальневосточный капитал. 2002. № 2. С. 19.
30. Минин С. В. Предпосылки строительства железной дороги между материком и островом Сахалином //Регион: экономика и социология. 2000. № 2. С. 139.
31. Минин С. В. Указ. соч.. С. 140.
32. Филаретов В.Ф. Вопросы инвестиционной деятельности стран АТЭС на территории Дальнего Востока России //Россия в АТЭС и в АТР. М., 2001. С. 118.
33. Суходолов А.П. Транзитный потенциал России // Байкальский экономический форум. Интернет.
34. Филаретов В.Ф. Указ. соч. С. 118.
35. Стрельник А.А., Леонтьев Р.Г. Указ. соч. С. 147.
36. Бандман М.К. Транспортные коридоры и формирование нового экономического пояса Евразии в пределах России //Регион: экономика и социология. 2001. № 1. С. 190.
37. Дальневосточный капитал. 2003. № 8. С. 39.
38. Балацкий Е., Евсеев В. Перспективные направления роста внешнеэкономической активности России //Экономист. 2002. № 2. С. 41.
39. Суходолов А.П. Байкальский экономический форум. Интернет.

К столетию Сюэ Муцяо

© 2004

Я. Бергер

Выдающийся ученый-экономист, один из главных теоретиков и зачинателей китайских реформ Сюэ Муцяо родился 25 октября 1904 года в деревне Лисинь уезда Уси провинции Цзянсу. По удивительному совпадению этот уезд стал родиной многих ведущих экономистов страны, среди которых такие маститые, как Чэнь Ханьшэн и Сунь Ефан. В своей деревне Сюэ Муцяо, или, вернее, Сюэ Юйлинь, как его тогда звали, пошел в школу, основанную его отцом. Учился мальчик усердно и успешно, особенно ему хорошо давалась математика. Однако среднюю школу закончить не довелось. Семья обеднела, и шестнадцатилетнему Юйлиню пришлось пойти учиться на полугодовые бухгалтерские курсы. Закончив их досрочно, он начал работать бухгалтером на железнодорожном вокзале в г. Ханчжоу.

В начале 1927 г. Сюэ Муцяо вступает в Коммунистическую партию Китая. Однако вскоре после контрреволюционного переворота "12 апреля" его арестовывают и заключают в тюрьму Чжэцзянской полевой армии, где ему довелось провести три с половиной года. Тюрьма стала для Сюэ Муцяо единственным в жизни средним и высшим "учебным заведением", которое ему удалось закончить. Много позже, уже став признанным исследователем, на вопросы зарубежных коллег и журналистов об образовании Сюэ Муцяо с улыбкой отвечал: "Тюремный университет". В заключении он самостоятельно штудирует труды по политической экономии и философии, изучает естественные и исторические науки, овладевает английским языком и языком эсперанто, весьма распространенным в те годы в разных странах. На эсперанто он написал очерк "Одна ночь тюремной жизни". Пользуясь тем, что тюремные надзиратели этого языка не знали, он сумел переправить очерк на волю, где его и опубликовали в шанхайском журнале Общества эсперантистов "Зеленый свет".

В 30-е годы Сюэ Муцяо начинает изучать проблемы сельской экономики. Путь в науку ему помог проложить его старший земляк Чэнь Ханьшэн. В начале 1932 г. Сюэ Муцяо получил письмо от одного из своих школьных товарищей с предложением принять участие в исследованиях экономики деревни, проводимых Институтом социальных наук созданной в Шанхае Центральной академии наук. Пост директора Института по совместительству занимал выдающийся политический деятель и ученый Цай Юаньпэй, а непосредственно работой руководил Чэнь Ханьшэн. Так началось их сотрудничество, продолжавшееся многие годы.

Одна из первых работ Сюэ Муцяо, посвященная анализу экономического положения сельских районов Китая к югу от Янцзы, была написана на конкретных фактических материалах исследования его родной волости и собст-

венного родового клана Сюэ. Работа рисовала картину тяжелейшей эксплуатации крестьян, изнемогавших под бременем грабительской ренты, непосильных налогов, безжалостного ростовщичества.

Статья была опубликована в прогрессивном журнале “Синь чуаньцзао”, чему способствовал опять-таки Чэнь Ханьшэн. Институт, в котором в качестве внештатного сотрудника работал Сюэ Муцяо, в конце 1932 г. по указанию гомиьндановских властей был переведен в Нанкин, штат его был сокращен, а сам Сюэ Муцяо уволен и потому остро нуждался в гонорарах за публикации. Вскоре Сюэ Муцяо, начавший в то время изучать японский язык, к своей радости, неожиданно обнаружил перевод своей работы в одном из японских периодических изданий.

Именно Чэнь Ханьшэн стал инициатором превращения Сюэ Юйлиня в Сюэ Муцяо. В начале 1933 г. директор педагогического института из Гуанси попросил порекомендовать ему преподавателя экономики деревни. Чэнь Ханьшэн предложил занять эту вакансию Сюэ. Когда тот стал отказываться, ссылаясь на то, что у него нет даже аттестата о среднем образовании, Чэнь сказал, что это неважно, что он изменит ему имя и подтвердит окончание им Шанхайского университета труда. “Каким же будет мое новое имя?”, спросил Сюэ. Дело было зимой, в Нанкине выпало много снега. Чэнь поглядел из окна своего кабинета на улицы города и задумчиво сказал: “Сюэ маньго цяо я!” (“Снег засыпал мосты!”). Эта фраза и определила выбор. Только “мань” на родном диалекте друзей и коллег звучит как “му”. Так в научной литературе и в жизни появилось имя Сюэ Муцяо.

Сюэ Муцяо стал преподавателем педагогического института в Гуанси, проработал там более года, а затем в течение четырех лет был членом правления Китайского общества по изучению экономики деревни и главным редактором ежемесячного журнала “Чжунго нунцунь” (“Китайская деревня”). После начала войны сопротивления японской агрессии Сюэ Муцяо вступает в ряды Новой 4-й армии, где прослужил с 1938 по 1942 гг. С 1943 по 1947 гг. он возглавляет экономические департаменты провинциального правительства Шаньдунской антияпонской базы. В 1947-1949 гг. занимался той же работой в различных освобожденных районах Северного Китая, был секретарем финансово-экономического отдела ЦК КПК. Опыт этой деятельности существенно пригодился после освобождения Китая, когда ему пришлось возглавлять важнейшие экономические ведомства уже в масштабах республики.

Не было, пожалуй, ни одного государственного органа, отвечавшего за функционирование той экономической системы, которая установилась в КНР в 50-е годы, где бы Сюэ Муцяо не пришлось занимать руководящие посты. Среди них — Государственное статистическое управление, Госплан, Государственный комитет по ценам и многие другие. Можно сказать, что он положил много сил на создание и развитие системы планового хозяйства в Китае. Тем поразительнее стало превращение Сюэ Муцяо в одного из главных критиков этой системы и провозвестника рыночной экономики.

В период “культурной революции” Сюэ Муцяо, как и тысячам других ведущих партийных и государственных работников, пришлось подвергнуться перевоспитанию в коровниках и свинарниках. И на этот раз, как и в гомиьндановской тюрьме, он постарался использовать это печальное время для самообразования. До “культурной революции” Сюэ Муцяо не довелось прочесть “Капитал” Маркса, а тут у него оказалось достаточно времени, чтобы с ним ознакомиться.

Как пишет его дочь, он вообще не принадлежит к числу тех ученых, которые в своих исследованиях опираются на труды коллег и предшественников. В их доме обширная коллекция экономической литературы, но большая

часть ее не прочитана. Главными орудиями и средствами научной работы для Сюэ Муцяо служат перо, бумага, статистические данные, да еще отчеты обследований и личные наблюдения. Видимо, последние и послужили ученому основанием для серьезного переосмысления своих взглядов в конце 60-х — начале 70-х годов. После возвращения к активной исследовательской деятельности Сюэ Муцяо первым делом летом и осенью 1975 г. отправился в исследовательские поездки по трем хорошо знакомым ему провинциям: Шаньдуну, Цзянсу и Аньхой, чтобы на месте ознакомиться с последствиями “культурной революции” для народного хозяйства. Эти поездки сыграли впоследствии важную роль в подготовке Сюэ Муцяо капитального труда “Исследование проблем социалистической экономики Китая” (“Чжунго шэхуйчжуи цзинци взньти яньцзю”).

Эта книга занимает особое место в творческой и человеческой судьбе Сюэ Муцяо. Он начал писать ее еще во времена “культурной революции”, используя любую свободную минуту, тщательно укрывая рукопись от глаз надсмотрщиков, без всякой надежды на публикацию при своей жизни. Сюэ Муцяо, однако, к счастью, не только дожил до издания книги, но и стал свидетелем ее подлинного триумфа. После переломного 1979 года этот труд приобрел исключительную популярность и востребованность. Книга неоднократно переиздавалась, общий ее тираж достиг 10 миллионов экземпляров, что почти невероятно для научного издания. Отдел пропаганды ЦК КПК объявил ее обязательной для чтения кадровыми работниками партии.

С 1976 г. Сюэ Муцяо начинает выступать с критикой недостатков плановой системы хозяйства. С 1980 г. принимает личное участие в практической работе по структурному реформированию экономики в качестве советника Канцелярии по структурным реформам Госсовета КНР. Подготовленный этой Канцелярией документ под заглавием “Предварительные соображения о реформе экономических структур” (“Гуаньюй цзинци тичжи гайгэ ды чубу ицзянь”) не был опубликован в открытой печати. Тем не менее, можно утверждать, что он стал первым программным документом рыночных реформ в Китае. То обстоятельство, что его предложил бывший заместитель председателя китайского Госплана, придавал ему особую убедительность.

Сюэ Муцяо, ставший основным идеологом и автором этого документа, в конце 1970-х — начале 1980-х годов настаивал на необходимости провести всестороннюю реформу сферы обращения с тем, чтобы полностью реализовать роль закона стоимости. Исходя из этого, он считал ошибочным официальный тезис о том, что плановая экономика должна быть главной, а рыночная — вспомогательной, и настаивал на создании “социалистической рыночной экономики”. Выступая на совещании первых секретарей парткомов провинций, городов центрального подчинения и автономных районов с пояснениями по поводу названного документа, Сюэ Муцяо заявил, что главная его идея состоит в том, что социалистическая экономика Китая на настоящем этапе — это товарная экономика, где сосуществуют многие экономические компоненты и где преобладает общественная собственность на средства производства. Эта идея, по его словам, бросает вызов догматизму, в течение тридцати лет занимающему господствующие позиции. По свидетельству Сюэ Муцяо, запечатленному в его “Воспоминаниях”, эту идею поддержали и участники совещания, и тогдашний Генеральный секретарь ЦК КПК Ху Яобан.

Такой подход, однако, в то время был еще далеко не всеобщим и даже не преобладающим. Напротив, некоторые неудачи политики урегулирования на первом ее этапе после окончания “культурной революции” дали повод противникам рыночной экономики попытаться возложить вину за растущий дефицит бюджета, инфляцию, экономические неурядицы именно на попытки усилить роль закона стоимости и рыночного регулирования. Идеи рыночной

экономики стали подвергаться все большим остракизму в печати и в партийных инстанциях. В апреле 1981 г. под грифом "для служебного пользования" были опубликованы материалы, подготовленные исследовательским отделом Секретариата ЦК КПК, где были по четырем категориям сгруппированы взгляды китайских экономистов на проблему соотношения плановой и рыночной экономики. К первой категории были отнесены те, что отстаивали главенство плановой экономики, в четвертую категорию вошли высказывания таких ученых, как Сюэ Муцяо, постулировавших плановое регулирование на макроэкономическом уровне и рыночное регулирование на уровне микроэкономическом, и мнения тех экономистов, кто полагал, что государственные планы нужно также реализовать с помощью рыночного регулирования.

Летом 1982 г. в связи с работой над 6-м пятилетним планом и подготовкой XII съезда КПК противоборство между сторонниками рыночных реформ и адептами плановой экономики еще более обострилось. В ходе наступления сторонников плановой экономики на своих оппонентов-рыночников под ударом оказались такие видные китайские экономисты, как Сюэ Муцяо и Лю Гогуан. Сюэ Муцяо был вынужден против своей воли заняться самокритикой на собственном теоретическом семинаре по структурным реформам в экономике за утверждение, что плановое регулирование по большей части реализуется через регулирование рыночное. Лю Гогуана осуждали за то, что в статье, опубликованной газетой "Жэньминь жибао", он высказал предположение, что по мере формирования рынка покупателя, по мере рационализации цен будет постепенно сокращаться сфера директивного планирования.

Это был не единственный случай, когда ученому приходилось на время отступить от своих убеждений, подчиняясь партийной дисциплине. Но, в конечном счете, истина брала верх. Так было в конце 80-х годов, когда многие китайские руководители, ответственные за принятие решений, стали воспринимать экономическую ситуацию в чрезмерно радужном свете и, исходя из этого, настаивали на резком ускорении реформ, прежде всего в системе ценообразования. 30 мая 1988 г. Политбюро ЦК КПК приняло решение ускорить реформу ценообразования. Партийное руководство признавало, что реформа сопряжена с риском, но оправдывало риск тем, что кратковременная боль лучше долгосрочной (*чан тун бу жу дуаньтун*). Трудно не усмотреть в этом подходе прямую аналогию с шоковой терапией.

Хотя такой подход почти единодушно поддерживался как политическим руководством, так и экспертным сообществом, нельзя сказать, что он совсем не встречал возражений. На совещании экспертов по экономике, созванном Госпланом, с протестом против ускорения экономического роста с опорой на инфляцию выступил Сюэ Муцяо. Он предлагал уменьшить денежную эмиссию и инвестиции в капитальное строительство, подавить инфляцию и лишь затем оптимизировать цены. Тогда эта точка зрения была отвергнута, что и привело к тяжким последствиям — как в экономике, так и в политике. И только в конце 1988 г., когда освобождение цен под давлением инфляции и паники на потребительском рынке пришлось остановить, Чжао Цзыян признал собственные заблуждения и правоту Сюэ Муцяо.

Сюэ Муцяо как подлинный ученый отнюдь не считает себя всегда и во всем правым. Напротив, он неизменно критически оценивает свои работы. Некоторые из них, написанные в разные исторические периоды, признает Сюэ Муцяо, были не совсем верными и даже вовсе ошибочными. Некоторые ошибочные тезисы были обусловлены политическим давлением, невозможностью выражать свои взгляды, другие — влиянием догматизма и ультралевацкой идеологии. Тем не менее, главным для исследователя является способность воспринимать новое и готовность преодолевать собственные заблуждения. Этим каче-

ством в полной мере наделен Сюэ Муцяо. В 1996 г. вышла в свет книга “Сюэ Муцяо хуйи лу” [“Воспоминания Сюэ Муцяо”], где он честно и откровенно описывает свой жизненный и творческий путь.

К началу 90-х годов у Сюэ Муцяо обострились болезни: сердечно-сосудистые, болезнь Паркинсона, нервное истощение. Стало трудно ходить, трудно писать. Но ум оставался по-прежнему ясным. Домашние и секретари читали ему газеты, книги, документы, а он высказывал свои суждения о прочитанном. В феврале 1991 г., когда здоровье 87-летнего Сюэ Муцяо ухудшилось, заботу о нем взял на себя известный геронтолог Чжао Юмин. Он пообещал ученому еще десять лет здоровой жизни, на что тот, улыбаясь, согласился. В благодарность Сюэ Муцяо подарил врачу собственноручно выполненную каллиграфическую пропись: “Цзинь синь цзе ли мяо шоу хуй чунь” [“Всею душой, всеми силами искусные руки возвращают весну”], которая выражала доверие и надежду.

С тех пор минуло не десять, а тринадцать лет, и Сюэ Муцяо вместе со своими близкими, друзьями, миллионами почитателей и поклонников отмечает свой столетний юбилей. За эти годы ученого посещали видные деятели страны, включая премьер-министров Чжу Жунци и Вэнь Цзябао. Именем Сюэ Муцяо названа одна из самых престижных научных премий страны — за работы в области ценообразования. Он является почетным председателем Центра по изучению развития при Госсовете КНР, академиком Академии наук Китая и имеет еще много других почетных званий и, главное, признание и уважение миллионов людей как в Китае, так и за его пределами, в том числе и среди российских китаеведов.

История

Общая характеристика отношений между ВКП(б) (КПСС), Коминтерном и КПК до 1949 года

© 2004

Ян Куйсун

В одной из широко известных статей, опубликованных в 1949 году незадолго до создания КНР, Мао Цзэдун сделал два весьма важных заявления обобщающего характера об отношениях КПК с Советским Союзом. Первое из них гласило: "Орудийные залпы Октябрьской революции донесли до нас марксизм-ленинизм. Октябрьская революция помогла прогрессивным элементам мира и Китая применить пролетарское мировоззрение для определения судьбы страны и пересмотра собственных проблем. Идти по пути русских — таков был вывод". Второе высказывание звучало так: "В международном отношении мы принадлежим к антиимпериалистическому фронту, возглавляемому Советским Союзом, и мы должны надеяться на подлинно дружественную помощь этого фронта, а не империалистического фронта". Первое высказывание показывает, что применяемые КПК для анализа и решения проблем Китая метод и инструмент получены путем копирования и изучения опыта СССР; второе — что после того, как в мире сформировались две коренными образом противоположные идеологии и общественные системы, возглавляемая КПК революция фактически могла получить помощь только от Советского Союза.

В первой половине XX века в обстановке бурного подъема национально-освободительного движения и движения за национальное самоопределение лучшие люди многих слаборазвитых стран были заняты поиском методов и инструментов для освобождения своей нации от национального угнетения. Октябрьская революция в России и установленная в ее результате советская власть, основывавшаяся на принципах антиимпериализма, революции и справедливого общественного распределения, с неизбежностью притягивала к себе взоры многих революционеров из упомянутых стран. Брать в качестве примера Октябрьскую революцию, идти по пути русских — в условиях того времени стало мощным идеологическим течением. Китай, граничивший с Советским Союзом, естественно, в еще большей степени, чем другие страны, подвергся воздействию этой идеологии.

Однако, для того, чтобы коммунистическая идеология, являвшаяся в России методом классового анализа и инструментом классовой борьбы, превра-

тилась в руководящую идеологию революционеров в такой отсталой, мелкокрестьянской стране, как Китай, где классовое деление общества еще не приобрело ярко выраженный характер, опираться всего лишь на усилия нескольких людей, которые самостоятельно начнут копировать и изучать российский опыт, было далеко недостаточно. Теория классово́й борьбы — это теория действия. Только посредством ее организованного распространения, насаждения и практического применения она могла из вещи, написанной на бумаге, постепенно стать эффективным инструментом преобразования общества. А для того, чтобы симпатизировавшие России революционеры того времени организовались в соответствии с опытом российской партии, необходимо было опираться на организованный русскими коммунистами экспорт революции. В этом плане создание Коминтерна, то есть всемирной коммунистической партии, в огромной степени способствовало такому экспорту. Очевидно, что создание первых коммунистических организаций в Китае, включая и рождение самой КПК, произошло при руководстве и помощи со стороны российской партии, а также Коминтерна. Эти руководство и помощь включали практически все: от кадров до денежных средств, от пропагандистских материалов до конкретных методов организации пропаганды. Важность прямой помощи от российской партии, также от Коминтерна, самым явным образом видна в следующем примере. В то время в Китае насчитывалось семь-восемь стихийно возникших и выступавших под лозунгами коммунизма или подражания революции в России мелких организаций, но в конце концов признанной Коминтерном, рассматривавшейся как качественная правильная и получавшей определенные фиксированные денежные суммы оказалась одна только шанхайская группа, созданная при помощи Г.Н.Войтинского, центральной фигурой которой был Чэнь Дусю. В результате другие группы, не получившие признания Коминтерна, несмотря на то, что все они были сходны в плане своих политических ориентаций, а некоторые были даже созданы раньше, или распались, или влились в группу Чэнь Дусю.

Возглавлявшаяся Чэнь Дусю Коммунистическая партия Китая с момента своего создания в 1921 году превратилась в одну из секций Коминтерна, строила свою работу на основе различных его указаний, ее деятельность направлялась и контролировалась представителями Коминтерна. Коминтерном назначались высшие руководители партии, ее существование и функционирование поддерживались денежными средствами, предоставлявшимися Коминтерном и связанными с ним организациями. И даже тексты всех важных партийных документов, включая протоколы различных заседаний и совещаний, было необходимо своевременно переводить на русский и предоставлять в штаб-квартиру Коминтерна в Москве. До середины 30-х годов КПК не имела практически никакой независимости. Другими словами, до середины 30-х годов все успехи и неудачи КПК в процессе ее роста и революционной борьбы естественным образом должны быть записаны на коминтерновский счет. Несмотря на взлеты и падения первых 10-ти лет существования КПК, можно говорить, что помощь Коминтерна была исключительно эффективной. В период проведения ее первого съезда в КПК насчитывалось не более 50-ти с небольшим членов. К моменту проведения год спустя второго съезда членов партии также было не более 190 с небольшим. Еще через год, к третьему съезду, число членов КПК возросло всего лишь до четырехсот. Однако вслед за тем, как Коминтерн выдвинул и начал проводить в жизнь предложение об индивидуальном вступлении коммунистов в Гоминьдан, сотрудничестве Гоминьдана и КПК в рамках одной партии, по мере развития Гоминьдана влияние КПК в стране стало быстро расти. К моменту проведения в 1924 году четвертого съезда партии ее численность увеличилась до нескольких тысяч человек. К моменту же проведения в 1927 году пятого съезда она достигла уже 50 тысяч членов.

Период сотрудничества Гоминьдана и КПК в 1923-1927 гг. в истории КПК является темой, вызывающей множество споров. Одной из причин этих споров является то, что это сотрудничество в итоге отнюдь не принесло партии победы, а, напротив, из-за разрыва с Гоминьданом она потерпела тяжелое поражение. Еще до конца 1927 года численность КПК упала с 50 тысяч до всего лишь не более чем 10 тысяч человек, многие крупные руководители партии стали жертвами гоминьдановского белого террора, а большое число оставшихся в живых коммунистов вошло в состав раскольнических течений. Даже основателю партии Чэнь Дусю Москва навесила ярлык правого оппортуниста и толкнула его во внутрипартийную оппозицию. Однако, несмотря на такое поражение, политические успехи КПК были очевидны для всех. Если бы не было руководства и вмешательства со стороны Коминтерна, то, опираясь на Чэнь Дусю и нескольких молодых студентов и интеллигентов раннего периода, строивших свою деятельность на основе теории и опыта революции, почерпнутых ими из иностранных книг, с помощью подпольной организации численностью в несколько десятков человек, подобно РСДРП, начав с организации и подъема на борьбу рабочих. — трудно сказать, смогла бы КПК превратиться в массовую политическую партию, пользуясь влиянием в стране.

Невозможно отрицать, что в ходе руководства и вмешательства Москвы в китайскую революцию имели место и чрезвычайно нелепые вещи. Например, попытка преобразовать Гоминьдан из так называемого союза четырех классов в политическую партию рабочих и крестьян. Или, например, проведение упрощенных аналогий между китайской революцией и революцией в России, сравнение гуанчжоуского этапа с революцией 1905 года, а уханьского этапа с февральской революцией 1917 года, убежденность в том, что на различных этапах революции буржуазия и верхние слои мелкой буржуазии отойдут от нее, а после вступления революции в новый этап истинно революционными останутся только рабочие и крестьяне (на самом деле, только чрезвычайно незначительная часть рабочих и небольшое число беднейших крестьян), большая же часть социальных слоев будет настроена или неревOLUTIONно, или контрреволюционно. В результате, несмотря на то, что Сталин в конце концов определил новый этап китайской революции как классически "советскую" революцию российского типа, он подчеркивал, что она по своему характеру остается в рамках этапа буржуазно-демократической революции, но все же не имеет возможности ограничить объект своей борьбы только империализмом и феодальными милитаристскими кликами. Почти все богатые слои населения, включая среднюю и мелкую буржуазию, рассматривавшуюся в качестве промежуточной силы, были зачислены в число противников революции и даже рассматривались как враг еще более опасный, чем империализм и милитаристы, так как они тоже поддерживали лозунги борьбы с империализмом и милитаристами. Таким образом, советский этап стал самым трагическим периодом в истории китайской революции, и похоже, что это было неизбежно.

Но даже если и так, московские руководители все же имели намного более богатый революционный опыт, нежели руководители КПК, поэтому, хотя они и были далеки от понимания особенностей китайского общества, их указания отнюдь не были сплошь догматизмом и закостенелостью. Людями, действительно демонстрировавшими слепую веру в книжную мудрость и русский опыт, имевшими недостаток теоретической подготовки и еще больший недостаток практического опыта, умевшими только воевать на бумаге, часто оказывались руководители КПК. Стоит нам посмотреть на полемику между ЦК КПК и Гоминьданом в начальный период их сотрудничества по вопросу о формах революции, то нетрудно заметить, что как раз несколько более гибкими были русские. Потому что в то время Советский Союз уже принял решение о под-

держке создания Сунь Ятсеном и Гоминьданом опорной базы в Гуанчжоу, строительстве армии нового типа, свержении путем военной революции пекинского правительства. А ЦК КПК, напротив, придерживался того мнения, что настоящая революция может произойти только как в России т.е., через восстание масс, ее невозможно совершить военными методами. Поэтому они считали, что Гоминьдан должен отказаться от создания очага власти в Гуанчжоу, не должен создавать никаких опорных баз и уж тем более не должен создавать армию. Потому что такими действиями только подрывалась бы политическая репутация партии в глазах масс, и это не способствовало созреванию массовой революции.

Такая позиция продолжала существовать до этапа советской революции. Вплоть до проведения шестого съезда КПК в 1928 году, когда поддерживаемая Москвой политика городских восстаний полностью провалилась и большая часть восставших армейских частей были вынуждены отступить в сельскую местность, вооруженным путем захватили отдельные территории, создали Красную армию и опорные районы, большинство членов ЦК КПК отождествляли все это с крестьянскими революциями старого типа, утверждали, что такие действия не могут привести к успеху, и по этой причине были настроены пессимистически. В этом смысле тоже очевидно, что московские руководители были более дальновидными. Они отнюдь не застряли в узких рамках опыта революции в России, а постепенно осознали важное значение таких новых явлений, как китайская Красная армия и опорные районы, а также опирались на практику и в этой практике выявили руководителя КПК, представлявшего собой эти новые явления: Мао Цзэдуна. К 1930 году Сталин уже официально согласился с тем, что китайская революция не будет похожа на революции в Европе и России, она может пойти только по пути вооруженной революции методом окружения города деревней и в конечном итоге захвата городов. Именно из-за этого вывода Москвы в китайской революции стали возможны быстрые и серьезные изменения, а именно после 1931 года центр тяжести работы ЦК КПК начал быстро перемещаться из города в деревню; Мао Цзэдун начал превращаться в самую яркую звезду в пропагандируемых Москвой огромных успехах китайской Красной Армии и ее сельских опорных районов.

Обнаружение, выдвижение и всемерное пропагандирование фигуры Мао Цзэдуна были в тот период, возможно, важнейшим вкладом руководителей Коминтерна и ВКП(б) в дело китайской революции. Несмотря на то, что контролировавшие тогда Временный ЦК молодые лидеры, вернувшиеся в страну после учебы в СССР, ни во что не ставили выросшего на местной почве и упрямого по характеру Мао Цзэдуна и постепенно лишили его руководящих партийных и военных постов в Центральном советском районе, Москва неизменно старалась защищать и поднимать роль Мао Цзэдуна. В 1931 году Мао Цзэдун был назначен председателем Центрального исполнительного комитета Китайской советской республики и председателем Народного комитета; когда в конце 1932 — начале 1933 годов в КПК возникли разногласия и некоторые руководители партии пытались отправить Мао Цзэдуна в Советский Союз, Москва недвусмысленно воспрепятствовала принятию такого решения; в 1934 году по предложению Москвы Мао Цзэдун был рекомендован в члены Политбюро ЦК КПК, Москва начала даже издавать текст доклада Мао на Втором съезде советов, и отдельные его работы. Более того, в 1935 году Мао Цзэдун на седьмом конгрессе Коминтерна наряду с такими широко известными во всех коммунистических партиях деятелями, как Г.Димитров и Э.Тельман, был назван одним из великих знаменосцев мирового коммунистического движения, и удостоился специального приветствия делегатов конгресса. Следствием этого стало то, что,

когда Коминтерн увидел, что вернувшиеся из Советского Союза студенты не способны эффективно наладить руководство партией, он не колеблясь сделал Мао Цзэдуна ее вождем и потребовал от других руководителей, чтобы они сплотились вокруг Мао Цзэдуна. Не приходится сомневаться в том, что к 1940-м гг. Мао Цзэдун, подвергаясь постоянным нападкам со стороны других руководителей партии, смог вознестись на самую вершину и стать ее верховным вождем. Помимо его собственных способностей, исключительно важную роль в этом сыграли внимание и поддержка Москвы.

В вопросе отношений с Москвой важнейшей особенностью Мао Цзэдуна, отличавшей его от других руководителей КПК, был его упрямый и независимый характер. Если взять успех китайской революции 1949 года, то он вряд ли был бы возможен если бы на месте Мао Цзэдуна оказался какой-либо другой руководитель партии. В сравнительном плане, хотя большая часть руководителей в истории КПК не были людьми с сильным характером и во всем слушались Москву, были и такие как Чэнь Дусю, Сян Чжунфа, Ли Лисань, которые в отдельные периоды и по отдельным вопросам осмеливались перечить Коминтерну. Проблема в том, что эти их разногласия с линией Коминтерна по большей части не имели под собой достаточно серьезных оснований. Классическим примером является острая полемика в 1930 г. между Сян Чжунфа и Ли Лисанем, с одной стороны, и представителем Дальневосточного бюро ИККИ, с другой. Из-за переоценки своих сил они решили, что китайская революция уже вошла в исторический этап всекитайского всеобщего восстания и даже может послужить началом мировой революции. Поэтому они не пожалели усилий потребовать, чтобы Москва направила войска в северо-восточные провинции Китая на помощь всеобщему восстанию в Китае и для разжигания мировой революции. Настаивая на своей точке зрения, они в разговоре с представителем Дальбюро ИККИ даже стучали кулаком по столу. Однако в итоге они все же не могли не признать перед Коминтерном своей ошибки в том, что касается их оценки организационной готовности партии к всеобщему восстанию и готовности к нему страны в целом.

В вопросе отношений Москвы с КПК наиболее деликатным все же является вопрос о финансовой помощи. Подвергаясь со стороны Гоминьдана обвинениям в том, что она является "рублевой партией", КПК в течение длительного времени предпочитала хранить полное молчание по поводу данной проблемы. Но очевидно, что, будучи революционной партией, созданной по большевистскому образцу, КПК с момента своего создания была организацией профессиональных революционеров. Так называемый профессиональный революционер — это человек, для которого профессией является революция, партии приходится финансировать всю его деятельность, причем не только партийную, но и его жизнь как частного лица вплоть до расходов на содержание семьи. В начальный период существования КПК весьма значительная часть ее членов, помимо партийной, имели и какую-то другую работу. Однако вскоре ситуация изменилась, стало сложно собирать и партийные взносы, которые были одно время хоть каким-то, пусть небольшим, источником партийных доходов. Известно, что в 1921 году Коминтерн предоставил КПК примерно 16650 кит. долл., тогда как сумма, которую партия смогла собрать самостоятельно, составила всего лишь 1000 кит. долл. В 1922 году к моменту доклада на третьем съезде КПК, который делал Чэнь Дусю, Коминтерн предоставил на нужды партии 15000 кит. долл., тогда как собственных средств партии собрать не удалось. Другими словами, начиная примерно со времени проведения третьего съезда КПК, почти все средства на функционирование партии предоставлялись Москвой. По мере непрерывного роста партийных организаций Москве неизбежно пришлось увеличивать и суммы денежных выплат. К 1927 году об-

щий объем финансовой помощи, выделявшейся Москвой, включая деньги на партию, комсомол, рабочее движение, крестьянское движение, борьбу с империализмом, работу в армии, помощь остро нуждающимся, а также на специальные цели, уже превысил миллион кит. долл. Из доступных нам материалов о доходах партии за 1931 год видно, что даже через десять лет после создания КПК она могла функционировать, только опираясь на постоянную финансовую помощь Москвы в размере 15000 американских долларов в месяц.

Важность прояснения вопроса о предоставлении Москвой финансовой помощи КПК объясняется тем, что это помогает нам понять, насколько большой, в конце концов, была зависимость КПК от ВКП(б) и Коминтерна. Фактически, вплоть до начала 30-х годов XX столетия КПК в своей повседневной работе практически полностью зависела от финансовой помощи Москвы, включая финансовое обеспечение повседневных расходов ведущих членов партии. В этих условиях говорить о независимости и самостоятельности КПК, как ни крути, было невозможно. Очевидно, что условия для того, чтобы КПК начала приобретать независимость и самостоятельность, начали складываться к середине 30-х годов, то есть после того, как приобрели ощутимые масштабы Красная армия и опорные базы, а центр тяжести работы ЦК был перенесен в деревню. Вслед за тем, как Временный ЦК в 1933 году полностью перебазировался в Центральный советский район в Цзянси, вся работа в городе постепенно стала сходить на нет, партия и Красная армия еще в большей степени должны были опираться на доходы, получаемые в опорных базах и в ходе борьбы с "местными мироедами" в близлежащих местностях. Только тогда стали появляться экономические предпосылки для независимости и самостоятельности. В 1934 году, после того, как борьба Центрального советского района против карательных походов Гоминьдана потерпела неудачу, ЦК КПК и Красная армия еще в большей степени утратили возможности для поддержания радиосвязи с Москвой через Шанхай. Вот почему в ходе Великого похода Красной армии в 1935 году ЦК КПК созвал в Цзуньи расширенное заседание Политбюро и самостоятельно реорганизовал высшее руководство партии, что было неслыханным событием. После этого и КПК на длительное время вплоть до окончания антияпонской войны КПК закрепились в деревне и выживание и развитие партии опиралось на опорные районы в сельской местности. Финансовая же зависимость ее от Москвы сильно уменьшилась. Тем не менее, в периоды временных трудностей КПК Москва, как и раньше, на основании просьб КПК выделяла ей денежные средства на их преодоление, однако двусторонние отношения теперь были уже совершенно не такими, как прежде.

После того, как в финансовом отношении зависимость от Москвы отпала, отношения между КПК и Москвой вступили в совершенно новый этап. А продвижение Москвой Мао Цзэдуна на высшие посты в еще большей степени двинуло вперед процесс полного изменения характера отношений сторон. Суть этого поворота в отношениях заключается в том, что отныне КПК в определении своей политики и в своей деятельности начинает полностью исходить из собственных интересов, а не из интересов мирового коммунистического движения, которые определял Коминтерн. В этом плане наиболее очевидным примером является то, что до поворота в документах Коминтерна черным по белому было написано, что Советский Союз является родиной пролетариата, интересы Советского Союза — превыше всего, поэтому когда между Китаем и Советским Союзом возникает конфликт, например, конфликт 1929 года на КВЖД, КПК обязана открыто выдвинуть лозунг вооруженной защиты Советского Союза, а также привести с этой целью в движение все имеющиеся у нее силы для сковывания противника. Тогдашний ЦК КПК именно так, безо всяких оговорок, выполнял директивы Коминтерна. Бывший генеральный секретарь ЦК

КПК Чэнь Дусю тогда выступил с критикой ЦК, заявив, что эти действия носят излишне механистический характер, не принимают во внимание необходимости тактической гибкости, наносят ущерб имиджу партии в глазах народа. В результате он подвергся жесткому осуждению, а впоследствии был исключен из партии. А после поворота, о котором говорилось выше, когда в 1941 году Советский Союз подвергся внезапному нападению со стороны германского фашизма, была оккупирована значительная часть его территории и западный фронт находился в состоянии хаоса, Москва проявляла обеспокоенность тем, что оккупировавшие Северо-Восточный и Восточный Китай японские войска могут использовать благоприятную возможность для начала наступления на восточном фронте, и поэтому недвусмысленно потребовала от КПК бросить войска против японской армии и сковать ее действия. Мао Цзэдун фактически ответил на это требование вежливым отказом. Его логика была проста. Вооруженные силы КПК уже находятся в тылу противника в очень трудном положении, уровень их технического оснащения и огневая мощь крайне невысоки. Если они потерпят поражение, то не только не смогут оказать помощь Советскому Союзу, но и само их существование в тылу противника окажется под угрозой.

На протяжении всего периода антияпонской войны трудным для понимания Москвой было не только это. Вооруженным силам КПК не хватало источников снабжения оружием, вооружение их было отсталым, не удавалось даже наладить производство пороха, вести боевые действия с превосходящими силами японской армии было очень трудно, Сталин на самом деле все это прекрасно понимал. Однако он не мог понять другого: раз КПК не способна вести достаточно крупномасштабные боевые действия против японской армии, почему она в вопросе трений и конфликтов с Гоминьданом никогда не уступает? С точки зрения Сталина, в Китае силой, которая действительно была способна в определенной степени сковать Японию, был только Гоминьдан. Однако Мао Цзэдун всеми помыслами стремился путем этой войны достичь политической цели, заключавшейся в свержении Гоминьдана и вытеснении. Для этого он не жалел усилий, развертывая повсеместную борьбу с Гоминьданом за территорию и ресурсы и делая все возможное для укрепления опорных районов и вооруженных сил КПК. Ясно, что Сталин не только не верил в то, что КПК имеет необходимые для этого силы, но и опасался, что подобное поведение КПК может вынудить Гоминьдан капитулировать перед Японией. В этом случае не только КПК не сможет более существовать, но и Сибирь и Дальний Восток, которые Советский Союз считал своим обширным тылом, неизбежно окажутся перед лицом большой угрозы.

Существование подобных проблем в отношениях между Мао Цзэдуном и Москвой с неизбежностью вело к постепенному возникновению взаимного отчуждения. Московские руководители неоднократно дискутировали вопрос о характере КПК, подчеркивали, что КПК — это не более чем “маргариновые коммунисты”, и это определение постоянно можно было услышать от московских руководителей до окончания Второй мировой войны. За этими словами стояла их убежденность в том, что источником проблем КПК является существование партии в течение длительного времени в сельской местности, ее оторванность от пролетарской базы, различные политические уклоны, проявлявшиеся в деятельности Мао Цзэдуна и отражавшие чрезмерный удельный вес крестьянства и мелкой буржуазии в социальном составе партии. В Москве, по всей видимости упускали из виду, что именно благодаря этой тактике Мао Цзэдуна численность регулярных формирований вооруженных сил КПК с 30-40 тысяч человек перед войной возросла к моменту завершения антияпонской войны в 1945 году до примерно миллиона. Если до начала войны КПК контро-

лировала только пограничный район в Северной Шэньси, то теперь ее контроль распространился на значительную часть районов в тылу противника на территории более десяти провинций: Шаньси, Чахар, Хэбэй, Шэньси, Нинся, Шаньдун, Цзянси, Аньхой, Цзянсу. К моменту завершения антияпонской войны в 1945 году население этих находившихся под контролем КПК районов приближалось к ста миллионам человек, что составляло более 22% всего населения Китая того времени.

Из-за явной недооценки сил КПК первое, что сделал Сталин после объявления о капитуляции Японии, — это направил Мао Цзэдуну телеграмму с указанием ехать в Чунцин на переговоры о мире с Чан Кайши, вновь признать статус Чан Кайши как верховного руководителя страны и руководящую роль гоминьдановского правительства в масштабах всего Китая. Этот инцидент глубоко запал в душу Мао Цзэдуна, и он помнил о нем до конца жизни. Накануне окончания антияпонской войны Гоминьдан находился в состоянии серьезного военного, политического и экономического кризиса, его силы контролировали лишь на периферийные районы Юго-Запада Китая. Помимо использования марионеточных войск и инструкций японской армии временно поддерживать общественный порядок, у него не было сил и возможностей для быстрого восстановления контроля над другими частями страны. А у КПК опорные базы и вооруженные формирования были разбросаны почти по всем важным провинциям, она могла с легкостью установить контроль над весьма значительной частью крупных и средних городов и важнейших транспортных артерий страны, захватить инициативу в борьбе с Гоминьданом. К этому следует добавить, что после того, как в Северо-Восточный Китай были направлены советские войска, это не только позволило КПК не опасаться за свой тыл, но и предоставило ей в высшей степени благоприятную возможность для продвижения вперед и занятия этой важной промышленной базы. Однако не только командующий союзными войсками Д.Макартур отдал приказ о том, чтобы находившиеся в Китае японские войска капитулировали только перед Чан Кайши и находившимися под его руководством вооруженными силами гоминьдановского правительства, но и Сталин тоже побуждал Мао Цзэдуна к компромиссу с Гоминьданом, чего Мао Цзэдун совершенно не мог понять. В дальнейшем он постоянно придерживался той точки зрения, что подобное поведение Сталина фактически означало, что он заодно с американцами не позволяет КПК совершить революцию.

Конечно, Сталин не имел никакой возможности действительно связать Мао Цзэдуна по рукам и ногам. Всеми помыслами стремившийся восстановить свое единоличное господство в Поднебесной Чан Кайши не принял требование КПК о ее участии в управлении государством. На самом деле на переговорах в Чунцине было невозможно достичь каких-либо реальных результатов. С другой стороны, медовый месяц в отношениях между СССР и США с окончанием войны также закончился. Конфликты интересов между ними, один за другим возникавшие в Европе и на Ближнем Востоке, привели к тому, что по проблемам Дальнего Востока, в том числе, Китая они тоже не могли не оказаться в состоянии холодной войны. Чтобы не допустить проникновения США в Северо-Восточный Китай, имевший исключительно важное значение для безопасности советского Дальнего Востока. Москва в итоге не могла не изыскать способа ввести в оккупированные Советской Армией районы вооруженные силы КПК с тем, чтобы не дать проамериканскому Гоминьдану добиться успеха в установлении своего контроля над всем регионом. Именно из-за активных действий Советского Союза КПК получила в борьбе с Гоминьданом за Северо-Восточный Китай огромные преимущества. Предоставленные Советской Армией оружие и боеприпасы японской Квантунской армии тоже в огромной степени повысили боевую мощь вооруженных сил коммунистов. Даже если бы аме-

риканцы перебросили в Северо-Восточный Китай всю оснащенную американским вооружением гоминьдановскую армию, то и тогда они не смогли бы добиться установления своего контроля над этим регионом. Начиная с 1946 года вооруженные силы КПК под командованием Линь Бяо успешно закрепились в районах северной, восточной и южной Маньчжурии, граничивших с Советским Союзом, Внешней Монголией и Северной Кореей, где находилась Советская Армия. При поддержке и различного рода помощи советской стороны они стали быстро расти и укрепляться, а затем, еще через два года, начали очищать от противника весь Северо-Восточный Китай, одним ударом уничтожили отборные войска Чан Кайши, оснащенные американским вооружением, численностью в несколько сот тысяч человек, а затем, развивая успех, двинулись на юг, вошли во внутренний Китай, захватили Тяньцзинь и побудили войска, оборонявшие Бэйпин, к восстанию. Вслед за этим войска Народно-освободительной армии, сосредоточенные в Шаньдуне, а также в освобожденных районах Шаньси, Хэбэй и Хэнань, успешно провели хуайхайскую операцию, в ходе которой был уничтожен ряд отборных дивизий Чан Кайши численностью еще в несколько сот тысяч человек. В этих трех операциях была полностью ликвидирована военная мощь, на которую опирался Чан Кайши в установлении контроля над континентальным Китаем.

Только к началу 1948 года Сталин понял, что совершил в оценке сил КПК серьезную ошибку. В феврале того года он открыто признал это в беседе с руководителем Союза коммунистов Югославии. После этого в отношении Сталина к КПК начался важный поворот. Он не только командировал к Мао Цзэдуну в целях установления тесных отношений своего постоянного личного представителя, но и направил с личным визитом в штаб-квартиру КПК члена Политбюро ЦК КПСС А.И.Микояна для откровенного обмена мнениями с Мао Цзэдунем и другими руководителями партии. Это привело к значительному улучшению отношений между двумя партиями. Естественно, Мао Цзэдун, как и раньше, ставил во главу угла интересы китайской партии, однако это вовсе не мешало ему продолжать "идти по пути русских". Члены Коммунистической партии Китая, уже привыкшие анализировать и решать проблемы на основе марксизма русского типа, на самом деле имели весьма немного возможностей сделать иной выбор. Поэтому сказать, что рождение в 1949 году нового Китая было началом еще одной попытки учебы КПК у Советского Союза и всесторонней опоры на Советский Союз, вовсе не будет преувеличением.

Перевод с китайского Е. Румянцева

К вопросу о численности жителей зазейских деревень и их этнический состав во второй половине XIX века

© 2004

А. Усова

Зазейский край вошел в состав России после заключения Айгуньского договора в 1858 году, по которому к Российской империи было присоединено Северное Приамурье. Тогда китайское население на левом берегу Амура, начиная от устья р. Зеи на юг до маньчжурской деревни Хормолдзинь, было оставлено "вечно на прежних местах их жительства, под ведением маньчжурского правительства".¹ Территория проживания зазейских жителей тянулась вдоль амурского берега примерно на 70,4 км, а в глубину — на 21,3 км. В общей сложности занимаемое ими пространство составляло 1 484 кв. км.

Таким образом, с 1858 и до 1900 года на территории России существовало несколько десятков поселений зазейских жителей — маньчжуров, китайцев и дауров. Жители деревень юридически подчинялись Цинскому правительству, но проживали на территории Российского государства. В связи с тем, что многие представители российских властей видели в зазейских жителях "весьма не приятную в военном отношении группу населения"², а также из-за возникновения постоянных конфликтов и споров между ними и соседним российским населением, регулярно вставал вопрос о росте их численности в пределах Зазейского края.

При наличии довольно большого количества материала, собранного русскими путешественниками и чиновниками в 50-е и 60-е гг. XIX века, было все же трудно определить точное количество поселений на левом берегу Амура, так как не многие из них обращали внимание на то, сколько же китайских деревень расположилось в местах, мимо которых они проплывали. Кроме того, некоторые из путешественников ограничивались лишь описанием внешности и обычаев местных жителей или вовсе не замечали ни селений, ни людей, которые их населяли.

Демографические процессы на этой территории специально не изучались. И только с конца 60-х гг. XIX века русская администрация Амурского края начинает собирать сведения о соседях, живущих за Зеей. Впервые количество жителей этого региона было определено в 10640 человек обоего пола только в 1867 году.³ Позднее в 1899 году военный губернатор Амурской области, генерал-майор К.Н. Грибский в своем рапорте Приамурскому генерал-губернатору указывал, однако, что неизвестно, каким образом была определена эта цифра. Первые точные данные были собраны топографом Нерехшинским, который в 1869 году производил инструментальную съемку этой территории, и касались они лишь количества расположенных там населенных пунктов. По его оценке, в Зазейском крае в то время насчитывалось 57 таких поселений.⁴

Второе определение численности местных жителей относится к 1881 году, когда генерал-губернатор Восточной Сибири командировал горного исправника Павлищева с переводчиком Миротворцевым и пятью казаками для производства переписи населения. В результате их работы общая численность китайских подданных была определена в 12 204 человека. В упоминавшемся рапорте Грибского говорится, что в Зазейском крае в то время существовало 54 селения.⁵

В следующем 1882 году на рассматриваемую территорию был отправлен для производства топографических работ и подсчета населения подполковник А.Ю. Назаров. Согласно его данным, там насчитывалось 63 селения.⁶ Он определил, что в переписи Павлищева не были учтены несколько населенных пунктов и численность жителей Зазейского края составила 14 000 человек. Однако следует отметить, что оценка самого Назарова носит приблизительный характер, так как он располагал данными лишь о количестве дворов в этих местах, а численность населения рассчитал исходя из предположения, что в среднем на один двор приходится по 11 человек.

Несмотря на приблизительность данных Назарова, они приводились затем в официальных материалах⁷ на протяжении 10 лет, так и повторяясь из документа в документ до 1894 г., когда член Приамурского отделения Русского Географического общества, чиновник по особым поручениям Шимкевич провел свои подсчеты и определил, что, хотя количество селений Зазейского края за это время не изменилось, но численность населения возросла там до 16102 человек. Эти данные были приведены в газетах "Русские ведомости", "Сибирский вестник" и в "Амурской газете".

В 1895 году по распоряжению военного губернатора Амурской области окружной пристав Вереткович с переводчиками Бадмажаповым и Воробьевым совместно с семью китайскими чиновниками, которые были посланы в помощь айгуньским амбанем, зафиксировали 65 деревень, население которых насчитывало всего лишь 7 513 человек.⁸ По данным официальной всероссийской переписи, проходившей в конце октября 1896 года, было определено, что на российской территории располагалось 76 деревень китайских подданных, численность населения которых составляла 7 601 чел.⁹ В статье С. Патканова "Опыт географии и статистики тунгусских племен Сибири на основании данных переписи населения 1897 г. и др. источников" приводится подробный обзор поселений цинских подданных, основанный на данных переписи 1897 г., в котором указано 73 деревни с населением в 7 608 человек.¹⁰

В рапорте 1899 года Грибского Приамурскому генерал-губернатору, где сведена вся известная на тот момент информация, была приведена следующая таблица:¹¹

Таблица 1

Год	Кем собраны сведения	Число населенных пунктов	Число дворов	Численность населения
1867	?	?	?	10641
1869	Топограф Нерехшинский	57	?	?
1881	Гор. исправник Павлищев	54	1237	12204
1882	Подполковник Назаров	63	?	14000
1894	Чин. по особ. поручениям Шимкевич	63	1363	16102
1895	Пристав Вереткович, переводчики Бадмажапов, Воробьев и 7 китайских чиновников	65	1199	7513
1896	Казачьи офицеры	76	1263	7601

В китайских источниках Зазейский край обычно именуется "64 деревни на восточном берегу Амура", но количество населенных пунктов в них приводятся разные. Многие местные жители вспоминали, что деревень было 44 или 48. В работах многих китайских исследователей также говорится о 28, 30, 43, 44 и 48 населенных пунктах, но чаще всего встречаются упоминания о 64 селениях китайских подданных на левом берегу Амура.¹² На китайской карте описываемой местности, составленной в 1888 году, указаны 57 имевшихся там населенных пунктов, но сама она при этом называется "Карта 48 знаменных деревень на левом берегу Амура".¹³

Такую разницу в оценках количества населенных пунктов, сделанных в разные годы, можно объяснить постепенным заселением зазейской долины и, соответственно, образованием там новых деревень. Это подтверждается и схемой заселения "зазейского района", предложенной Т. Н. Сорокиной: вначале было образовано 18 деревень вдоль берега Амура, затем еще 8 дальше от берега, третья линия состояла из 13 поселений и располагалась на равнине, а последняя четвертая полоса из 7 населенных пунктов образовалась в 70-е гг. XIX века в глубине российской территории.¹⁴

Таким образом, сначала было основано 44 поселения, а за последующие 30 лет их количество увеличилось до 76. Уроженцы этих мест также отмечали, что когда в 1880-е гг. говорилось о 48 селениях, то имелись в виду лишь самые большие, самые известные и старые деревни, так как наряду с большими населенными пунктами существовали небольшие заимки, где могла жить всего одна семья.¹⁵

Количество зазейских деревень постепенно росло. Странными при этом выглядят только данные за 1895 и 1896 гг., когда за год произошел рост населенных пунктов на 11 единиц. Можно предположить, что в перепись 1895 года не были внесены все селения. Переписчики могли пропустить небольшие заимки, объединить их с более крупными или вообще не включить в документы.

Большой интерес вызывают колебания численности населения по переписи Зазейского края: значительный прирост в 3 360 чел. за 15 лет (с 1867 до 1882 г.), а также разница в статистических данных на середину девяностых годов, составляющая свыше 8 000 человек.

Логично предположить, что один естественный прирост вряд ли мог повлиять на столь значительное изменение численности населения. Разница в цифрах, по мнению военного губернатора Амурской области Грибского, объяснялась способами производства переписей. Дело в том, что Павлицев и Шимкевич работали без хороших переводчиков и свои подсчеты проводили в очень короткие сроки. Так, например, Шимкевич переписал все население за 19 дней. Таким образом, "подсчеты народонаселения по домам ими не производились, а считались только двory, число которых затем помножалось на известный коэффициент".¹⁶ У Павлицева этот коэффициент равнялся 10. Исключение составляли лишь некоторые даурские селения, где коэффициент был немного ниже. Шимкевич же для прибрежных деревень использовал коэффициент 9, а для населенных пунктов, лежащих на внутреннем плато — 14. Подполковник Назаров, обнаружив большее количество селений, чем Павлицев, увеличил его цифры пропорционально найденным деревням, используя коэффициент 11. Таким образом, все данные, приведенные за 1881, 1882 и 1894 гг. приблизительно и, возможно, завышены.

Ошибочность оценки Шимкевича признал также известный краевед А. Кириллов в своей статье в "Амурской газете" от 19 января 1897 года. По его мнению, Шимкевич "сочинил" эти статистические данные, считая, что население Зазейского края могло возрасти за 10 лет на 2 тысячи человек.

Переписи 1895 и 1896 гг. производились в других условиях. Под руководством одного человека работала группа людей, которая подсчитывала население по домам. Наиболее достоверными, по мнению Грибского, являлись данные за 1895 год, так как в той переписи участвовали китайские чиновники, которые были "хорошими знакомыми наших переводчиков".¹⁷ Однако на заседании переписной комиссии 13 июля 1896 года при обсуждении переписи 1895 года, было высказано предположение, что цифры занижены, так как "по свидетельству очевидцев, китайцы прятались, убегали на правый берег".¹⁸ При этом маньчжурские чиновники, работавшие вместе с российской группой, совсем не помогали, а только "скрыто мешали".¹⁹ Но, несмотря на это, перепись 1895 года дала самые подробные данные, так как все население было подсчитано и по полу, и по национальностям, и по роду занятий, и по возрастам.

Данные за 1896 год тоже заслуживают доверия. Дело в том, что группа, работавшая в Зазейском крае, состояла из восьми офицеров, переводчиком у которых был Бадмажапов, уже знакомый местному населению. Но сведения были не такими полными, как собранные в 1895 году, так как была подсчитана лишь общая численность населения с разделением на коренных и временных жителей.²⁰

При этом численность жителей Зазейского края за один год (с 1895 по 1896 гг.) увеличилась на 88 человек, что вполне могло объясняться естественным приростом.²¹ Таким образом, можно говорить лишь об общем росте населения Зазейского края.

Данные же Павлищева, Назарова и Шимкевича, столь отличные от оценки переписей 1895 и 1896 гг., можно объяснить миграцией с правого берега Амура, что весьма вероятно, если учесть, что маньчжурское население на обоих берегах поддерживало между собой тесные отношения и не имело никаких препятствий к пересечению границы.

В пользу этой версии говорит и тот факт, что во время арестов, которые иногда в силу тех или иных обстоятельств производились в этой местности, выяснялось, что многие из задержанных маньчжуров и китайцев не были коренными жителями рассматриваемых деревень, однако находились там от нескольких месяцев до нескольких лет. В основном это были преступники, скрывавшиеся от наказания на российской территории, так как китайские власти не имели права их там преследовать. Так, по данным, приведенным в "Амурской газете" за 8 июня 1897 года, при аресте четырех маньчжур оказалось, что "один из них находился на русской территории только 2 месяца, другой — 4 месяца, третий — 1 год и четвертый — 6 лет".²²

Помимо преступников на левом берегу Амура также могли находиться: и наемные рабочие, приходившие в зазейские деревни с весны до осени с правого берега на сезонные работы.

Разницу между данными 1894 и 1895 гг. можно, таким образом, объяснить тем, что пришлые люди, узнав об официальной переписи, ушли на правый берег Амура, в Благовещенск или были укрыты коренными жителями, так как проживать в Зазейском крае не имели права. В результате в перепись попало только постоянно живущее население. Чиновников, которые ранее занимались изучением района проживания китайских подданных, пришлые маньчжуры и китайцы, видимо, не боялись, поэтому в подобные переписи попадало как коренное население, так и пришлое. Если такое объяснение является верным, то можно также утверждать, что количество пришлых людей в Зазейском крае на тот момент превышало количество коренных жителей.

В китайских документах статистических данных об этом крайне мало. Показательно, что и китайские исследователи в основном ссылаются на сведения, приведенные в российских источниках. Только в документах "Айхуэй сянь чжи" ("Описание уезда Айгунь") приведены данные на начало 70-х гг. XIX века, по ко-

торым население Зазейского края составляло более 10 тыс. мужчин и женщин, количество дворов составляло примерно одну тысячу.²³ После 1895 года, по оценке, приводимой в работе тайваньского ученого, количество хозяйств возросло более чем в два раза — до 2154, а население превышало 15 тыс. человек.²⁴ Это дает основание считать оценку Шимкевича обоснованной, а также сделать вывод, что в ходе переписей 1895 и 1896 гг. было учтено не все население.

Долю маньчжуров, дауров и китайцев во всем населении Зазейского края определить крайне сложно. Л. Шренк утверждал, что в 50-х годах XIX века она была равной. В 1870 году по данным, приведенным в работе Г.Е. Грум-Гржимайло, численность этих народов была определена следующим образом: китайцы — 5400 чел., маньчжуры — 3286 чел., дауры — 1960 чел.²⁵ По подсчетам А. Ю. Назарова, в 1882 году китайцев насчитывалось 7900 чел., маньчжуров — 4400, а дауров — 1700 чел.²⁶

Изменения численности трех этнических групп Зазейского края отражены в таблице, составленной С. Э. Аниховским.²⁷

Таблица 2

Год	Китайцы	Маньчжуры	Дауры	Всего	В % к общему числу жителей области
1870	5400	3286	1960	10646	30,36
1883	8637	4507	779	13923	24,50
1895	4739	2174	600	7513	13,25
1897	4472	2690	446	7608	6,32

Однако эти данные не всегда соответствовали реальному положению дел, так как порой они, как и оценки общей численности населения, основывались на приблизительных подсчетах, когда, например, все деревни считались населенными лишь каким-нибудь одним народом, что в действительности не всегда было верно. Это видно по итогам учета населения в конце 1896 года. В исследовании С. Патканова, который использовал разные статистические данные, отмечено, что в деревнях Зазейского края одна этническая группа могла по численности быть больше другой.

Но нельзя полностью доверять и данным, приведенным в работе С. Патканова, так как принадлежность к той или иной этнической группе определялась зачастую знанием опрошенных того или иного языка, а не их происхождением или самосознанием. В связи же с процессом ассимиляции у маньчжуров и дауров шла постепенная утрата знаний родного языка. Этими причинами можно объяснить и то, что в своих исследованиях российские чиновники отмечали уменьшение доли маньчжуров и дауров и увеличение численности китайского населения.

Для сравнения разницы в оценке национального состава за 80-90-е гг. XIX века следует привести таблицу, содержащую данные по численности населения нескольких крупных населенных пунктов:²⁸

Таблица 3

Селения	Наличное население в 1884 г. (данные Назарова)	Наличное население в 1897 г. (данные по переписи 1897 г.)			
		всего	маньч.	даур.	кит.
Будинда	677 маньчжур	502	224	—	278 (229*)
М. Алин	533 китайца	393	159	—	234 (144)
Б. Алин	1677 китайцев	1290	334	—	956 (589)

* В скобках указана численность мужского населения.

Селения	Наличное население в 1884 г. (данные Назарова)	Наличное население в 1897 г. (данные по переписи 1897 г.)			
		всего	маньч.	даур.	кит.
Тукдун-Алин	380 маньчжур	174	94	—	80 (48)
Туш-ху-лу	257 маньчжур	200	114	—	86 (61)
Хоу-дун-шан	429 китайцев	304	17	—	287 (167)
Хэди-шан	481 китаец	253	28	—	225 (121)
Чэн-дун-шан	702 китайца	330	124	—	206 (127)
Була-Манга	593 маньчжура	233	206	—	27 (12)
Тулхада	530 дауров	207	15	4	188 (92)
Алин-Токсо	350 китайцев	105	41	51	13 (5)
Б. Гильчин	2 490 китайцев	735	170	1	564 (297)
М. Гильчин	650 китайцев	332	—	—	332 (187)

Как видно из таблицы, данные Назарова оказываются не всегда точными. При преобладании в каком-либо населенном пункте той или иной этнической группы, там часто оставалась небольшая, а в некоторых случаях и довольно значительная часть "не доминирующего" этноса.

Наряду с процессом ассимиляции и потерей родного языка (именно язык, как говорилось выше, являлся для многих русских переписчиков критерием при определении того, к какой национальности относится тот или иной человек) причиной роста численности китайского населения была миграция, особенно усилившаяся, вероятно, после того, как в 1878 году цинское правительство отменило постановления, запрещавшие и ограничивавшие переселение китайцев в Маньчжурию.

По китайским материалам определить точное количество представителей той или иной этнической группы также довольно сложно. В статье Линь Миндэ говорится лишь, что в Зазейском крае преобладали китайцы, которые составляли 60-70% всего населения "знаменных деревень", на втором месте по численности были маньчжуры, а затем уже шли дауры, солоны и орочны.³⁹ В основном же, говоря об этническом составе населения этих мест, китайские исследователи ссылаются на данные российских источников.

Можно предположить, что изначально каждое из поселений было образовано какой-то одной этнической группой, а затем в ходе внутренней миграции произошло смешение нескольких народов. Так, по данным о заселении Зазейского края, приведенным в книге Т.Н. Сорокиной, вдоль берега Амура располагалось 9 маньчжурских деревень, 5 даурских и 2 китайских; во второй линии селений было 3 китайские деревни и 5 маньчжурских; на краю высокой равнины, на увале, где находились очень хорошие земли, было образовано 8 китайских поселений, 4 маньчжурских и 1 даурское; во время последнего притока населения в Зазейский край появилось 3 китайских, 3 маньчжурских и 1 даурская деревня. Видимо, в процессе переселения и миграции население всех деревень смешалось, и к 1897 году можно было выделить уже не моноэтнические деревни, а лишь селения с одним преобладающим этносом. По сведениям С. Патканова, среди поселений с многочисленным маньчжурским населением были следующие деревни: Будинда, Большой и Малый Алин, Тугдун-Алин, Тугдун, Голинфа, Лахири, Тушхулу, Бордо (№ 2)⁴⁰, Малоз, Бира-(Токсо), Була-Манга, Фе-токсо, Тай-Пингу, Шито-пауза и т. д. По словам Линь Миндэ, маньчжурскими селениями были заимки семей Суй, Хэ, Яо, Ван и Се.

Деревень с даурским населением, по воспоминаниям 80-летнего даура У Лая, которые были опубликованы в конце 50-х гг. XX века, было семь: Бордо (№ 1), Манга, Сепча, Нор-Токсо, Большая Эльгуза, Дон-чифа и Алин-Токсо.

Также он указал три населенных пункта, в которых имелось значительное количество даурского населения: Дайре³¹, а также Доцзинь и Даолема (китайские названия двух последних деревень пока не определены).³² По данным С. Патканова, дауры также населяли деревню Хоу-вопынь, которая находилась недалеко от деревень Бордо, и преобладали в двух селениях со смешанным населением (Лан-ту-вопынь недалеко от Сепчи и Нижний Хони-хорха).

В отличие от Уссурийского края, где китайское мужское население преобладало над женским, в зазейских деревнях соотношение полов было достаточно сбалансированным, хотя большинство и там составляли мужчины. Очевидно, это происходило из-за того, что часть населения составляли мигранты и из-за обычной для Китая более высокой смертности девочек. На 1895 год в Зазейском крае насчитывалось 4 243 (56,5%) мужчин и 3 270 (43,5%) женщин. При этом больший процент женского населения наблюдался у даурского населения (45,2%), меньший — у китайского (42,7%).³³

Что касается возрастного состава, то среди населения Зазейского края преобладали люди работоспособного возраста (от 20 до 50 лет — 48,1%). Лица до 60 лет составляли 8,5%, старше 60 — 4%, подростки до 20 лет — 20,4%, дети до 9 лет — 19%.³⁴

Итак, можно сделать вывод, что до 1895 года все оценки численности населения Зазейского края носили приблизительный характер, так как в перепись попадали как коренные жители, так и пришлый элемент, а подсчет народонаселения происходил по дворам, число которых умножалось на определенный коэффициент. При этом отмеченный рост жителей происходил в связи с миграцией на данную территорию правобережного населения, среди которых зачастую оказывались преступники, преследуемые китайскими властями, и наемные рабочие, приходившие на сезонные работы. Еще одной характерной чертой описываемого района является рост доли китайского населения по сравнению с маньчжурским и даурским, что можно объяснить процессами ассимиляции, проходившими в Зазейском крае.

1. Русско-китайские отношения. 1689-1916 гг. М., 1958. С. 29.
2. Архив Внешней политики Российской империи Министерства иностранных дел Российской Федерации (далее АВПРИ), ф. 327 (Чиновник по дипломатической части при Приамурском генерал-губернаторе), оп. 579, д. 269, л. 5.
3. АВПРИ, ф. 327, оп. 579, д. 269, л. 6.
4. АВПРИ, ф. 327, оп. 579, д. 269, л. 6.
5. В монографии Т. Н. Сорокиной "Хозяйственная деятельность китайских подданных на Дальнем Востоке России и политика администрации Приамурского края (конец XIX — начало XX вв.)" приводятся документы РГИАДВ, в которых говорится о 44 деревнях зазейских жителей, описанных горным исправником Павлищевым (см.: Сорокина Т.Н. Хозяйственная деятельность китайских подданных на Дальнем Востоке России и политика администрации Приамурского края (конец XIX — начало XX вв.). Омск, 1999. С. 49).
6. АВПРИ, ф. 327, оп. 579, л. 6 — 6 (об.); Назаров А. Ю. Записка о китайских подданных Амурской области // Сборник главнейших официальных документов по управлению Восточной Сибирью. Иркутск, 1883. Т. 4. Вып. 1. С. 40; Назаров А.Ю. Маньчжуры, дауры и китайцы Амурской области // Известия Восточно-Сибирского отдела русского географического общества. 1883. Т. 14. С. 10.
7. При этом отмечалось, что китайское население составляло $\frac{1}{4}$ (25,20%) всего населения Амурской области, которое на 1 января 1883 года оценивалось в 42 816 чел. (Краткая записка о поездке генерального штаба штабс-капитана Евтюгина из г. Благовещенск в Цицикар летом 1884 года (с примеч. г.-ш. полковника Назарова) // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. Спб., 1885. Вып. XIV. С. 213.).

8. Амурская газета. Благовещенск. 1897. 19 января; АВПРИ, ф. 327, оп. 579, д. 269, л. 6(об.).
9. АВПРИ, ф. 327, оп. 579, д. 269, л. 6(об.).
10. Патканов С. Опыт географии и статистики тунгусских племен Сибири на основании данных переписи населения 1897 г. и др. источников // Записки Императорского Русского географического общества по отд. этнографии. 1906. Т. XXXI. Ч. II. С. 8.
11. АВПРИ, ф. 327, оп. 579, д. 269, л. 6(об.).
12. Чжао Ляньтай, Лю Банхоу. Цзяндун люшисы тунь каолюе [Краткий очерк о 64 деревнях на левом берегу Амура] // Айхуэй лиши луньвэньцзи [Сборник статей по истории Айгуня]. Хэйхэ, 1984. С. 196 — 198; Ша Э бачжань цзяндун 64 тунь-дэ цянь-цянь-хоухоу — 73 вэй лаожэнь фанвэньцзи [64 деревни на левом берегу Амура до и после захвата царской Россией. Опрос 73 старожилов] // Гуаньюй цзяндун 64 тунь вэньти [К вопросу о 64 деревнях на левом берегу Амура]. Харбин, 1981. С. 85-86; Сюань Сяньтянь. Гуаньюй цзяндун 64 туньдэ туньшу, туньмин хэ цзюйминжэньшу вэньтидэ цзидянь цзыляо [Некоторые документы, касающиеся вопросов численности населения, названий и численности 64 деревень на восточном берегу Амура] // Айхуэй лиши луньвэньцзи [Сборник статей по истории Айгуня]. Хэйхэ, 1984. С. 215-216; Го Яньшунь. Циндай цзяндун цитунь соцзай дицю цзюймин хэ цуньтуньдэ бяньхуа [Изменение в численности деревень и жителей знаменных поселений на левом берегу Амура в период династии Цин] // Айхуэй лиши луньвэньцзи [Сборник статей по истории Айгуня]. Хэйхэ, 1984. С. 231-232.
13. Данная карта хранится в АВПРИ, ф. 188 (Миссия в Пекине), оп. 761, д. 85, л. 253.
14. Сорокина Т. Н. Указ. соч. С. 50-51.
15. Ша Э бачжань цзяндун 64 тунь-дэ цянь-цянь-хоухоу — 73 вэй лаожэнь фанвэньцзи [64 деревни на левом берегу Амура до и после захвата царской Россией. Опрос 73 старожилов] // Гуаньюй цзяндун 64 тунь вэньти [К вопросу о 64 деревнях на левом берегу Амура]. Харбин, 1981. С. 85.
16. АВПРИ, ф. 327, оп. 579, д. 269, л. 7.
17. АВПРИ, ф. 327, оп. 579, д. 269, л. 7 — 7 (об.).
18. РГИАДВ, ф. 702, оп. 1, д. 208, л. 153 (об.).
19. РГИАДВ, ф. 702, оп. 1, д. 208, л. 153 (об.).
20. АВПРИ, ф. 327, оп. 579, д. 269, л. 7(об.).
21. АВПРИ, ф. 327, оп. 579, д. 269, л. 7(об.).
22. Амурская газета. Благовещенск, 1897. 8 июня.
23. Айхуэй сянь чжи [Описание уезда Айгунь]. Б. м. 1920. Цз. 8, л. 11. С. 287.
24. Линь Миндэ. Цзяндун люшисы тунь вэньти чжи яньцзю [Исследование 64 деревень на восточном берегу Амура] // Юши сюэчжи [Журнал молодых ученых]. Т. 3. № 1. Тайбэй, 1964. С. 5.
25. Грум-Гржимайло Г.Е. Описание Амурской области. Спб., 1894. С. 407.
26. Патканов С. Указ. соч. С. 11.
27. Аниховский С. Э. Этносоциологический портрет и религиозные верования: "ззейских маньчжуров" Амурской области // Россия и Китай: на дальневосточных рубежах. Благовещенск, 2003. № 5. С. 385.
28. Таблица приведена по материалам статьи: Патканов С. Указ. соч. С. 12.
29. Линь Миндэ. Указ. соч. С. 5.
30. В Зазейском крае существовало две деревни с названием Бордо. Русские называли их Бордо № 1 и Бордо № 2, а в китайских источниках приводятся следующие названия: Бордо № 1 — Буэрдо, Бордо № 2 — Вайбуэрдо.
31. По данным переписи 1897 года, приведенным в статье С. Патканова, даурского населения там не было.
32. Айхуэй сянь сиганцзы сян юи шэ дахуэр цзу цинкуан [Дауры коммуны "Дружба" волости Сиганцзы уезда Айхуэй]. Б. м.: Издательство Группы изучения социальной истории национальных меньшинств Внутренней Монголии, 1959. С. 9.
33. Аниховский С. Э. Указ. соч. С. 386.
34. Подробн. см.: Аниховский С. Э. Указ. соч. С. 386-387.

“Утерянная земля”: китайско-корейские разногласия в трактовке истории Когурё

© 2004

О. Пироженко

За 11 лет, прошедшие с момента установления 24 августа 1992 г. дипломатических отношений между Республикой Корея и КНР, контакты между этими государствами развивались необычайно динамично. В то же время рост экономического и политического влияния КНР вызвал в РК серьезные опасения, и с середины 1990-х гг. здесь обсуждается т.н. “теория китайской угрозы”, суть которой сводится к тезису о том, что Китай, укрепив свой экономический и военный потенциал, неминуемо начнет борьбу за восстановление статуса гегемона в регионе. Осложняют отношения двух стран и частые случаи бегства граждан КНДР через Китай, а также проблема роста национального самосознания корейцев, проживающих в автономном округе Яньбянь (кор. Ёнбён).¹

В 2003 г. возникла новая проблема, которая, несмотря на кажущийся чисто научным характер, в будущем может привести не только к серьезным осложнениям в контактах между интеллектуальными элитами двух стран, но и к политическим последствиям. Речь идет о вопросе включения истории государства Когурё (37 г. до н.э. — 668 г.) в национальную историю КНР, который был поднят в китайских научных кругах на рубеже третьего тысячелетия и вызвал волну возмущения в РК. Эмоциональность, с которой научные круги и общественность двух стран обсуждают этот вопрос, показывает, что проблема давно вышла за рамки рядовой научной дискуссии.

На первый взгляд, сама постановка вопроса может показаться странной. Очевидно, что, с одной стороны, историки КНР имеют полное право и даже обязаны изучать историю государства, значительная часть которого находилась в пределах современного Китая, как свою собственную. С другой — не вызывает никаких сомнений, что государство Когурё, сыгравшее, как известно, важную роль в формировании корейского этноса, является неотъемлемой частью корейской исторической традиции. При изучении одних и тех же событий историками разных стран неизбежно возникают разногласия в трактовках, которые обсуждаются в рамках научных дискуссий. Однако историческое наследие Когурё стало яблоком раздора не только для ученых: этот вопрос уже привел к возникновению негативных тенденций в восприятии КНР общественным мнением Южной Кореи, а в будущем вполне может стать причиной разногласий на уровне официальной дипломатии, как это случилось с проблемой японских учебников истории.

Начало такому развитию событий уже положено: после того, как 1 июля 2004 г. ЮНЕСКО были зарегистрированы дворцовые комплексы и гробницы Когурё в качестве совместного культурного наследия КНР и КНДР и в Китае в связи с этим развернулась пропагандистская кампания, направленная на формирование восприятия этих памятников как части исключительно китайской культуры, глава управления по культуре и внешним связям МИД Пак Хон Син заявил, что РК потребует от КНР официальных разъяснений на этот счет.²

Прежде чем приступить к рассмотрению позиций обеих сторон по вопросу истории Когурё, следует вспомнить об особом отношении к истории в странах конфуцианской политической культуры. В отличие от западной научной традиции, где история воспринимается практически так же, как и другие разделы науки, в дальневосточных странах ей всегда отводилось особое место и придавалось практически сакральное значение. Как источник сведений о поступках государей, соответствующих или не соответствующих нормам добродетели, история становилась связующим звеном между реальной политикой с одной стороны и этикой с другой, воспринималась как основание для поступков государя и как источник легитимности любых политических шагов. Учреждения по составлению государственной истории пользовались вполне ощутимым политическим влиянием, поскольку ни одно важное государственное решение не принималось без опоры на соответствующий прецедент, а апелляция к историческому прошлому становилась основным аргументом в политической дискуссии.

Тесная связь истории, морали и реальной политики вела к необходимости однозначных, непарадоксальных трактовок исторических событий и классификации их по шкале негатив-позитив. Кроме того, совершенно естественным считается стремление сформировать единую и общую для всех специалистов концепцию истории страны или региона, которую последующие ученые могут либо дополнять, либо пытаться опровергнуть с неизбежным требованием ко всем остальным (как отечественным, так и зарубежным) специалистам изменить свое видение соответствующей проблемы, а это значительно сужает поле для дискуссии, так как возможность признания права на существование другой точки зрения часто исключается.

Безусловно, перемены, произошедшие на Дальнем Востоке в XX в., коснулись не только социально-экономической системы, но и сознания китайцев и корейцев, однако трактовка исторических фактов все еще имеет здесь огромное значение. Осознание тесной связи между историей и реальной политикой отражается и на деятельности ученых. В особенности это касается любых территориальных вопросов: упоминание в источниках о том, что какой-либо остров, гора и т.п. когда-либо принадлежали тому или иному государству, приводит к неразрешимым дипломатическим спорам.³

Кроме того, если в западной науке существует достаточно четко осознаваемая граница между научно-популярными и академическими работами, то на Востоке труды историков в основном рассчитаны на массового читателя, и часто заканчиваются обращением к обществу с призывом принять или изменить ту или иную точку зрения на рассмотренный вопрос. Понятно, что взаимозависимость между историей, политикой и общественным мнением делает вопрос о национальной принадлежности раннефеодального государства значительно более важным, чем это могло бы показаться европейскому наблюдателю.⁴

Необходимо также отметить, что существуют определенные различия в европейском и дальневосточном понимании терминов “нация”, “национальный”. В соответствии с общепринятой трактовкой возникновение наций и национальных государств, как известно, тесно связано с развитием капитализма. Такая постановка вопроса заставляет в конечном счете признать, что формирование корейской и китайской “наций” началось только с момента “открытия” этих стран западными державами.⁵ В Корею и Китае термин “нация” (кор. *минджок*, кит. *миньцзу*) означает скорее этническую единицу, этнос с его культурной и духовной традицией, связанный не только с государством в его современном виде, но также со всеми политическими образованиями, возникшими за многотысячелетнюю историю развития “нации”.⁶ Таким образом, спор о “национальном” характере государств Когурё или Бохай (кор. *Пархэ*, 698–926 гг.) и их отношениях с китайскими династиями Суй или Тан также воспринимается как непосредственно связанный с современными китайско-корейскими отношениями.

Эти особенности необходимо учитывать, обращаясь к любому вопросу историографии Кореи или Китая, однако объяснить нынешние разногласия только ими невозможно. Существуют также важные причины политико-идеологического характера, которые способствуют обострению этой проблемы. Целью данной статьи является анализ конфликта вокруг истории Когурё с точки зрения места, которое он занимает в политическом сознании народов двух стран, а также роли, которую он играет в их современной внутренней и внешней политике.

Прежде всего мы рассмотрим действия китайской стороны и попытаемся определить причины, толкнувшие историков КНР на изменение status quo. Во второй части статьи речь пойдет о реакции корейского ученого мира, общественного мнения и официальных кругов, и о политических и идеологических предпосылках такого ответа.

* * *

С февраля 2002 г. "Центр исследований истории окраин Китая" (www.chinaborderland.com) осуществляет т.н. "Северо-восточный проект", на который в течение пяти лет, по данным корейских специалистов, планируется потратить до 20 млрд юаней (около 2,4 млрд долл. США). Целью проекта является изучение истории Северо-Востока Китая и Корейского полуострова, а также современного социально-экономического положения в КНДР и РК. Особое внимание предполагается уделять вопросам, которые могут быть связаны с возможностью возникновения территориальных споров между КНР и КНДР, и, в будущем -- между КНР и объединенной Кореей.⁷

Проектом, в частности, предусмотрены гранты на перевод корейских исторических источников и литературы, имеющей отношение к истории региона, причем особое внимание будет уделяться истории территориальных споров, изучению этнической истории и ономастики Когурё, особенностей его материальной и политической культуры. В рамках проекта также будут осуществляться исследования по международному праву, в частности в связи с проблемой территориальной принадлежности горы Пэктусан.⁸

Результаты этой работы появились достаточно быстро, причем стало очевидно, что китайские ученые пытаются заново переписать историю государства Когурё, которое абсолютным большинством специалистов до сих пор рассматривалось как одно из древнекорейских государств, сыгравшее значительную роль в этногенезе современных корейцев. Разногласия между учеными двух стран в трактовках истории Когурё были и раньше. Это неудивительно, ведь большая часть этого государства находилась на территории современной КНР, однако до сих пор попыток отказаться от традиционного взгляда не предпринималось. Но в последние годы в соответствии с официальной точкой зрения китайской историографии проводится четкое разграничение между Когурё с одной стороны, и Пэкче и Силла с другой, причем Когурё принято называть "региональным вассальным режимом", сформировавшимся под влиянием Ханьской империи.

Аргументы в пользу этой точки зрения изложены на сайте газеты "Гуанмин жибао", где в июне 2003 г. появилась статья "О некоторых проблемах изучения истории Когурё".⁹ В статье автор вспоминает, что Китай контролировал этот регион со времен династии Чжоу, когда "Ци-цзы основал государство Чосон и получил инвеституру", позднее Чосоном управлял другой китаец — Вэй Мань,¹⁰ а во времена Хань вместо Древнего Чосона "были основаны 4 административных округа". Признавая, что "способы управления" регионом варьировались со времен династии Хань до династии Тан, автор утверждает, что китайцы всегда сознавали его принадлежность к территории "Срединного государства".

Основываясь на китайских источниках, в частности на “Пэйцзюйчжуань”, автор утверждает, что во времена Суй Когурё “нарушило обязанности окраинного вассала”, из-за чего “Сын Неба” начал “карательный поход”, который стал “войной за национальное объединение”. В этом причина и того, что правители Суй и Тан прилагали такие усилия для покорения Когурё. Китайский специалист подчеркивает, что процедура инвеституры, которую добровольно проходили ваны Когурё, указывает на отсутствие у них национального самосознания и стремления к независимости.¹¹

После падения Когурё его жители, по мнению историка, свободно растворились в ханьском населении: около 300 тыс. когурёсцев перешли в танский Китай (100 тыс. — в Силла, и столько же — в земли племен *мальгаль*, где потом образовалось государство Бохай). И поскольку ассимиляция когурёсцев прошла “быстро и безболезненно”, их следует рассматривать как “национальное меньшинство китайского приграничья”.

О государстве Коре автор статьи пишет как об унаследовавшем историческую традицию племен *хань* (кор. *хан*), проживавших на юге Корейского полуострова и давших самоназвание современной Южной Кореи (кор. *хангук*), в то время как основу населения Когурё якобы составляли племена *мохэ* (кор. *мальгаль*). Таким образом, династия ванов Коре имела право претендовать только на 2/3 Корейского полуострова, а основу населения Коре составляли силласцы и пэкчесцы. При этом основатель Коре Ван Гон “вероятно” (ссылок на какие-либо источники не приводится) был представителем западноханьских племен (в данном случае имеются в виду племена *хань*, составляющие основу китайского этноса). Запись в “Юаньши”, где Коре названо “наследником Когурё”, современные ученые КНР считают допущенной в условиях политического хаоса того времени ошибкой, которая затем из-за недобросовестности переписчиков якобы перешла из одной династийной истории в другую.

Китайские историки практически не упоминают об отношениях Когурё с другими государствами Корейского полуострова, концентрируясь на его контактах с Китаем. Таким образом складывается впечатление, что Когурё не вело самостоятельной внешней политики, а его многочисленные войны с китайскими государствами не выходили за рамки регионального сепаратизма. Кроме того, авторы, очевидно, совсем не использовали корейские источники — ничем иным “догадку” о ханьском происхождении Ван Гона объяснить нельзя.¹²

Тезис о том, что китайские династии с древнейших времен контролировали территорию, на которой располагалось Когурё, вызывает сомнения, поскольку именно Ляодун и Маньчжурия чаще всего становились источником внешней угрозы для “Срединного государства”. Кроме того, вряд ли можно всерьез отнестись к утверждению, что процесс инвеституры может быть подтверждением реального вассалитета.¹³ К тому же правители Когурё не только допускали нарушения ритуала, отказываясь по приказу императора являться ко двору — Когурё было наименее китаизированным государством на полуострове¹⁴ и не вводило у себя китайскую бюрократическую систему. Ожесточенное вооруженное сопротивление Когурё, являвшегося в то время сильной региональной державой,¹⁵ стало одной из причин социально-экономического кризиса и краха династии Суй.

Отрицание связи между Когурё и Коре также не имеет оснований, чему есть достаточно свидетельств в корейских источниках.¹⁶ Кроме того, на стеле Квангэтхо-вана (уст. в 414 г.), которую китайские власти пытались зарегистрировать в ЮНЕСКО как памятник китайской эпиграфики, есть упоминания о родстве между Пуе, Когурё, Пэкче и Силла, чего китайские ученые не могли не знать. В целом доводы китайской стороны выглядят скорее как политический манифест, чем как результат научного анализа, однако подробная критика их позиции не является целью настоящей статьи. Нас больше интересуют политические причины, которые заставили китайских идеологов пойти на такой шаг.

Очевидно, что их целью является пропагандистское воздействие на 2 млн корейцев, живущих в автономном районе Яньбянь. С усилением опасности возникновения центробежных тенденций в КНР одним из основных направлений идеологической политики китайского руководства стало развитие у народов Китая осознания их принадлежности к единой нации. При этом существуют и несколько факторов, способствующих росту национального самосознания китайских корейцев: участившиеся контакты с Южной Кореей, значительное количество перебежчиков с Севера, а также целенаправленная политика РК, к которой мы вернемся в следующей части статьи. Нельзя исключать того, что Сеул и стоящий за ним Вашингтон попытаются использовать ситуацию в Корейском автономном районе, территория которого составляет 1/4 Корейского полуострова (свыше 43500 км²), для дестабилизации режима Ким Чен Ира. Понятно, чем это в конечном счете может грозить Пекину.

Кроме того, руководство КПК обязано думать о маловероятном сейчас, но по заявлениям обеих корейских столиц неизбежном объединении полуострова или просто значительном прогрессе в межкорейском урегулировании. В этом случае (особенно при улучшении экономической ситуации на Севере) вполне может встать вопрос о самоопределении корейского меньшинства. События последних десятилетий не могут не внушать Пекину опасений в отношении возможной роли США в этом вопросе. Учитывая неизбежное обострение конкуренции между этими странами в будущем, вполне вероятно, что Вашингтон попытается оказать давление на Пекин, поддерживая сепаратистское движение на северо-востоке КНР.

По многочисленным свидетельствам южнокорейских туристов, более 400 тыс. которых ежегодно посещают южную Маньчжурию¹⁷ и район горы Пэктусан, местная администрация в последнее время ужесточила правила для корейцев, въезжающих в этот регион. Часто им запрещают видео- и фотосъемку, известны случаи конфискации фотокамер. Также было замечено, что в музеях региона становится все меньше экспонатов, связанных с историей Когурё. Затруднился процесс получения разрешения на самостоятельные поездки корейских граждан по историческим местам Когурё. Был изменен ряд географических названий, имеющих отношение к государствам Когурё или Бохай (напр., Фууй (кор. Пуё), на Сунюань (кор. Сонвон) и т.д.). Китайские власти приняли меры и в связи с традицией корейских туристов петь национальный гимн, поднявшись на гору Пэктусан, — теперь за это введены штрафы. Кроме того, по свидетельствам самих туристов, китайские службы безопасности сквозь пальцы смотрят на преступления, совершаемые в отношении корейцев; известны случаи, когда у них отказывались принимать соответствующие заявления.¹⁸

Таким образом, пересмотр китайскими учеными истории Когурё является одним из элементов общей политики, направленной на ассимиляцию корейского населения провинции Цзилинь, с целью не допустить дестабилизации в этом регионе и лишить Южную Корею и, возможно, США одного из важных козырей в региональной геополитической игре.

* * *

Готовившие «Северо-восточный проект» китайские идеологи вряд ли могли предполагать, что в Южной Корее реакция на их действия будет настолько бурной. Осенью 2003 г. в РК эта тема обсуждалась едва ли не больше, чем война в Ираке, при этом в дискуссии участвовали не только специалисты, имеющие отношение к истории и политике. Вопрос, на первый взгляд интересный только для ученых, оказался для простых корейцев важнее, чем другие шаги китайского руководства в отношении их страны, которые могли показаться гораздо более оскорбительными.¹⁹

Первыми свою обеспокоенность выразили историки, когда северокорейские представители не смогли зарегистрировать стелу Квангэтхо-вана и фре-

ски Когурё на конференции ЮНЕСКО в Париже в июне 2001 г. из-за противодействия китайской стороны.” Когда же “Северо-восточный проект” набрал ход, ученый мир РК забил тревогу.

С целью противодействия планам китайской стороны проводятся многочисленные мероприятия. Так, “Общество древней истории Кореи (*Хангук кодэса хакхве*)”, собравшись 2 ноября 2002 г. на экстренное заседание, приняло решение сконцентрировать свою работу на опровержении китайской версии истории Когурё. Вместе с этим “Академия духовной культуры Кореи (*Хангук чонсин мунхва энгувон*)” организовала конференцию под названием “Тенденции в изучении древней истории СВА” 15 декабря 2002 г., а также рассматривает возможность создания отдельного научного центра, посвященного проблемам Когурё и Бохая. Активную работу в этом направлении ведет “Общество древней истории (*Кодэса хакхве*)” Университета Чуннам (пров. Южная Чхунчхон). В марте 2004 г. в Сеульском историческом музее прошла крупная международная конференция по теме “История и культурное наследие Когурё”. Были сняты несколько научно-популярных документальных фильмов на соответствующую тему; профессора-историки часто выступают в телепрограммах, рассказывая населению о том, как проходит борьба научных кругов двух стран. В большинстве университетов регулярно проводятся специальные лекции и семинары.

Активную позицию занимают южнокорейские СМИ, напряженную работу ведут также разного рода неправительственные гражданские организации. Ранее корейскими студентами была создана общественная организация “кибер-дипломатии” VANK (Voluntary Agency Network of Korea, <http://www.prkorea.com>), которая занимается распространением южнокорейской точки зрения на основные проблемы истории АТР и Корейского полуострова через интернет.²¹ Организация, в которую на добровольной основе входят более 12 тыс. студентов и аспирантов, а также значительное количество обычных граждан, занимается поиском ошибочных, с их точки зрения, материалов на сайтах и в учебниках, посвященных истории АТР, распространением информации по корейской истории и т.д. В данное время VANK активно занимается регулярной рассылкой электронной почты с изложением корейской точки зрения по проблеме Когурё по адресам, находящимся в базах данных университетов и гуманитарных фондов РК.

Подробное перечисление всех мероприятий, которые проводятся в РК в связи с этой проблемой, невозможно в связи с форматом настоящей статьи. Достаточно сказать, что практически все научные или общественные объединения, имеющие хотя бы косвенное отношение к истории Кореи или зарубежной диаспоре, так или иначе прореагировали на “Северо-восточный проект”. Для этого были также созданы несколько отдельных организаций.

Так, экстренно сформированный на конференции “Общества по изучению северных регионов Кореи (*Хангук нукпан хакхве*)” “Всенародный гражданский союз защиты истории Когурё (*Когурё ёкса чикхиги помминджок симин ёндэ*)”, в который вошли более пятидесяти общественных организаций, начал “Движение по сбору 10 млн подписей” против “попыток Китая исказить историю Когурё”. 15 января 2004 г. сбор подписей, одновременно с митингом и пресс-конференцией, был проведен перед зданием посольства КНР в Сеуле. Научными кругами Южной Кореи был организован “Комитет совместных действий против искажения истории Когурё со стороны Китая” (*Чунгуг-ый когурёса вегок конъдонъ тэчхэк вивонхве*), председателем которого является профессор университета Коре Чхве Гванъсик. Комитет организует регулярные пресс-конференции и телепередачи, ведет активный научный обмен с коллегами других стран, сам Чхве Гванъсик в марте 2004 г. посетил КНДР с целью найти взаимопонимание с северокорейскими коллегами хотя бы по этому вопросу.

Многие граждане Южной Кореи, не имеющие никакого отношения к исторической науке или прессе, присоединились к этому движению: принимают

активное участие в сборе подписей, проводят пикеты у посольства КНР, рассылают электронную почту, в которой в меру своих способностей на английском языке представляют корейскую точку зрения на этот вопрос.²²

В чем же особое значение этой проблемы для южнокорейского общества? Дело в том, что действия китайской стороны одновременно затронули вопрос об исторической принадлежности бывшей территории Когурё и проблему связи корейской диаспоры с “малой родиной” — два базовых элемента идеологического фундамента Южной Кореи, основой которого является буржуазный национализм, уходящий корнями в движение против японского колониального господства. Именно эта идеология, модифицированная военными во второй половине XX в. и вобравшая в себя богатое конфуцианское наследие с его культом преданности государству и обществу, стала мощнейшим средством мобилизации населения и одним из рычагов, который позволил в короткое время превратить экономически отсталую, опустошенную гражданской войной страну в одного из “азиатских тигров”.

Одной из центральных тем в официальной пропаганде современной РК является идея единства не только корейцев Севера и Юга полуострова, но и многомиллионной диаспоры. Здесь уместно вспомнить о том специфическом значении, которое на Дальнем Востоке вкладывают в термин “нация”, а также об истории формирования корейского национализма: в условиях отсутствия национального государства как политической единицы единственным фактором субъектности нации могла стать этничность. Не стоит забывать, что и сами деятели движения за независимость создавали идеологию корейского национализма преимущественно в эмиграции. В южнокорейских СМИ постоянно проходят сюжеты о представителях диаспоры за рубежом, корейцы искренне радуются их успехам.²³ Создаются специальные программы по изучению корейского языка для эмигрантов во 2-м и 3-м поколениях, существует “Фонд зарубежных соотечественников (*Чэве тонпхо чэдан*)”, обеспечивающий соответствующие стипендии и гранты. “Соотечественники, проживающие за рубежом” занимают очень важное место в планах южнокорейских стратегов и идеологов, а единство Кореи и диаспоры стало одним из главных стереотипов южнокорейского населения. Понятно, что планы по “укреплению единства” народов КНР здесь вызывают возмущение.

К этому необходимо прибавить опасения, которые в РК испытывают в связи с ростом могущества ближнего соседа. Проблема Когурё дала еще один довод сторонникам “теории китайской угрозы”, которые расценили шаги китайских властей как попытку подготовить почву для территориальных претензий к будущей объединенной Корее.²⁴ Необходимо признать, что в современных условиях выдвижение подобных требований выглядело бы абсурдным (тем более со стороны КНР к предположительно только что объединившейся при лидерстве Сеула Корее, если учитывать влияние США в регионе и во всех международных организациях).

Более вероятным представляется желание Пекина оградить себя от возникновения очередного очага сепаратизма. Именно об этом говорит большинство корейских комментаторов, выражая возмущение в связи с тем, что КНР пытается заранее обеспечить базу для борьбы с претензиями, которые ей могла бы предъявить Корея. Интересно, что возможность такого шага в отношении “Поднебесной” в будущем многими в РК не ставится под сомнение. Наоборот, всячески подчеркивается, что Корея после объединения не только имеет право, но даже обязана поднять этот вопрос. По этому поводу главный редактор еженедельника “*Синдонъа*” пишет: “Когда объединятся Южная и Северная Корея и мы будем граничить с КНР, мы скажем, что земля бывшего Когурё — наша земля, поэтому Китай стремится заранее подготовить ответ на наши требования... В действительности же большая часть территории КНР — наша земля, 90% китайского населения происходят от племен “восточных варваров” (кит. *дун-и*), т.е. корейцев. Скрывается то, что основатель династии

Хань, Лю Бан, по происхождению был одим из “восточных варваров”, так же как и основатель династии Суй — Ян Цзянь, а основатель династии Тан — Ли Юань — происходил из племени сяньби... Государства Ся, Инь, Ляо, Цзинь, Юань — все это наша история, история “восточных варваров”. В целом можно сказать, что сама история Китая является частью нашей истории, истории корейской нации”.²⁵

Телепередачи об этом регионе выходят под названиями “Земля, которую мы потеряли”, “Наша земля Когурё”. Ряд общественных организаций, таких как Национальный исследовательский центр, ставят своей целью добиться того, чтобы “на базе высочайшего уровня развития экономики и технологий за все 4300 лет национальной истории добиться объединения отечества, а затем распространить наше внимание на земли, потерянные, когда мы ослабли, и через десятки веков воссоздать в США сферу нашего экономического и культурного влияния...”²⁶

Разумеется, в современной ситуации никаких официальных заявлений на эту тему со стороны РК быть не может, однако примечательно, что подобные телепрограммы выходят на государственных телеканалах, и если ранее тема наследия Когурё эксплуатировалась главным образом в КНДР, то с недавнего времени она стала одной из центральных во всех областях жизни и на Юге Кореи.²⁷

Чтобы понять, какую роль играет память о Когурё в массовом сознании Южной Кореи, необходимо вернуться ко временам формирования идеологии корейского национализма на рубеже XIX–XX вв. Тогда, в условиях национального унижения, корейская интеллигенция обратилась к истории древнекорейского государства, которое когда-то контролировало значительную часть Маньчжурии и играло важную роль в геополитической системе США. Времена Когурё были объявлены золотым веком, его история была для молодых корейских патриотов свидетельством того, что их народ способен создать мощное государство, что у него достаточно духовных сил для отражения агрессии любого врага. Огромное впечатление на будущую интеллектуальную элиту Кореи произвело опубликование в 1905 г. надписи на стеле Квангэтхо-вана, это событие сделало тему Когурё центральной в формировании идеологии корейского национализма.²⁸

Обращение к некоему “золотому веку”, когда территория государства была значительно шире, влияние в регионе — заметнее, который пришел к концу по вине внешних врагов и к которому необходимо вернуться, отнюдь не является уникальной чертой корейского национализма — это один из наиболее распространенных в современном мире элементов политической мифологии.²⁹

Примечательно, что именно военным победам Когурё над Китаем в то время придавалось особое значение. Становление новой националистической идеологии было тесно связано с пересмотром культурно-цивилизационных установок, что означало переоценку истории отношений с Китаем и отказ от ориентации на бывшего “сюзерена”. “Срединное государство”, которое в течение тысяч лет было источником цивилизации и даже легитимности корейских ванаов, проигрывало “варварам” войну за войной, и к концу XIX в. оказалось едва ли не в более униженном положении, чем сама Корея. Поэтому одной из основных тенденций корейской общественной мысли того времени стала так называемая “децентрализация Китая”, отказ от “китайского пути”: молодые интеллектуалы, некоторые из которых получили образование уже в Японии или в Европе, смотрели на Китай как на варварское, отсталое государство, по вине которого и Корея не смогла развиваться более динамично.³⁰

Таким образом, ностальгия по эпохе Когурё легла в основу формирования современной идеологической системы РК, стала одним из базовых стереотипов национального самосознания. Память о былом величии и надежда на возрождение великого корейского государства (наиболее четко эта теория была изложена Син Чхэхо), которое будет иметь гораздо более значительный,

чем сейчас, политический вес в регионе, передаются в процессе социализации. Неудивительно, что попытки “украсть” историю Когурё, тем более предпринимаемые Китаем, вызывают острейшую реакцию корейского общества.

Следует принять во внимание, что в южнокорейском обществе на настоящем этапе сложился опеределенный консенсус по поводу того, что “утраченные земли” так или иначе должны быть “возвращены”. Проводятся соответствующие выставки и конференции, на большинстве карт Кореи, выпускаемых в РК, как минимум четко очерчена национальная автономия корейцев в приграничной территории КНР. В корейской историографии достаточно прочное место заняла концепция истории корейско-китайских отношений как истории борьбы за Маньчжурию и Ляодун — территории, изначально принадлежавшие “корейской нации”, откуда та была вытеснена Китаем.³¹ Таким образом, расширение влияния РК в этом регионе воспринимается как важная и справедливая задача на долгую историческую перспективу. И хотя в настоящее время на официальном уровне такие требования не выдвигаются, сама идея необходимости и даже неизбежности такого хода событий в будущем при благоприятных изменениях международной обстановки занимает прочное место в массовом сознании РК.³²

* * *

Итак, “Северо-восточный проект” нанес удар по одному из его базовых стереотипов корейского национального самосознания, что и является основной причиной такой массовой, жесткой реакции южнокорейского общества на новые “результаты исследований” китайских ученых. Идея связи современной корейской нации с наследием Когурё стала важнейшим элементом идеологии РК, и в связи с этим любые шаги, угрожающие этой идее, рассматриваются как непосредственная агрессия в отношении исторического и культурного суверенитета Кореи.

В то же время, пересмотр базовых постулатов истории Северо-восточного региона Китая является одним из основных звеньев политической линии, которую Пекин проводит с целью исключить возможность возникновения сепаратистских тенденций в национальных окраинах.

Хотелось бы сказать и об исключительно высоком, поразительном для стороннего наблюдателя уровне национального самосознания граждан Южной Кореи, о чем свидетельствуют активность и единение, с которыми они оказались готовы отстаивать свой взгляд на национальную историю. Интересно, что в этом вопросе РК и КНДР придерживаются единой точки зрения. Если учесть, что националистическая составляющая идеологии “чучхе” имеет единые с южнокорейским национализмом корни, это вполне может стать дополнительным фактором, стимулирующим развитие межкорейского диалога хотя бы на научном уровне.

Но нельзя забывать и о мощнейшем конфликтном потенциале, который несет в себе эта дискуссия, поскольку она затрагивает вопросы, важнейшие для двух стран на данном историческом этапе. И если для КНР “проблема Когурё” связана с вопросом сохранения стабильности национальных окраин, а в будущем и территориальной целостности, то для Южной Кореи — это важнейший идеологический фактор, элемент национальной самоидентификации, который при определенных условиях может иметь и политические последствия.

-
1. В середине 90-х гг. XX в. между КНР и РК возник дипломатический скандал, связанный с кампанией по предоставлению южнокорейского гражданства китайским корейцам.
 2. Об этом со ссылкой на МИД РК сообщила газета *Korea Times*. Коммерсант. № 121. 2004. 7 июля.

3. Характерно, что все четыре государства региона (КНДР, КНР, РК и Япония) до сих пор имеют друг к другу территориальные претензии, и именно в этом ключе следует рассматривать, например, позицию Японии в отношении южных островов Курильской гряды.
4. Достаточно сложно себе представить, чтобы дискуссия подобного рода, например, о характере Галицко-Волынского княжества, привела к такой же реакции общественного мнения в России, Польше и на Украине.
5. На наш взгляд, этот случай демонстрирует неубедительность автоматического распространения на страны Восточной Азии методологии, основанной на европейском историческом опыте. Очевидно, что такие особенности развития этих государств, как рисоводческий ХКТ, сильное бюрократическое государство, особое значение образования и система общегосударственных экзаменов на чин способствовали формированию этнической общности задолго до начала контактов этих стран с Западом. См., напр.: John Duncan. *Proto-nationalism in Premodern Korea* //: Sang-Oak Lee and Doo-Soo Park eds. *Perspectives on Korea.*, Sydney: Wild Peony, 1998.
6. Сам термин был изобретен японскими специалистами в конце XIX в. как эквивалент английского *nation* (яп. *миндзоку*). Начало его использованию в корейской литературе положил в своих работах Син Чхэхо (1880-1936).
7. *Чунгуг-ын хангукса вегог-ыль чунданхара* [Китай должен прекратить искажение корейской истории!] // *Пуксори*. № 190. ноябрь 2003.
8. Священная для корейцев гора, большая часть которой находится на территории современной КНР. По преданию, на вершину горы Пэктусан с неба спустился Хванун, отец прародителя корейцев Тангуна.
9. *Гуанмин жибао*. 2003. 24 июня. [http://www.gmw.com.cn/gmw/gmwhomepage.nsf/documentview/2003-06-24-16-48256A22001B0C1248256D4F00003216?](http://www.gmw.com.cn/gmw/gmwhomepage.nsf/documentview/2003-06-24-16-48256A22001B0C1248256D4F00003216?OpenDocument) Open Document Некоторые корейские специалисты выдвинули версию, в соответствии с которой имя автора работы Бяньчжун — псевдоним, буквально означающий “народы приграничья”. См. Ли Чонхун. *Чунгуг-ын когурёса-рыль вв самкхирёго ханьнга* [Почему Китай хочет поглотить историю Когурё?] // *Синдонга*. Специальный выпуск. 2003. сентябрь.
10. Ци-цзы (кор. Киджа) и Вэй Мань (кор. Виман) — полупоэтические личности, правители Древнего Чосона, первого из протокорейских государственных образований.
11. *Гуанмин жибао*. 2003. 24 июня.
12. В соответствии с корейскими источниками, Ван Гон был выходцем из округа Соан области Ханджу — центральной части Корейского полуострова. // *Корёса Чольи* Кн. 1.
13. Как известно, эта процедура была основой мирового порядка СВА в течение тысячелетий. При этом “варварские” государства де-факто оставались независимыми и даже могли сами угрожать Китаю.
14. Andrew C.Nahm. *Korca. Tradition & Transformation. A History of the Korean People.* Seoul, 1988. P. 48.
15. Упорство, с которым императоры вели войны против Когурё, большие, чем в обычных карательных походах, размеры вторгавшихся армий, частое личное участие императоров в походах дают нам возможность предположить, что уничтожение Когурё было одной из важнейших стратегических задач китайских династий в рассматриваемый период. Специально для переброски войск и снаряжения в Когурё даже был построен канал Юнцзицуй. См.: *Очерки истории Китая. С древности до “опиумных войн”*. (Пер. с кит.). Под ред. Шан Юэ. М., 1959. С. 187.
16. Например, о такой ответственности свидетельствует утверждение посла вана Корё во время переговоров с киданями. См.: *Корёса*. Биографии (ёльчон). Кн. 7. Сохи.
17. Характерно, что в Китае сейчас предпочитают не использовать слово “Маньчжурия”, поскольку это, во-первых, напоминает о позорной странице истории Китая — существовании марионеточного государства Манчжуго (1932-1945), а во-вторых — о долгом периоде истории СВА, когда в этом регионе одно за другим возникали фактически независимые от ханьского Китая, а подчас покорявшие его, государства. Теперь более корректным в научных и публицистических кругах считается термин “Северо-восточный регион”, подчеркивающий принадлежность Маньчжурии к единому Китаю.
18. *Чунгуг-ын хангукса вегог-ыль чунданхара*.

19. Так, например, только долгой традицией “особых” отношений между Китаем и Кореей можно объяснить поведение сотрудников китайских служб безопасности 13 июня 2002 г., когда, преследуя группу северокорейских перебежчиков, они ворвались во двор посольства РК и не остановились даже перед насилием в отношении сотрудников посольства на его территории. В результате один из перебежчиков был силой выведен с территории посольства, а несколько дипломатов, попытавшихся отбить беглеца, получили легкие травмы. В этом случае ответ Южной Корее ограничился дежурными требованиями извинений, а сам инцидент очень слабо освещался на фоне побед сборной в ЧМ по футболу 2002.
20. Чосон шльбо. 2002. 16 ноября.
21. В результате ее деятельности, в частности, 30 апреля 2003 г. один из крупнейших исторических сайтов <http://www.worldhistory.com> изменил содержание статьи, посвященной древней истории Кореи, где трактовка событий периода Древнего Чосона основывалась на неверной, по мнению южнокорейских историков, точке зрения, характерной для японской историографии // *Енхэп*. 2003. 30 апреля.
22. На сайте, посвященном технике оздоровительного дыхания и не имеющем никакого отношения к истории или политологии (www.brainrespiration.com), был проведен опрос “Что я сделал для защиты истории Когурё” 36% посетителей сайта, участвовавших в опросе, приняли участие в “движении по сбору подписей”, 12% лично отправили электронную почту в ЮНЕСКО с требованием противодействовать политике КНР, 11% участвовали в движении “информирования граждан Кореи о “Северо-восточном проекте””, 3% пытались представить свою точку зрения на развитие корейской нации на других сайтах.
23. Так, например, ни одна серьезная газета или информационная телепрограмма не пропустила избрания этнической кореянки на пост председателя студенческого совета Гавайского университета.
24. *Чунгуг-ын хангукса вегог-ыль чунданхара*.
25. Ли Чонхун. Указ. соч.
26. <http://www.dhamul.co.kr/content.php?cat=intro>
27. Так, новая экспериментальная серия эсминцев ВМФ РК KDX [Korea Destroyer Experiment] была названа в честь правителей и полководцев Когурё. Минонсоцы получили имена “Квангэтхо-ван”, “Ыльчи Мундок”, “Ян Манчхун”. Один из кораблей следующей серии планируется назвать в честь основателя государства Бохай “Тэ Чоёнъ”. Кроме того, в 2000 г. первый корпус сухопутных сил РК, до того называвшийся “Первым корпусом Поднебесной” был переименован в “Корпус им. Квангэтхо-вана” // Ли Чонхун. Указ. соч.
28. Подробнее см.: Andre Schmid. *Introduction: A Monumental Story in: Korea between Empires, 1895-1919*. NY: Columbia University Press, 2002.
29. См., напр.: A. Smith. *Theories of Nationalism*. L., 1971; A. Smith. *Nationalism in Twentieth Century*. Oxford, 1979; A. Smith. *National Identity*. L., 1991; К вопросу о политической мифологии корейского национализма см. А. Ланьков. *Два источника и две составные части корейского национализма*. <http://www.russ.ru/politics/20020916-lan.html>
30. На наш взгляд, эта ситуация сравнима с некоторыми современными тенденциями общественной мысли стран Восточной Европы и СНГ, где многие специалисты считают влияние России одной из главных причин неудач в социально-экономическом развитии и склонны отождествлять “европейский выбор” с разрывом всех связей с бывшим “старшим братом”.
31. См. напр.: Ким Хангю. *Ханчунъ квангес* [История корейско-китайских отношений]. В 2-х тт. Сеул, 1999.
32. См. напр.: Ан Чхон. *Манджу-нын ури ттан* [Маньчжурия — наша земля]. Сеул, 1990.; Ли Санхо. *Манджу-нын ури ттан* [Маньчжурия — наша земля] // *Сеге Ильбо*. 1993. 23 сентября.

Российско-корейский договор 1884 г. о дружбе и торговле (к 120-летию заключения)

© 2004

И. Григораш

25 июня 1884 г. в Ханьяне (Сеуле) статский советник Карл Иванович Вебер, выступавший от имени российского Императора, и президент министерства иностранных дел Кореи Ким Пенг-си подписали договор о дружбе и торговле между Российской империей и королевством Корея.¹ Этот документ положил начало официальным отношениям между двумя странами.

Хотя с формальной точки зрения русско-корейский договор 1884 г. представлял собой неравноправное соглашение, лишь немного отличавшееся от тех, что подписали с Кореей во второй половине XIX века, иные великие державы, по своим целям и духу он имел глубоко позитивное значение. Это безусловно выделяет его среди подобных договоров, заключенных Кореей в начале 1880-х гг. с США, Англией, Германией и Италией, не говоря уже о Японии и Китае.

Договор от 25 июня 1884 г. состоял из четырех частей: общей части, торговых правил, таблицы с тарифами на ввоз в Корею товаров и их вывоз, а также особого протокола.

В первой части договора определялись принципы политических взаимоотношений между двумя странами, разграничивались корейская и российская юрисдикция, устанавливались порядок въезда и выезда подданных государств-участниц трактата и режим пересмотра договора.

Устанавливая между народами России и Кореи "постоянный мир и дружбу" и предусмотрев "в случае какого-либо несогласия" между одной из договаривавшихся сторон с третьей державой право прибегнуть к помощи другой стороны для достижения мирного окончания недоразумений, договор от 25 июня 1884 г. значительно укрепил положение Кореи в международной политике. Параграф 2 статьи 1 договора оговаривал возможность обращения к России не только в качестве арбитра, но и за военной помощью в случае угрозы суверенитету Кореи, и до установления японского протектората над Кореей в 1905 г. такие обращения имели место неоднократно.²

Статья 1 договора была созвучна принципиальной цели, которой стала придерживаться российская дипломатия в отношении Кореи с 1884 г.: ввести ее в качестве самостоятельного игрока в международную политику на Дальнем Востоке. Так, в секретной телеграмме российскому посланнику в Пекине С.И.Попову от 11 марта 1885 г. прямо говорилось: "Наши взгляды, изложенные в инструкции 1883 г., серьезно изменились. Не оспаривая открыто суверенитет Китая над Кореей, воздерживайтесь от того, чтобы как-либо его поддерживать. Наша цель — обеспечить независимость и целостность Кореи".³

Григораш Игорь Владимирович, кандидат исторических наук, атташе Историко-документального департамента МИД России.

Согласно статье 2 договора предполагалось назначение каждой договаривавшейся стороной своих дипломатических представителей "для постоянного или временного пребывания в столице другой, а также генеральных консулов, консулов и вице-консулов во все или некоторые открытые для иностранной торговли порты", в которые допускались консульские агенты иностранных держав.⁴ По сравнению с текстом корейско-английского торгового договора 1883 г., который послужил основой для договора 25 июня 1884, это было существенным изменением.⁵

Согласно данной статье, корейцы лишались права иметь консула во Владивостоке.⁶ Царское правительство стремилось избежать осложнений с другими державами, в первую очередь с Китаем, не имевшим во Владивостоке своего консульства.

Договор 1884 г. открывал широкое поле и для культурных и научных связей между Россией и Кореей. Этому должна была способствовать статья 9, в которой говорилось, что "корейское правительство никоим образом не будет препятствовать, если русские власти и подданные в Корее будут нанимать к себе на службу корейских подданных в качестве учителей, переводчиков, слуг или для каких-либо других законных занятий. Подобным же образом не будет никаких ограничений относительно найма русских подданных корейскими властями и подданными для всяких законных занятий. Подданным обоих государств, отправляющимся в ту или другую страну для изучения языка, литературы, законов, искусств и промышленности, или же для ученых изысканий будет оказываться всякое возможное содействие".⁷

Яркими примерами такого содействия можно считать открытие в 1896 г. в Сеуле Корейской православной правительственной школы русского языка и учреждение в 1903 г. нескольких стипендий для обучения корейских юношей в российских учебных заведениях.⁸ 9 статья договора 1884 г. имела и определенный политический смысл, затем составил правовую основу для направления в Сеул российских военных инструкторов и финансовых консультантов.⁹

Нормы, установленные договором, были призваны способствовать всестороннему изучению Кореи русскими подданными. Так, согласно § 6 статьи 3 договора русским подданным позволялось путешествовать по всем частям Кореи. Для этого они должны быть снабжены паспортами. На расстояние же 100 ли от открытых иностранных портов и мест, либо "в пределах, установленных впоследствии по взаимному соглашению между подлежащими властями обоих государств" допускалось путешествовать вообще без паспорта.

В случае путешествия без паспорта вне установленных пределов такой путешественник должен был быть доставлен к русскому консулу для наказания. которое заключалось в денежном штрафе не выше 100 мексиканских долларов с заключением в тюрьму на срок не более одного месяца, или без такового.¹⁰

Юрисдикция над русскими подданными в Корее и их собственностью, согласно § 2 статье 3 договора, принадлежала "русским консульским агентам или другим должностным лицам, надлежащим образом на то уполномоченным". Разбирательства по гражданским и уголовным делам, возбужденным против русских подданных их соотечественниками или иностранными подданными должны были проводиться без вмешательства корейских властей российской стороной, причем по российским, а не корейским законам. Разбирательства по искам со стороны российских подданных к корейским должны были проходить в корейском суде и по корейским законам.¹¹

В этом параграфе заключалось еще одно важное нововведение, сделанное Вебером в английском тексте, ибо там речь шла об английских судебных властях (*British judicial authorities*). Добавление к консулам понятия других "должностных лиц" Вебер объяснял тем, что "если в северной части Кореи не будет учреждено русское консульство, то находящиеся там, например, для сухопутной торговли, наши подданные должны будут судиться нашим судом на границе".¹²

Здесь стоит указать, что в § 7 статьи 4 договора говорилось о двойственной природе подзаконности российских подданных. Они должны были подчиняться "всем муниципальным, полицейским и другим правилам, какие будут постановлены подлежащими властями обоих государств для поддержания спокойствия и порядка". Но содержание данного параграфа вступало в противоречие со смыслом нормы, заключенной в § 4 статьи 3 договора. Там упоминалось, что "русский подданный, учинивший в Корее какой-либо проступок или преступление, будет судиться и наказываться русскими властями по русским законам". В итоге, с юридической точки зрения, описанная ситуация вела к вторжению российского суда и российского законодательства даже в сферу административного права Кореи.¹³

Отдав под русскую юрисдикцию тяжбы российских подданных с иностранцами, договор вступал в прямую коллизию с ранее заключенными Кореей договорами с США, Англией, Германией, Японией и Китаем, содержащими идентичные статьи в отношении своих граждан. Это упущение могло быть теперь поправлено Россией уже самостоятельно, на двустороннем уровне с перечисленными странами.

Наибольшее количество статей общей части договора было посвящено принципам осуществления русскими предпринимателями торговли в Корее. Положения корейских купцов в России договор касался лишь косвенно.¹⁴

Вопросы торговли регулировались преимущественно 4, 5 и 6 статьями, а также 7 и 8 статьями в тех их параграфах, что касались действий российских предпринимателей в форс-мажорных обстоятельствах и посещениях военными судами двух стран территориальных вод друг друга. Регламент ввоза-вывоза товаров был прописан в приложенных к договору "Правилах, по которым торговля русских подданных может производиться в Корее".

Согласно статье 4 договора для русской торговли открывались корейские порты Чемульпо, Вонсан, Пусан, а также города Сеул и Енхвачжин. В указанных городах русским подданным разрешалось приобретать недвижимую собственность, предоставлялось право свободно отправлять богослужение. Русские подданные могли нанимать или покупать земли или дома, в том числе вне иностранных поселений в пределах 10 ли.

Статьей 5 допускался фрахт корейской стороной российских судов, а также посредническая торговля российских предпринимателей корейскими товарами между открытыми портами.¹⁵

В случае опасений о недостатке запасов хлеба правительство Кореи могло приостанавливать вывоз его за границу из одного или нескольких открытых портов. Правда, соответствующий запрет вступал в силу по прошествии месяца после извещения о нем "русского консула в подлежащих портах". Всякая контрабанда товаров строго пресекалась путем его конфискации и ареста предпринимателей (Ст. 6).¹⁶

Особый правовой режим устанавливался для военных кораблей двух стран. Он был прописан в статье 8 общей части договора. Впрочем, о корейских военных судах упоминалось вскользь лишь в § 1 статьи. В основном речь шла о российских военных кораблях. Для них была оговорена возможность захода в неоткрытый порт Кореи, а для их команд — право высаживаться на берег. Пределы передвижения русских военных установлены не были. Было лишь сказано, что они не могли отправляться вглубь страны, не имея при себе паспортов. Исходя из этого резюмировать, что, по умолчанию и при прочих равных условиях — читай, мирной обстановке, на них распространялось правило о 100 ли, существовавшее для русских подданных, находящихся в открытых портах. Пополнение запасов русского флота осуществлялось беспощадно.

Корейское правительство также обязывалось оказывать "всевозможное содействие русским военным судам, занимающимся съемочными и промерочными работами в корейских водах".¹⁷

Договор был составлен на русском и китайском языках. При этом в статье 12 договора было указано, что русский текст будет приниматься "за основание при толковании смысла всех статей", поэтому все сообщения, посылаемые российскими властями корейским, предполагалось писать на русском языке, и лишь первое время они должны были сопровождаться китайским переводом.¹⁸

Анализируя таблицу тарифов, прилагаемых к договору, можно прийти к выводу, что соглашение поощряло ввоз в Корею орудий производства и средств научного познания. Так, на сельскохозяйственные орудия, физико-математические, метеорологические и хирургические инструменты, книги, атласы, географические карты, литеры для книгопечатания, модели новых изобретений и т.п. устанавливался режим беспошлинного ввоза. Максимальный тариф в 20% от стоимости товара касался в основном изделий из ткани, украшений, табака, крепких спиртных напитков, а также сырья. На остальные товары тариф колебался в пределах 5-10%. Стоимость товара должна была определяться рынком.¹⁹

Любопытно отметить, что, лоббируя российские торговые интересы, К.И. Вебер добился пониженного тарифа (5%) на морскую капусту, добываемую у берегов Приморской области и острова Сахалин, а также внес в список разрешенных к ввозу товаров русский квас.²⁰

К тому же, согласно § 2 и 3 статьи 5 общей части договора, а также разделу II "Правил", взимаемые суммы пошлин возвращались в случае вывоза уже подвергнувшихся ранее таможенной очистке товаров, упаковка которых оставалась целой, а поврежденные по пути в порт товары облагались пониженными пошлинами пропорционально размеру повреждений. По сути, это позволяло русским предпринимателям заниматься транзитной торговлей через корейскую территорию, а также выступать в качестве посредников внутри самой Кореи.²¹

С другой стороны, правило о понижении пошлины нельзя было признать эффективным, поскольку оно открывало возможности для разного рода спекуляций. Фактически это правило было суррогатом страховки. Однако в связи с отсутствием развитого рынка страховых услуг в Корее на тот момент, инструмент понижения пошлин представлялся, по-видимому, наиболее эффективным, чтобы как-то снизить риски, лежащие на русских предпринимателях, ведущих свои дела в данной стране.

Что до вывозимых товаров из Кореи, то на них распространялся фиксированный тариф в 5%, за исключением небольшой группы вещей, вывозимых беспошлинно: багаж, деньги, растения, золото и серебро в слитках. Воспрещался лишь вывоз красного женьшеня.²²

Особый протокол, призванный регулировать русскую торговлю в Сеуле, был значительно сокращен по сравнению с корейско-английским договором 1883 г. В статье 3 протокола говорилось, что российское правительство было готово отказаться от прав на экстерриториальную юрисдикцию над русскими подданными в Корее по мере развития корейского законодательства и свободного судопроизводства. Выделенное положение еще раз подчеркивало долгосрочные намерения Санкт-Петербурга выстраивать гармоничные отношения с Сеулом, основанные на принципах равноправия.²³

Срок действия договора зафиксирован не был. В статье 11 общей части говорилось лишь о возможности по прошествии 10 лет и "за год вперед" поставить вопрос о пересмотре соглашения. Российский император Александр II ратифицировал договор 2 апреля 1885 г., корейский король Коджон — 12 сентября 1885 г., и 2 октября 1885 г. в Сеуле состоялся обмен ратификационными грамотами. В тот же день договор вступил в силу.

Несмотря на противоречия, имевшие место в договоре 1884 г., этот документ был прежде всего важен тем, что он положил начало правовому оформлению отношений России с Кореей. Вместе с тем, для экономического развития дальневосточных регионов империи было более актуальным в бли-

жайшей перспективе заключить с Кореей договор о сухопутной торговле, ибо Россия практически не обладала на Дальнем Востоке торговым флотом. Осознавая существовавшую проблему, К.И. Вебер, не будучи уполномоченным регулировать пограничные отношения России с Кореей, посчитал уместным коснуться вопроса о сухопутной торговле в беседах с корейскими министрами. В конце концов, была достигнута устная договоренность о том, что помимо указанных в трактате портов и городов, корейское правительство открывает для интересов русской торговли пограничное место на реке Туманган, отделявшей российскую территорию от корейской.²⁴

Неотрегулированность сухопутной торговли между Россией и Кореей стала причиной того, что практически сразу после своего заключения договор подвергся достаточно резкой критике со стороны видных российских политиков и государственных деятелей. К примеру, генерал-губернатор Восточной Сибири Д.Г.Анучин в отношении на имя Н.К. Гирса от 29 октября 1884г. отзывался о договоре 1884г. следующим образом: "Открытие корейских портов для нас совершенно неважно. Мы не имеем торгового флота и ничего не будем ввозить в Корею, или вывозить из нее морем ... Неупоминание в трактате о сухопутной торговле легко может повести к совершенному закрытию этой границы и поставить Уссурийский край в весьма тяжелое положение ...Стоит только нашим недругам объяснить корейцам, что следует в отношении нас строго соблюдать новый трактат, и мы потеряем наши торговые сухопутные сношения, происходившие до сего времени почти беспрепятственно".²⁵

С Д.Г. Анучиным был солидарен глава образованного в 1884 г. Приамурского генерал-губернаторства А.Н. Корф. И тот и другой опасались приостановки контрабандных поставок в Россию продовольствия, масштабы которых были огромны. Речь шла о крупном рогатом скоте, единственным источником которого для Уссурийского края была Корея. Так, за 1883 — 1884 гг. корейцы ежегодно ввозили до 8,8 тыс. голов на 280 тыс. рублей, а также до 18 тыс. пудов овса на 14 тыс. рублей. Кстати сказать, объем вывоза товаров из России в денежном эквиваленте составил в 1883 г. 350 тыс. рублей, а за 1884 г. — 472 тыс. Правда, в основном это были английские сукна, перепроданные русскими предпринимателями. Отечественные товары, хотя и были намного качественнее английских, отпугивали покупателей высокой ценой.²⁶

В российском МИДе давно видели, что применительно к Приамурскому краю "сухопутная торговля с Кореей представляет несравненно более значения, нежели морская". Поэтому сразу после подписания соглашения 1884 г. российская дипломатия приступила к проработке возможности заключения трактата о сухопутной торговле с Кореей. Соответствующий договор был подписан в Сеуле 8 августа 1888 г.²⁷

* * *

Для понимания, почему в 1884 г. российская дипломатия пошла на подписание не самого выгодного для России договора, необходимо проанализировать те условия, в которых формировалась политика Санкт-Петербурга по отношению к Корее накануне его заключения. Это позволит увидеть общую логику, которой руководствовались во внешнеполитическом ведомстве России при выработке своей линии на Дальнем Востоке.

"Корейский вопрос" стал "непосредственно привлекать внимание российской дипломатии в ее дальневосточной политике с середины 50-х годов XIX века".²⁸

Долгое время Корея представляла собой второстепенный фактор при выработке внешнеполитического курса России на Дальнем Востоке. Куда более существенное значение для Санкт-Петербурга имели Китай и Япония. Так продолжалось до тех пор, пока Корея не стала непосредственным объектом агрессивной японской политики. В 1876 г. под силовым давлением Токио Сеул

пошел на подписание неравноправного договора о торговле с Японией. Момент был выбран удачно — Китай едва оправился от второй опиумной войны, а Россия все более втягивалась в конфликт с Турцией на Балканах.

Активное участие России в делах Европы и слабость дальневосточных рубежей империи вели к выжидательной позиции Санкт-Петербурга по отношению к событиям в Восточной Азии. Испытывая постоянную нехватку материальных ресурсов, Россия стремилась оградить себя от каких-либо осложнений с Китаем или Японией. Поэтому заключение договора 1876 г. не заставило российскую дипломатию отойти от принципа нейтралитета в дальневосточных делах.

Кроме того, все большую остроту приобретал процесс российско-китайского разграничения, тянувшийся с конца 1850-х гг. — особенно в Уссурийском крае, непосредственно примыкавшем к Корее. Исходя из тактических соображений, царское правительство решило поддерживать, насколько это было возможным, концепцию “закрытой” Кореи. Отсюда определенная двойственность, которая была свойственна позиции российской дипломатии в отношении этой страны на начало 1880-х гг.

С одной стороны, российские дипломаты положительно воспринимали идею модернизации Кореи, “европеизации” ее архаичных порядков. Отечественные и зарубежные авторы трудов по корейскому вопросу в международных отношениях XIX века традиционно упускают из виду эту важную черту, присутствующую взглядам российской дипломатии применительно к Корее 1880-х гг., хотя она нашла прямое отражение даже в соглашении 1884 г., (точнее в статье 3 особого протокола, приложенного к русско-корейскому договору).²⁹

С другой стороны, на тот период Санкт-Петербург считал заключение международно-правовых актов с участием Кореи явлением враждебным интересам России. Россия не стремилась оформлять свои отношения с Сеулом. Причины тому крылись в сложном переплетении экономических интересов империи на Дальнем Востоке с чисто политическими.

Российские государственные деятели, в особенности те, кто работал в Восточной Сибири, понимали, что любая формализация отношений с Кореей повысит “продовольственную” уязвимость дальневосточных регионов империи. Именно к этой мысли апеллировал генерал-губернатор Д.Г. Анучин, когда призывал МИД после заключения договора в 1884 г. как можно быстрее отрегулировать вопрос о сухопутной торговле с Кореей.

Не менее важной проблемой для развития российского Дальнего Востока было заселение его громадных пространств. Корейцы подходили для этого как нельзя кстати. По наблюдениям российских экспертов, выходцы из Кореи достаточно быстро приспособлялись к российским порядкам и через короткое время считали себя уже российскими подданными, готовыми отстаивать интересы России, а не Кореи. Приток корейцев — людей трудолюбивых и в целом порядочных — был тем более выгоден для российского Дальнего Востока, что корейцы составляли альтернативу китайцам, которые гораздо в меньшей степени, нежели корейцы, были подвержены ассимиляции и “разрыву” с родиной.³⁰

В политической сфере царское правительство исходило из двух принципиальных задач. Во-первых, надлежало иметь стабильно ровные отношения с Китаем, — непосредственным соседом России, который к тому же считал Корею подвластной ему территорией. Во-вторых, следовало не допустить установления на корейском полуострове доминирующего влияния какой-либо европейской державы, в первую очередь, Великобритании, с которой Россия находилась в состоянии острого соперничества практически на всех направлениях своей внешней политики.

Не случайно в своем донесении от 18 мая 1880 г. министру иностранных дел Н.К.Гирсу поверенный в делах и генеральный консул России в Японии К.В.Струве откровенно написал: “Для нас корейский вопрос получит большее значение, как только он сделается общеевропейским достоянием... Мы не мо-

жем оставаться в бездействии, когда у нашего ближайшего соседа начинают хозяйничать западные державы”.³¹

Неудачные действия американцев, попытавшихся вслед за японцами подписать с корейским правительством торговый договор, в определенной степени оправдывали выжидательную позицию России, давая империи надежду, что какое-то время корейскому правительству удастся сдерживать натиск американцев и европейцев, с учетом того, что французы и американцы ранее имели жесткие военные столкновения с корейцами в 1866 и 1871 гг.

Однако ситуация быстро изменилась, когда США обратились за помощью к китайскому правительству. В 1880 — 1881 гг. американский коммодор Р.В.Шуфельдт два раза приезжал в Тяньцзинь для переговоров с генерал-губернатором столичной провинции Чжили и авторитетным китайским дипломатом Ли Хунчжаном, который также находился на должности особоуполномоченного по торговле северных портов “Поднебесной” и состоял членом Цзунлиямыня — учреждения, ведавшего иностранными делами цинского Китая.

Влияние Ли Хунчжана было несравненно шире его официальных полномочий и распространялось на армию, флот и всю внешнюю политику Китая. Выступая против ввоза на китайскую территорию опиума, Ли Хунчжан в то время обладал огромными земельными владениями, которые засеивались маком, пользовался монопольным положением в производстве китайского опиума и был владельцем или совладельцем крупных горных предприятий, судоверфей, банков, ссудных контор. Его родственники занимали ведущие ответственные посты в государстве.

Одной из своих главных задач Ли Хунчжан считал сохранение зависимости от Китая государств, находившихся под китайским суверенитетом. Однако в 1879 г. Ли Хунчжан получил жесткий урок от Японии, которая, установив в 1872 г. свой протекторат над находившимися в вассальной зависимости от Китая островами Рюкю (Ликейские острова), аннексировала их, преобразовав в префектуру Окинава. Протесты китайской дипломатии в ответ на действия японцев оказались безрезультатными. Арбитраж экс-президента США У.Гранта, к которому Ли Хунчжан обратился во время его путешествия по Китаю с просьбой о посредничестве в переговорах с Японией, показал, что американцы стояли на стороне Токио.

Думается, что именно обострение китайско-японских противоречий и неудачный для Китая арбитраж американцев привели к тому, что Ли Хунчжан стал опасаться, что следующей жертвой Японии станет Корея. Тем более, что буквально за 5 лет до начала переговоров Шуфельдта с Ли Хунчжаном японцы были готовы начать войну против Кореи.

Для того чтобы обезопасить Корею от посягательств Японии, Ли Хунчжан решил применить древнюю китайскую тактику “стравливания одних варваров с другими”. Кроме того, Ли Хунчжану представился удобный момент для восстановления “поистрепанной к тому времени” идеи о вассальной зависимости Кореи от Китая. Именно в 1880 — 1881 гг. Пекин, возражавший против прихода в Корею иностранцев и поддерживавший упорство корейского правительства в нежелании вступать в официальные связи с США, стал отказываться от ранее распространяемого китайскими дипломатами тезиса о самостоятельности Сеула во внутренних делах и в сношениях с иностранными державами.³²

О верности данной логики в оценке действий Китая может свидетельствовать малоизвестное исследователям отношение от 22 ноября 1881 г. военного губернатора Приморской области И.Г.Баранова на имя Д.Г.Анучина, которое позже было послано в российский МИД. В нем было сказано следующее: “Политическое равновесие на крайнем Востоке в последнее десятилетие сильно пошатнулось, и создались новые комбинации, которые необходимо хотя вкратце отметить. Быстрый политический рост Японии встревожил Китай: Формозский компромисс³³, самостоятельность политики Японии относительно Кореи,

выразившаяся признанием путем трактата, автономии Кореи, наконец Люкиусский (Ликейский. — *Прим. авт.*) вопрос, глубоко уязвили Китай, но на открытую борьбу с Японией он не чувствует себя пока достаточно сильным. Корея служила обоим противникам щитом, который ни тот, ни другой не осмеливался открыто присвоить себе, опасаясь постороннего вмешательства ... Чтобы ослабить влияние Японии на Корею и лишить ее возможности под пустым предлогом занять в Корее сильные позиции, Китай пришел к убеждению, что единственный исход заставить Корею открыть свои гавани европейцам, совершенно справедливо рассчитывая, что подозрительность европейских держав друг к другу будет лучшею гарантией неприкосновенности Кореи и сохранения ее нейтралитета в случае разрыва Китая с Японией”.³⁴

И.Г.Баранов подчеркивал, что Китай, проектировавший “сближение Кореи с Соединенными Штатами Северной Америки, имел целью вовсе не развитие внутренней и внешней жизни Кореи, но... думал обеспечить автономию Кореи признанием ее одною из сильных держав”.³⁵

Между тем, Ли Хунчжан, действуя в духе намеченной линии, поначалу использовал Россию в качестве пугала для корейского правительства. Его задачу во многом облегчил инцидент с деревней Савеловка, возникший в ходе русско-китайского разграничения в Уссурийском крае. В ходе проверок выяснилось, что деревня Савеловка, подавляющее население которой составляли российские корейцы, оказалась на китайской территории. Однако российская сторона затягивала процесс переноса деревни, что не без оснований вызывало у китайцев серьезную обеспокоенность. О них можно судить из телеграммы от 2 августа 1881 г. И.Г.Баранова к Д.Г.Анучину. В ней комментировалось предложение пограничного комиссара Южно-Уссурийского края Н.Г.Матюнина “при неизбежном исправлении границы” удержать Савеловку. “...Мнения Матюнина не разделяю, — телеграфировал Баранов Анучину, — так как считаю не совместным с достоинством России оттягивать клочки земли, чтобы скрыть ошибки, впрочем, невольные, местной администрации...”.³⁶

Намекая на российско-китайские пограничные трения, Ли Хунчжан пытался внушить корейским властям, что США, Англия, Германия, Франция желают лишь завязать торговые отношения с Кореей. “Россия же, — настаивал Ли Хунчжан, — находится в совершенно противоположных условиях в Корее. Владения этого государства соприкасаются с границей Кореи, положение которой в этом отношении довольно опасное. Если Корея поспешит завязать отношения с вышеупомянутыми государствами, она этим не только обуздает Японию, но и положит конец и видам русских на Корею. России тогда останется только последовать примеру названных государств — заключить с Кореей дружбу и завязать с нею торговые отношения”.³⁷

Но уже к концу 1881 г. тон китайской дипломатии полностью сменился. Китай стал “готовить” корейское правительство к заключению выработанного Ли Хунчжаном соглашения с Россией. “Затруднительно указать точные причины, побудившие Китай изменить свое намерение и советовать, даже требовать от Кореи первых авансов России, которую он до сих пор выставлял Корее как опасного и коварного врага”, — комментировал стремительную смену настроений в Китае И.Г.Баранов.³⁸

Российская дипломатия решила не форсировать события. В конце 1881 г. — начале 1882 г. в Санкт-Петербурге предпочли дожидаться заключения Сеулом торгового договора с Америкой, а также реакции на сей счет со стороны других держав. 10 мая американско-корейский торговый договор был заключен. Спустя некоторое время с Кореей заключили аналогичные соглашения Англия и Германия. Одновременно первому секретарю российского посольства в Пекине К.И.Веберу было поручено заняться сбором информации для выработки соглашения России и Кореи. В середине лета он совершил поездку во Владивосток. Не вдаваясь в подробности результатов этой поездки они (об-

стоятельно изложены в уже упоминавшейся книге Б.Б.Пака) отметим, что Вебер пришел к твердому убеждению, что договоры, заключенные с Кореей другими державами, не соответствуют интересам России по своему предмету. Наибольший интерес для России представляла сухопутная торговля с Кореей.

Эту мысль Вебер (правда, без особого успеха) попытался внушить китайским сановником, взгляды которых российская дипломатия не могла игнорировать. К тому же, летом 1882 г. в Корее произошло антияпонское восстание, подавленное китайскими войсками, которые после этого момента остались в стране, ибо Пекин тревожили ответные шаги Японии. Пользуясь ситуацией, Токио сумел навязать Корее договор, значительно расширивший права японцев на полуострове. Англия и Германия тут же приостановили намеченную ратификацию заключенных ранее договоров. 14 ноября 1883 г. Великобритания подписала с корейским правительством новый торговый договор в духе корейско-японского соглашения от 18 августа 1882 г. Также поступила и Германия.

Корейско-английское соглашение от 14 ноября 1883 г. содержало много унижительных для Кореи норм. В этой ситуации России предстояло найти такую формулу, которая позволила бы ей сохранить за собой основные права, которых добились для себя Англия и Германия, и одновременно поддержать хрупкий баланс сил на полуострове, установившийся между Китаем и Японией. Смысл этого баланса был детально описан в неоднократно упоминавшемся отношении И.Г.Баранова на имя Д.Г.Анучина от 22 ноября 1881 г.

“Что же нам выгоднее, упрочение в Корее, Японии или Китая? — задавался вопросом Баранов. — Играя в руку Японии, произведя известное давление на Китай, можно бесспорно достигнуть занятия Японией лучших гаваней Кореи, если не всего полуострова. Тогда выход из Японского моря будет заперт этой державою...” С другой стороны, полагал Баранов, помогая Китаю чрезмерным давлением на Японию или отказом Корею вступить с нею в дипломатические переговоры, что может побудить последнюю сделаться китайской провинцией, Россия усложнит свое положение еще более: во-первых, возбудив против себя Японию, во-вторых, убедив Корею в своем бессилии, в третьих, затруднив себе еще более выход из Японского моря, и, наконец, в-четвертых, переместив колеблющийся между Японией и Китаем центр тяжести бесповоротно на сторону последнего.³⁹

“Насущные требования нашей политики и самозащиты, — заключал Баранов, — наталкивают нас на единственный, возможный и удобный для нас исход: признание, путем договора, самостоятельности Кореи и непреклонное проведение политики вооруженного нейтралитета этого государства в случае войны Китая с Японией, а также в случае столкновения этих государств с Кореею, недопущение их до территориальных захватов на полуострове”. Признание самостоятельности Корейского королевства, по мнению И.Г.Баранова, значительно усложнило бы такие захваты.

Постепенно в МИДе пришли к выводу о верности взглядов Баранова. О том, что отношение его от 22 ноября 1881 г. содержало суть стратегического курса России на Дальнем Востоке в тот период, говорит не только последующая история, но и пометки на полях самого этого документа синим министерским карандашом: “Нам не за торговыми выгодами следует гоняться, — мы должны приобрести в Корее нравственный перевес над остальными европейскими державами”.⁴⁰

Реализация на практике нового курса российской дипломатией оказалась сложнее, чем это представлялось на бумаге. К.И.Веберу пришлось вести достаточно напряженные переговоры как с Ли Хунчжаном, так и с корейским правительством. Ли Хунчжан настаивал на полном сохранении условий соглашения Кореи с Великобританией. Вебер смог смягчить формулировки английского соглашения, придав им больше уважительного тона по отношению к корейскому правительству. Так, касаясь помощи Корею извне, Вебер поставил

возможность оказания таковой со стороны России в зависимость от наличия просьбы со стороны корейского правительства (статья 1-я договора 1884 г.), тогда как британцы прописали за собой право навязывать свои "добрые услуги". Целью Вебера было максимально показать корейцам, что даже при заключении неравноправного договора Россия стремится видеть в Корее сторону равную, обладающую самостоятельной политической волей.

Помощь при заключении русско-корейского торгового договора 1884 г. оказал Веберу советник по иностранным делам при корейском короле Коджоне барон П.Г. фон Меллендорф (1847 — 1901), немецкий востоковед и дипломат, рекомендованный на этот пост самим Ли Хунчжаном в 1883 г. В литературе насчет его политики существует неопределенность: Российские авторы традиционно полагают, что Меллендорф частично преследовал интересы Германии, надеясь, что помощь с его стороны в заключении договора в конечном счете обернется в пользу Берлина, "осваивавшего" бы Корею в альянсе с Россией, частично цели самой Кореи. Корейские авторы настаивают на пророссийской ориентации политики Меллендорфа, которую тот по собственному выбору считал наиболее верной для Кореи.⁴¹

Не оспаривая ни первую, ни вторую точку зрения, выдвинем предположение, что изначально роль Меллендорфа заключалась в том, чтобы склонить Корею в сторону России. Как мы помним, назначение Меллендорфа в Корею произошло с протекции Ли Хунчжана, который, по словам Баранова, как раз в конце 1881 г. — начале 1882 г. начал "подталкивать" Корею к России. Меллендорф представлял собой на тот момент наиболее подходящую для этой задачи фигуру, в том числе и потому, что ему пришлось бы вести переговоры с К.И.Вебером — немцем по происхождению. Направленный в Сеул в конце 1881 г. барон сначала возглавлял таможенное ведомство Кореи. Таким образом ему была дана возможность в деталях изучить внешнеэкономические проблемы страны. Затем не без влияния Ли Хунчжана Меллендорф был назначен советником по вопросам внешней политики при короле Коджоне.

Меллендорф в значительной степени облегчил диалог Вебера с корейским правительством, но не с Ли Хунчжаном, который в вопросе о сухопутной торговле с Кореей занял непоколебимую позицию. По прошествии немногим более полугода после переподписания Англией и Германией торговых договоров с Сеулом 24 июня 1884 г. был заключен трактат между Россией и Кореей. Кроме того, как уже отмечалось, Вебер все же сумел выговорить от корейского короля определенные уступки в вопросе сухопутной торговли.⁴²

После заключения русско-корейского договора в 1884 г. позиции Меллендорфа стали резко расходиться с курсом, который намечал Ли Хунчжан. Меллендорф начал отстаивать идею превращения Кореи в "Азиатскую Бельгию" или "вторую" Болгарию, с тем, чтобы путем "нейтрализации" Кореи обезопасить ее от покушений извне.⁴³ В российском МИДе к предложениям барона отнеслись с тактичным скепсисом. В докладе от 25 апреля 1885 г. Александру III Н.К.Гирс подчеркнул, что "положение Азиатской Бельгии не применимо к Корее, и что единственный залог ее безопасности является в возможно тесном сближении с Россией, которая со своей стороны готова оказать все зависящее от нее содействие развитию оборонительных средств Кореи".⁴⁴ При этом Россия даже не помышляла о том, чтобы уступать режим протектората над Кореей. Главным для российской дипломатии было формирование дружественного России полноценного корейского государства.

В одной из аналитических записок российского МИД того времени, посвященных корейской тематике, прямо говорилось: "...всякое поступательное движение России по направлению к Корее, в смысле территориального расширения первой на счет последней, на самом деле было бы для нас невыгодно и послужило бы не к усилению, а к ослаблению России". При разъяснении этого вывода указывалось, что "владея Кореей, мы только бесплодно истощали бы

свои финансовые средства в мирное время, а во время войны создали бы себе лишние затруднения, будучи вынуждены растянуть на громадное протяжение свои военные силы".⁴⁵

Вопрос о возможности создания Россией военно-морской базы в Корее, который широко обсуждался в отечественной и зарубежной печати начала 1882 — 1883 гг., был более спорным. Согласно мнению одних дипломатов, такой шаг был бы опрометчивым, ибо у России не хватило бы ресурсов для удержания полученной территории. К тому же это спровоцировало бы остальные державы к аналогичным действиям.⁴⁶

Ряд других экспертов полагал, что России наоборот следует, активно добиваться выделения правительством Кореи одного из портов страны под нужды российского тихоокеанского флота. Таким местом, по существовавшему мнению, мог стать порт Лазарев, расположенный на корейском побережье в 400-450 верстах от Российской границы и 225 верстах от столицы Кореи. Среди аргументов в пользу данной точки зрения называлась необходимость иметь в дальневосточном регионе незамерзающий порт, тогда как гавань Владивостока ежегодно находилось подо льдом в течение почти 6 месяцев.⁴⁷

До 1884 г. в российском внешнеполитическом ведомстве последовательно придерживались первой точки зрения. Вместе с тем, заключение Россией торгового договора с Кореей в 1884 г. означало для империи разворачивание "большой игры" на Дальнем Востоке, подобной той, в которую Санкт-Петербург уже был вовлечен в Средней Азии и на Балканах.

О том, что Россия решилась вступить в опасную, но необходимую для развития дальневосточных рубежей страны дипломатическую игру за преобладание в Корее, говорили те цели, которые ставила перед собой российская дипломатия с 1885 г. В докладе российского министра иностранных дел Н.К.Гирса Александру III от 25 апреля 1885 г. было сказано: "Конечная цель наших усилий (в Корее. — *Прим. авт.*) должна заключаться не в приобретении положения тождественного с тем, которым пользуются другие державы, а в упрочении в стране этой нашего преобладающего влияния". "Достижение этого результата, пояснил Гирс не преминет благотворно отозваться на развитии нашей Тихоокеанской окраины и, наоборот, подпав влиянию какой-либо другой державы, Корея может сделаться для нас на крайнем Востоке если не опасным, то, во всяком случае, таким соседом, с которым придется считаться в эпохи политических осложнений".⁴⁸

Чуть более трех недель ранее Александр II ратифицировал договор с Кореей. Тогда же, 2 апреля 1885 г. — К.И.Вебер был назначен поверенным в делах и генеральным консулом России в Корее, а на следующий день после обмена ратификационными грамотами и вступления в силу договора 1884 г. он вручил верительные грамоты корейскому королю.⁴⁹

В заключение данного очерка представляется важным выделить три принципиальных аспекта политики Санкт-Петербурга по отношению к Корее в период подготовки и подписания русско-корейского договора 1884 г.

Первый выразился в том, что российская политика на Дальнем Востоке в первой половине 1880-х гг. была нацелена на поддержание баланса сил между Японией и Китаем. Россия воздерживалась от того, чтобы активно вмешиваться во взаимоотношения двух своих соседей в Восточной Азии и уж тем более претендовать на захват Кореи. Как написал американский историк Джордж Ленсен в книге "Равновесие интриг. Международное соперничество в Корее и Манчжурии, 1884 — 1899.", Россия на Дальнем Востоке представляла собой в 1880-е гг. "поразительное переплетение слабостей и сильных сторон".⁵⁰

Второй отразился в общем отношении российской дипломатии к фактам подписания Кореей торговых договоров с другими странами. В российском МИДе понимали, что проблема модернизации Кореи была неотъемлема от задачи "открытия" страны для иностранцев. "Открытие" Кореи могло на некото-

рое время приглушить прояпонские настроения, возникшие на почве реформаторского движения и особо распространенные среди корейской молодежи, о чем в Санкт-Петербурге были хорошо осведомлены.⁵¹ Другой вопрос, что, с тактической точки зрения, российские дипломаты старались не форсировать приход в Корею иностранцев по причине слабости позиций самой России на Дальнем Востоке. Когда же США, Британия и Германия подписали торговые договоры с корейским правительством, Россия сочла для себя уместным также вступить в официальные отношения с Сеулом.

В отличие от остальных держав Россия была более заинтересована в развитии сухопутной торговли с Кореей, поэтому договор 1884 г. был шагом политическим. Российская дипломатия постаралась максимально смягчить достаточно жесткие формулировки, содержащиеся в тексте английского соглашения с Кореей, который К.И.Вебер, разрабатывавший договор, взял за основу. Целью России было подчеркнуть свое уважение к Корее как государству самостоятельному и не поссориться с Китаем, требовавшим от других стран принимать в расчет его суверенитет над Кореей. С 1883 г. Россия последовательно отстаивала идею независимости Корейского королевства.

Наконец, третий аспект проявился в том, что русско-корейский торговый договор в Санкт-Петербурге воспринимали в качестве международно-правового акта, способствовавшего укреплению положения корейского королевства в международной политике. Наряду с договорами, заключенными Кореей с великими державами, он содействовал подрыву отношений вассалитета, которые издревле связывали Сеул с Пекином. Хотя все эти договоры были неравноправными, их характер ни в коем случае не должен заслонять факта повышения международного статуса Кореи по сравнению с тем, который она имела до момента их подписания.

1. Здесь и далее даты приведены по старому стилю. Архив внешней политики Российской империи (далее АВПРИ), ф. Миссия в Сеуле, оп. 768, д.1, л. 58 — 68.
2. Пак Б.Б. Российская дипломатия и Корея. Иркутск, 1998. С. 103.
3. АВПРИ. ф. Китайский стол, оп. 491, д. 3, л. 16.
4. АВПРИ, ф. Миссия в Сеуле, оп. 768, д.1, л. 58 об.
5. АВПРИ, ф. Санкт-Петербургский Главный Архив (далее как СПб. Г.А.). I-9, оп. 8, 1881 г., д.18 л. 151-152.
6. Там же.
7. Там же, л. 4.
8. АВПРИ, ф. Японский стол, оп. 493, д. 132, л. 2-4; ф. Миссия в Сеуле, оп. 768, д. 69, л. 81-81 об.
9. АВПРИ, ф. Японский стол, оп. 493, д. 144, л. 197-197; д. 58, л. 49-50 об.
10. АВПРИ, ф. СПб. Г.А., I-9, оп. 8, 1881 г., д.18, л. 2 об.
11. Там же, л. 1 об.
12. Там же, л. 151 об.
13. Там же, л. 106.-2 об.
14. Основополагающей для статуса корейских купцов в России была статья 1-я договора, в которой было сказано, что подданные корейского короля на основе взаимности будут пользоваться в России "покровительством и полною безопасностью, как относительно их личности, так и собственности". Следовательно, корейские предприниматели в России должны были руководствоваться исключительно российскими законами и правилами. См.: Там же, л. 1.
15. Там же, л. 3.
16. Там же, л. 3-3 об.
17. Там же, л. 4.
18. Там же, л. 4 об.
19. Там же, л. 6 об.-10.
20. Там же, л. 8.
21. Там же, л. 8.

22. Там же, л. 10. Запрет на вывоз "красного" женьшеня — наиболее качественного сорта женьшеня — был обусловлен тем, что его производство издревле являлось в Корее монополией государства. Продажа "красного" женьшеня и препаратов из него давала корейской казне немалый доход.
23. Там же, л. 11.
24. Там же, л. 4-4 об., 152-152 об.
25. Там же, л. 145 об.-146 об.
26. Там же, л. 143-143 об.; ф. Миссия в Сеуле, оп. 768, д.1, л. 16.
27. АВПРИ, ф. Чиновник по дипломатической части при Приамурском генерал-губернаторе, 1880, оп. 579, д. 311, л. 142-142 об.; ф. Миссия в Сеуле, оп. 768, д.1, л. 55-57 об.; ф. Японский стол, оп. 493, д.214, л. 58-69.
28. Пак Б.Б. Указ. соч. С. 10.
29. АВПРИ, ф. СПб. Г.А., I-9, оп. 8, 1881 г., д.18, л. 11.
30. АВПРИ, ф. Японский стол, оп. 493, д. 216, л. 18 об.- 25.
31. АВПРИ, ф. СПб. Г.А., I-9, оп. 8, 1882-1883 гг., д. 6, л. 125-127.
32. Пак Б.Б. Роль Китая в заключении американо-корейского 1882 г. и русско-корейского 1884 г. договоров о дружбе и торговле //Россия, Сибирь и страны Азиатско-Тихоокеанского региона. Иркутск, 1994. С. 82-83.
33. В 1874 г. Япония оккупировала остров Формозу (Тайвань), но вынуждена была тут же ее покинуть по требованию Англии, грозившей применить военное давление на Токио.
34. АВПРИ, ф. Чиновник по дипломатической части при Приамурском генерал-губернаторе, 1880, оп. 579, д. 311, л. 99-99 об.
35. Там же, л. 99 об.-100.
36. Там же, д. 319, л. 409.
37. АВПРИ, ф. Посольство в Токио, оп. 529, д.182, л. 75 об.-76.
38. АВПРИ, ф. Чиновник по дипломатической части л. 100-100 об.
39. Там же, л. 102-102 об.
40. Там же, л. 102 об.-103. По традиции в документах министерства иностранных дел синим карандашом выделялись фрагменты особой важности, которые затем обычно показывались императору и находили отражения в министерских докладах.
41. *Simbirtseva T.M. P.G. Fon Moellendorf's "Pro-Russian" Activities in Korea (1882-1885): Opinions of Russian Historiographers// Transactions. Royal Asiatic Society. Korea Branch. Vol. 76-2001. Pp. 31-43.*
42. За вклад Мёллендорфа в работу над русско-корейским договором Вебер просил российского министра иностранных дел Н.К.Гирса ходатайствовать перед Александром III о награждении барона российским орденом Анны II-й степени, что Гирс и сделал 16 апреля 1885 г. А уже в октябре 1885 г. Вебер вручил его Мёллендорфу // АВПРИ, ф. Китайский стол, оп. 491, д. 3, л. 17.
43. Там же, л. 23 об.
44. Там же, л. 30 об.
45. АВПРИ, ф. Японский стол, оп. 493, д. 216, л. 14-15 об.
46. Там же, л. 16-16 об.
47. АВПРИ, ф. Посольство в Токио, оп. 529, д. 595, л. 261-261 об.
48. АВПРИ, ф. Китайский стол, оп. 491, д. 3, л. 28-28 об.
49. Циркуляр о назначении Вебера был датирован 11 апреля 1885 г. // АВПРИ, ф. ДЛС и ХД: Циркуляры МИД за 1885 г., оп. 25, д. 23, л. 9 об.
50. *Lensen G.A. Balance of Intrigue. International Rivalry in Korea & Manchuria. 1884 — 1899. 2 vol. Tallahassee: University Presses of Florida, 1982. Vol. 2, p. 5.*
51. АВПРИ, ф. Посольства в Токио, оп. 529, д. 595, л. 259-266 об.

Энциклопедия "Духовная культура Китая"

От редакции: Продолжаем публикацию материалов энциклопедии "Духовная культура Китая", подготовленной к изданию в ИДВ РАН. Предлагаем читателям вводную статью к разделу "Историография и историческое сознание".

Историописание в императорском Китае

© 2004

Б. Доронин

Китайская историография — особый и необыкновенно яркий феномен цивилизации этой страны. Она необычайно самобытна и аналогов в мировой исторической науке не имеет. Это — ее особая модель.

Европейский термин "история" пришел из греческого языка, где первоначально означал "исследование", "рассказ, повествование о том, что узнано, исследовано". Иную этимологию имеет иероглиф "ши", обозначающий ныне историю. Он встречается уже в надписях на гадательных костях эпохи Шан (XVI-XI вв. до н.э.) и в своем изначальном виде изображал чиновника, который держит в руке таблички для письма. С деятельностью этих служилых людей и связывают в Китае зарождение и становление национальной историографии.

Согласно традиции первыми чиновниками-"ши" были два историографа при дворе мифического императора — культуротворцы Хуан-ди Цан Цзе и Цзюй Сун; они считаются также создателями китайской письменности. Однако в действительности этот институт, видимо, начинает складываться лишь к середине II тысячелетия до н.э. В круг разнообразных обязанностей чиновников-"ши", состоявших при дворе правителей, входило и составление гадательных надписей на костях животных.

Помимо сообщения о предмете гадания и полученном ответе высших сил эти записи содержали также сведения о результатах предсказания — т.е. в них фиксировались какие-то крупные, наиболее значимые события, относящиеся к деятельности правителя. Постепенно составление подобных надписей приобрело регулярный характер, они сохранялись, и их фонд содержал значительную информацию о прошлом. Полученная в результате гадания, она, разумеется, имела своеобразный колорит, но иной истории в то время и быть не

могло. Надписи на костях, практически не связанные с мантикой появились в Китае лишь к концу эпохи Шан.

Таким образом, первые ростки историописания возникли в Китае в сфере ритуала и политической практики шанских ванов. Сведения, которые систематически отбирали и фиксировали “ши”, являлись неотъемлемой частью этой практики и были жизненно важны для находившейся тогда в процессе становления китайской государственности. Необходимы они были и для родовых структур, много определявших в жизни китайского общества. Видимо, это и питало рано возникший в стране напряженный интерес к своему историческому прошлому.

Серьезные перемены, которые происходят в обществе с приходом к власти в IX в. до н.э. чжоуских ванов, значительно активизировали процесс становления историописания, придали ему новые черты. В надписях на ритуальных бронзовых сосудах, которые готовил чиновник-“ши”, их “результативная”, “историческая” часть становится все более обстоятельной и содержит информацию о самых разных свершениях правителей. На ее самостоятельное значение указывает и особая организация там материала.

Важным этапом в развитии историографической деятельности “ши” стало создание при чжоуском дворе особого института “левого” и “правого” историографа, в обязанности которых входила фиксация деяний и речей правителя. Готовились при дворе чжоуских ванов и некоторые другие сочинения исторического характера. Таким образом, для части “ши” подготовка подобных материалов становится их главным занятием.

На новый, качественно отличный от предыдущего, уровень историографическая деятельность “ши” выходит в период Восточного Чжоу (770—256 гг. до н.э.), когда в условиях нарастающей деградации власти ванов их монополия на историографическую деятельность была окончательно утрачена и региональные правители стали обзаводиться собственными чиновниками-“ши”. Это не только значительно расширило масштабы историографической деятельности в древнем Китае, но и придало ей новый смысл: в условиях ожесточенной борьбы за власть, которой отмечен этот период, труды чиновников-“ши” становятся не только источником политического опыта предыдущих поколений, но и весьма весомым аргументом в борьбе за престол, инструментом консолидации общества. Особенно важна была для претендентов на власть интерпретация политического кризиса, сопровождавшего смену правителей. Описывая его, “ши” пытались опереться на сложившуюся к тому времени систему верований и прежде всего на культ Неба. Данный аспект исторического процесса начинает доминировать в их сочинениях, репертуар которых становится все более разнообразным. Особое место в нем занимают хроники царств (этот вид сочинений получил название “чунь цю” (весны и осени)). Принципиальное значение для судеб китайской историографии имело создание одной из таких хроник, посвященных царству Лу; в историю китайской культуры она вошла под своим видовым названием “Чунь цю”. Ее автором в Китае обычно считают Конфуция (551-479 гг. до н.э.). И хотя принадлежность текста этого сочинения Конфуцию не доказана, дошедший до нас его вариант несет на себе ощутимый отпечаток его взглядов.

Принято считать, что здесь мыслитель развил свои взгляды на историю и ее предназначение, а также сформулировал требования к методике работы над историческим сочинением. Материалы, относящиеся к историческому прошлому, использованы им в дидактических целях — они должны были наставлять современников и грядущие поколения. Таким образом, в “Чунь цю” история впервые была описана с позиций определенной системы взглядов — учения Конфуция. В Китае эта летопись считается первым настоящим историческим сочинением, олицетворением национальной историографической традиции;

она стала эталоном, на который равнялись многие поколения ученых императорского Китая.

В то же время, “Чунь цю”, а также три комментария к ней — “Комментарий Гунъяна” (Гунъян чжуань), “Комментарий Гуляна” (Гулян чжуань) и “Комментарий Цзо” (Цзо чжуань) — позже стали важнейшей частью конфуцианского канона; включены в него и еще несколько текстов исторического характера, подготовленных чиновниками-“ши”. Это — свидетельство особой роли, которую Конфуций и его последователи отводили в своем учении истории. Этико-политическое по своей сути оно невозможно без опоры на факты национальной истории, в историческом прошлом конфуцианцы видели образцы государственного и общественного устройства. Очевидно, это было навеяно сочинениями “ши”, к ним восходят некоторые фундаментальные положения конфуцианства. И это не случайно: Конфуций вырос в обществе, где многое определяла культура чиновников-“ши”, на их сочинениях воспитывалась ученая и политическая элита того времени. Таким образом, уже на заре своего существования историописание и конфуцианство оказались очень тесно связаны, и это во многом предопределило специфику китайской историографии.

Окончательное превращение записей чиновников-“ши” в исторические труды и становление основ историописания того типа, которое будет свойственно Китаю вплоть до XX в., произошло в империи Хань (202 г. до н.э. — 220 г. н.э.).

К этому времени завершился длительный и сложный процесс этногенеза, и китайцы окончательно осознали себя единым народом, имеющим общие цивилизационные корни. Их общим домом стало огромное мощное централизованное государство, облик которого в значительной мере определяло положенное в основу государственной доктрины конфуцианство, что предопределило его особую приверженность к цивилизационным ценностям, напряженный интерес к прошлому и присутствие в проводимой им политике мощной гуманитарной доминанты. Особую роль ханьские власти отводили истории.

Они сохранили институт “ши”, но в условиях “конфуцианской” монархии он претерпевает серьезные изменения. Иным стал статус этих чиновников: они теперь служат при дворе ханьского императора — правителя огромной страны, мировой державы древности, что не могло не сказаться на их кругозоре, миропонимании. Основным занятием “ши” становится историописание, а все остальные присущие им функции отходят на задний план и постепенно отмирают. Историографическая деятельность ханьских “ши” приобретает качественно новый характер, из их среды вышла большая группа ученых, стоявших у колыбели историописания императорского Китая (Сыма Цянь, Бань Гу, Сюнь Юэ, Лю Сян, Лю Синь и др.). Именно в империи Хань историописание впервые обретает единую концептуальную базу — ею стало утверждающееся в качестве государственной доктрины официальное конфуцианство.

Прежде всего, на вооружение были взяты те его положения, которые были ориентированы на трактовку происхождения власти и норм ее функционирования. Центральное место среди них занимала концепция “Мандата Неба”, а также некоторые другие сопряженные с нею доктрины. С официальным конфуцианством были соотнесены и те морально-этические нормы и нормы политической культуры, которые утверждали в своих сочинениях “ши”. Официальное конфуцианство дало им и новое видение проблем общества и государства. Как и прежде, главной темой сочинений этих чиновников остаются дела правления, но теперь они описывают лишь власть легитимную — получившую престол от Неба.

Ханьский период отмечен небывалой активизацией историографического процесса. В этот период придворные “ши” создали немало фундаментальных трудов. Наиболее полное и последовательное воплощение новые тенденции, свойственные историописанию этого периода, получили в творчестве Сы-

ма Цяня, автора первой сводной истории страны “Исторические записки” (Ши цзи). Его считают отцом национальной историографии. Свой труд он готовил под эгидой ханьского двора и стремился подчинить описание событий прошлого решению фундаментальных проблем, которые стояли тогда на пути утверждавшей свои позиции “конфуцианской” монархии и ее государственной доктрины. Он видел его как инструмент власти, зеркало, где прошлое будет наставлять современников и грядущие поколения.

Обращаясь к прошлому, Сыма Цянь стремился исследовать историю с позиций концепции “Мандата Неба”, и весь путь, пройденный Китаем со времен мифических правителей седой древности по начало Хань, он интерпретировал как череду непрерывно сменяющихся друг друга легитимных династий, которые обретали престол по воле Неба. Так последовательно и целеустремленно это было сделано впервые.

Мощное дидактическое начало, заложенное Сыма Цянем в основу своего труда по примеру летописи “Чунь цю”, потребовало особой организации материала, и “Исторические записки” дали начало новому виду исторических сочинений сложной композиции — династийным историям (в Китае они получили название “чжэн ши” — официальные истории). За 20 с лишним веков существования империи было создано 24 таких сочинения, ставшие ядром всего историописания в Поднебесной. Основную дидактическую нагрузку в “Исторических записках” несут биографии исторических персонажей. В них Сыма Цянь сосредоточил большую часть имевшегося у него фактического материала и отвел им центральное место в своем труде. До Сыма Цяня историография страны биографий не знала. Немало места в творчестве Сыма Цяня занимают также размышления об общих проблемах историописания — эта проблематика занимала его всегда.

Творчество Сыма Цяня стало средоточием всего того, что было создано к тому времени многими поколениями чиновников-“ши”, и на века вперед определило развитие историописания в Китае, являлось эталоном для всех китайских историков. Титул отца китайской истории был им получен заслуженно.

Дело, начатое Сыма Цянем, продолжил другой крупнейший ханьский ученый и государственный деятель Бань Гу (32-92). С его именем китайские историки связывают якобы начавшийся тогда процесс “чжэтунизации” историографии. Восприняв общую концепцию исторического сочинения нового типа, разработанную его великим предшественником, Бань Гу внес в нее ряд существенных коррективов, которые окончательно определили облик и характер династийных историй.

Труды Сыма Цяня, Бань Гу и других ханьских историографов завершают длительный — более 10 веков — процесс становления историописания. В этот период был сделан решительный шаг к превращению его в самостоятельную и очень значимую для “конфуцианской” монархии отрасль знаний, которую начинают обозначать иероглифом “ши”, прежде обозначавшим придворного историка, а его былое значение из обихода постепенно исчезает. Дело сооставления исторических трудов начинает переходить в руки бюрократов (ши — ученые-чиновники).

В следующую фазу своего развития историописание вступило, располагая собственной концептуальной базой и весьма совершенной по тем временам методикой.

Период после крушения империи Хань — один из самых драматических в истории Китая, когда почти на 4 века страна фактически утратила государственное единство, на обломках великой империи возникают и исчезают многочисленные династии (нередко инородческие). Но и в эти годы историописание не прервалось, оно уже стало нормой жизни государства, его верной опорой, и многие существовавшие тогда режимы старались его поддерживать и развивать. В период безвременья история как важнейший компонент нацио-

нальной культуры оставалась той силой, которая помогала китайскому обществу пережить обрушившиеся на него беды и выстоять, сохранив свою самобытность. Составление исторических трудов окончательно перешло в руки бюрократии, придворных, состоявших в штатах различных ведомств, а институт чиновников-"ши" исчезает. Ближе к середине I тысячелетия в некоторых государствах создаются специализированные историографические службы. Это означало дальнейшее усиление государственного начала в историописании. Возрастает его общественное значение, и в послеханьский период историография выступает в каталогах уже как особая отрасль знаний.

Принципиально важным рубежом на пути развития историописания в императорском Китае стала вторая половина I тысячелетия. То было время крупных перемен, начавшихся с воссоздания единого китайского государства под властью династий Суй (581-618) и Тан (618-907). Среди задач, которые предстояло решать новым властям, центральной являлось упрочение позиций "конфуцианской" монархии после 4-х векового отсутствия в Китае единого политического центра. Важная роль в этом процессе отводилась ими истории. Ее значение как инструмента власти к этому времени значительно возросло: в Китае появилась печатная книга и возможность тиражировать исторические труды, их относительная доступность многократно увеличивала потенциал воздействия истории на общество.

Уже вскоре после овладения престолом танские императоры учреждают в структуре формирующегося тогда государственного аппарата специализированную историографическую службу — комитет истории государства (го ши гуань), перед которым была поставлена задача создать династийные истории за весь период, последовавший после крушения империи Хань. А вскоре эти службы начинают готовить и некоторые другие исторические труды. Почти одновременно в системе центральных государственных органов империи появилась академия Ханьлинь юань, в компетенцию которой, наряду с другими властными функциями, входило и курирование всех наиболее важных аспектов историописания — от разработки проекта исторического труда до его завершения и представления на утверждение императору.

Эти и некоторые другие акты танских властей фактически законодательно закрепили официальную природу историописания. Оно начинает выступать как государственно-политический институт, который в системе "конфуцианской" монархии был наделен очень важными функциями. С его деятельностью связано все дальнейшее развитие историописания в Китае. Это было не только существенное повышение его статуса, но и признание особой значимости. В своем новом качестве историописание могло значительно более эффективно выполнять свои функции и становилось монополистом на особо значимую для государства проблематику. Одновременно это означало и установление более жесткого контроля властей над всем историографическим процессом и деятельностью историков. Создание исторических трудов специальной службой предполагало также усиление организационных начал историописания, иные принципы работы историков, ее жесткую регламентацию.

300-летний период существования империи Тан стал временем расцвета историографии, ее небывалой продуктивности. Зарождается и набирает силу многое из того, что будет определять ее облик в последующие века.

Обратившись к созданию династийных историй, посвященных эпохе, которая предшествовала созданию империи Тан (всего было подготовлено 8 таких трудов), власти прежде всего были озабочены обоснованием легитимности обретения престола новыми правителями Китая: это позволяло им проследить действие Мандата Неба в этот смутный период китайской истории. Тем самым династийные истории обретают характер государственного документа, необычайно важного для новой династии. С этого времени данная функция становится одной из главных для династийных историй, а их составление — делом обя-

зательным, превращается в своеобразный государственный ритуал, который строго соблюдался всеми обладателями престола в последующие века. В империи Тан династийные истории окончательно утверждаются как особый вид исторического сочинения, определяющий лицо всего историописания императорского Китая.

Однако всех проблем, с которыми “конфуцианская” монархия сталкивается на новом этапе своего развития, династийные истории решить, очевидно, уже не могли, и власти все больше ощущают потребность в исторических трудах, где дела правления освещались бы по-новому. Придворные историки начинают активно работать над расширением жанрового состава своих сочинений (пик этого процесса приходится уже на сунский период). Особое внимание они уделяют подготовке сводов, посвященных истории не одной династии, а всему историческому пути, пройденному Китаем. Строго следуя сложившемуся пониманию исторического процесса и основным принципам его интерпретации, составители сводов подходили к организации исторических материалов иначе, чем это делалось в династийных историях, и это позволяло им более полно показать некоторые особенности “конфуцианской” монархии, значительно усилить функциональный потенциал официального историописания.

Первый такой труд — “Свод уложенный” (Тун дянь) — был составлен под руководством крупнейшего танского историка Ду Ю (735–812). Он положил начало целой серии аналогичных сочинений, составление которых продолжалось по начало XX в.; она получила название “10 сводов” (Ши тун).

Родоначальником сводов иного характера, где исторические материалы излагались в хронологическом порядке, стал великий сунский историк Сыма Гуан (1019–1086). Подготовленный под его руководством труд “Всеобщее зеркало, правлению помогающее” (Цзы чжи тун цзянь) также был продолжен при последующих династиях и положил начало особому и очень представительному направлению в историописании Китая. Автор этого названия — сунский император — четко определил предназначение этого фундаментального сочинения. Несомненно, прикладной характер имел и жанр “фан чжи” (историко-географические описания), который также начинает утверждаться в китайской историографии с этого времени (его расцвет приходится на вторую половину XVII — XVIII в.). Это, видимо, самый представительный жанр в историографии императорского Китая — таких сочинений было создано около 10 тысяч.

Крупнейшим событием не только танской, но всей китайской историографии стало появление труда Лю Чжицзи (661–721) “Проникновение в историю” (Ши тун), где автор, впервые в стране, попытался обобщить опыт, накопленный к тому времени историками и высказать собственные суждения по целому ряду принципиальных вопросов историописания. Аналогичный по своему характеру и значению труд — “Проникновение в смысл литературы и истории” (Вэнь ши тун и) — появится в Китае лишь через 10 веков, его автором стал крупнейший историк того времени Чжан Сюэчэн (1738–1801).

Новые тенденции в историописании, которые заявили о себе в империи Тан, означали его выход на качественно новый уровень, где практически все процессы, которые в нем шли, определяло официальное историописание.

На долгом пути, который в своем развитии прошло историописание, особое место занимает конец XVI — первая половина XVII в. То было время серьезных перемен в обществе, сопровождавшееся прогрессирующей деградацией всей системы “конфуцианской” монархии. Официальное историописание стремительно утрачивало свои былые позиции, и на короткий срок — всего несколько десятилетий — в Китае заявило о себе историописание, не связанное с государством и не контролируемое им. Его лицо определяли труды людей нечиновных, которые нередко даже не имели ученой степени, были выходцами из горожан. Авторы нередко тяготились жесткими предписаниями официального конфуцианства и пытались по-своему взглянуть на прошлое страны и ее

настоящее. Их особое внимание привлекали бурные события конца Мин. Активность авторов этого периода была необыкновенно велика. Но эта тенденция развития не получила, она была решительно пресечена овладевшей престолом династией Цин.

Новые правители страны пришли к власти в условиях глубокого кризиса, его преодоление на долгие десятилетия становится их главной заботой. И хотя на престоле находилась инородческая династия, ставка делается на реставрацию и максимальное упрочение основ "конфуцианской" монархии. Эту проблему цинский двор пытается решить, опираясь на богатейший опыт, накопленный к тому времени китайской цивилизацией, и установив жесточайший контроль над всей сферой духовной культуры (китайские историки называют это явление "культурным абсолютизмом"). На службу новой династии был поставлен и мощный потенциал официального историописания; во внутренней политике первых цинских императоров данная проблематика занимает очень большое место. Власти сумели не только довольно быстро утвердить здесь свою монополию, но и превратили историописание в свою важнейшую опору. Именно при Цин официальное историописание окончательно превращается в важнейший государственно-политический институт империи и по своему статусу сближается с каноном.

Все это обусловило его беспрецедентный расцвет, а к середине XVIII — начале XX в. оно достигает апогея в своем развитии. В историографии этот период получил название "Историческая наука периода правления императоров Цяньлуна и Цзяцина" (Цянь Цзя шисюэ). Никогда еще в Китае не создавалось такого количества исторических трудов (в том числе и весьма фундаментальных), как в этот сравнительно небольшой (по меркам китайской истории) период. В историографическую деятельность под эгидой государства оказалась вовлечена значительная часть ученой элиты империи.

Основные усилия цинские придворные историки сосредоточили на разработке истории династии Мин и первых 150 лет царствования собственной династии. Ни одна другая династия не уделяла такого внимания созданию истории своего правления. Труды цинских ученых было завершено становление всех основных жанров исторических сочинений и оформлена их система. Но, пожалуй, самым приоритетным направлением в работе цинских придворных историков стала тотальная ревизия всего сохранившегося к тому времени наследия. Среди дошедших до нас исторических памятников трудно найти такой, который не нес бы на себе следов их работы.

Таким образом, со времени своего зарождения на заре китайской цивилизации и по конец XIX в. историописание выступает как дело преимущественно государственное, и в системе просуществовавшей более 20 веков "конфуцианской" монархии оно превратилось в особый, в весьма значимый для нее государственно-политический институт. В императорском Китае государство и историописание были органически связаны друг с другом, магистральным путем развития науки там стала официальная историография. Это предполагало не только контроль властей над историографическим процессом, но и их активное участие в нем.

Основная часть официальных трудов готовилась придворными историками, состоявшими в штате специализированных историографических служб. Все наиболее значимое из созданного ими было санкционировано императором и подлежало его обязательному утверждению; в подготовке некоторых трудов император участвовал лично. Таким образом, он выступал как субъект историографического процесса.

Важной составляющей этого процесса являлись регулярно проводившиеся властями крупномасштабные кампании, в ходе которых весьма радикальной ревизии подвергалось письменное наследие. Для "конфуцианской" монархии это была норма. Особенно активно такие кампании проводились при вступлении на престол нового императора.

плени на престол новой династии. Самая жестокая из них приходится на XVII-XVIII вв. Она получила название “литературная инквизиция” (вэньцзы юй). Применительно к историописанию они не только утверждали абсолютный контроль властей над ним, но обеспечивали преемственность историографической традиции, ее унификацию, корректировку описания династийного кризиса. Все сколько-нибудь значимые сочинения были созданы в русле официальной историографии, там трудились практически все наиболее известные историки. Современные китайские историки говорят о существовании в императорском Китае и трудов “неофициальных”, “частных” (сы). Обычно к ним относят труды, принадлежавшие кисти одного автора и созданные вне рамок государственных историографических служб. Национальная история была необычайно популярна в Китае, и многие представители ученой элиты империи посвящали ей свои произведения. Но к историческим относились лишь те из них, что соответствовали нормам государственного историописания и так или иначе были связаны с ним. Все остальные, хотя порой и содержали весьма ценную информацию о прошлом, относились к различным видам словесности, никакого отношения к подлинной истории не имеющих.

Официальный характер историографии императорского Китая определил и его концептуальную базу. Ею стало конфуцианство — государственная доктрина империи. И хотя в творчестве некоторых историков могли звучать даосские или буддийские мотивы, их понимание предназначения истории, трактовка ими исторического процесса всегда оставались конфуцианскими. Как справедливо подчеркивают современные китайские историки, никакой иной исторической науки кроме “конфуцианской” в Китае быть не могло. Это определяли как официальный статус историописания, так и проблематика, которой посвящали свои труды придворные историки. Методология государственного историописания, его ценностные ориентиры, понятийный аппарат в значительной мере были связаны с государственной доктриной империи и соотнесены с нею. В то же время конфуцианство — учение по своей сути этико-политическое, ориентированное, прежде всего, на укрепление государства и регулирование социальных процессов в обществе, — всегда опиралось на конкретный исторический материал, систематическая “подпитка” им была для конфуцианства жизненно необходима. Сделать это могла только государственная историография: интерпретируя исторический процесс в строгом соответствии с официальной доктриной, она как бы развивала канон, предоставляя все новые свидетельства действительности и абсолютной ценности ее основных постулатов, укрепляла его позиции в общественном сознании. Органическая связь историописания с каноном хорошо осознавалась в стране. Имеется также немало свидетельств того, что к середине XVIII в. власти начинают рассматривать историографию как неотъемлемую принадлежность государственной доктрины, ее мощный резерв.

Создатели китайской цивилизации рано поняли значение истории для жизни общества и государства. Она никогда не рассматривалась лишь как источник сведений о прошлом своей страны и неизменно выступала как активный фактор исторического процесса.

Уже на заре историописания первые историки—“ши” должны были помогать правителю, воздействовать на процессы, которые шли в обществе. Тогда же появилось представление о “зеркале истории” (ши цзянь). Считается, что эта концепция восходит к Чжоу-гуну. Мысль об органической связи истории с делами правления впервые была четко сформулирована в связи с созданием первой летописи “Чунь цю”. Но особую остроту проблема предназначения истории, ее места в политической практике властей приобрела при династии Хань. Ставшее тогда основой государственной доктрины конфуцианство видело в историографии важнейший инструмент утверждения своей концепции социального порядка, опору многих своих доктрин.

С этих позиций подходил к созданию "Исторических записок" отец китайской истории Сыма Цянь. Он видел в истории зеркало, вглядываясь в которое потомки будут знакомиться с опытом прошлых поколений и извлекать из него уроки. Такое понимание предназначения истории обусловило многие особенности его труда, пронизанного конфуцианской дидактикой. Так же понимал предназначение истории и другой великий ханьский историк Бань Гу (32-82). А обстоятельно разработал и обосновал эту концепцию еще один видный представитель ханьской ученой элиты Сюнь Юэ (148-209). Он не только показал значение истории для дел правления, но и рассмотрел требования, которым должен соответствовать исторический труд, чтобы выполнить эту свою функцию. Таких требований 5. История, как он считал, должна быть источником политического опыта, накопленного мудрыми государями, обладавшими китайским престолом в прошлом, она должна также разъяснять нормы официальной морали и прославлять заслуги и великие добродетели помогавших им государственных мужей.

С первых веков н.э. прикладной характер историописания, его место в системе "конфуцианской" монархии становится одной из центральных проблем, которой вплоть до XX в. были озабочены не только многие поколения китайских историков, но и власти. Приблизительно тогда же — на рубеже I и II тысячелетий — появилось и другое, значительно более емкое понятие, характеризующее самые разные грани практического использования истории в императорском Китае и имеющее очень глубокие цивилизационные корни — "цзин ши чжи юн" (служить делам правления). Понятие это возникло рано, но впервые активно использовать его стали лишь сунские историки, а особой популярностью оно пользовалось у историков империй Мин и Цин. Современные китайские ученые выделяют 4 главные функции исторического сочинения, соответствующего требованиям "цзин ши чжи юн": "цзе цзянь" (предостерегать от ошибок), "чуй сюнь" (передавать наставления), "сюй дэ" (вращивать моральную силу "дэ") и "тун бянь" (постигать причины перемен). То есть, эта концепция представляет собой развитие тех положений, которые много веков назад сформулировал Сюнь Юэ. Вплоть до конца существования "конфуцианской" монархии история рассматривалась в стране как инструмент государственной власти, ее надежная опора и резерв. То было ее главное предназначение, и это всегда считалось особым достоинством национальной историографической традиции. Труды, которые подобные функции выполнять не могли, к истории не относились. Такое понимание предназначения истории наложило отпечаток и на современную историографию КНР.

Отмеченные особенности сформировали неповторимый облик историографии Китая, ее высокую самобытность. Прежде всего, ее отличают особое, присущее только ей, видение исторического процесса и его интерпретации.

Со времени зарождения историописания в стране его центральной темой стали "дела правления", власть монарха (сакральная по своей природе), все остальное происходившее в стране интересовало китайских историков лишь в той мере, насколько это могло помочь ее раскрытию. Основное внимание они уделяли приоритетным для "конфуцианской" монархии гуманитарным аспектам жизни общества. А экономическая история страны, напрямую связанная с мироустроительными функциями правителя, интереса у придворных историков практически не вызывала. Не оставили они и трудов по всемирной истории: ее концепция в китайской культуре не сложилась и внешний мир интересовал историков тоже лишь как сфера реализации благой силы "дэ" монарха.

В изображении придворных историков, которые строго следовали политической теории "конфуцианской" монархии, суть исторического процесса, его динамику составляла последовательная смена на престоле легитимных (т.е. получивших на то санкцию Неба) династий, непрерывная цепь которых уходила далеко за горизонт достоверной истории страны. Режимы "нелегитимные" (а

таких в истории страны было намного больше), как правило, не описывались. Процесс этот был непрерывным и имел необратимый характер, в нем ничто не могло выходить за рамки, определенные теорией; отсутствие монарха на престоле было для нее неприемлемым. Смена династий означала лишь своего рода переналадку дел правления, возвращение к устоям "конфуцианской" монархии, которые начали разрушаться при предыдущей династии, утверждение забытых ушедшим правящим домом принципов. Идея поступательного развития в официальной концепции исторического процесса отсутствовала, чужда была ей и идея радикальных преобразований.

Основное свое внимание при описании исторического процесса придворные историки с древности сосредоточивали на смене династий. В центр повествования, посвященного многим векам китайской истории, династийные кризисы впервые были поставлены Сыма Цянем. Такое внимание к ним не случайно: в эти периоды жесточайшему испытанию подвергались основные постулаты официальной доктрины, определявшие нормальное функционирование "конфуцианской" монархии и жизнь общества. И придворные историки должны были дать им рациональное с точки зрения государственной доктрины объяснение, показать закономерность происшедшего, подтвердив тем самым незыблемость основ государственности. Их описание процесса смены династий должно было также продемонстрировать обществу незыблемость государственных основ, на страже которых стоит Небо. Высокая социальная значимость подобного акта несомненна. Методологической основой для историков служили специально ориентированные на истолкование династийного кризиса доктрины "Мандата Неба" (Тянь мин), ортодоксальной "преемственности власти" (чжэн тун) и некоторые другие. Для освещения процесса смены династий китайская историография располагала набором хорошо отработанных приемов и специальным понятийным аппаратом. Заняв центральное место в официальной версии исторического процесса, династийные кризисы во многом определяли ее характер и содержание.

Специфика историописания, его высокий статус и предназначение предъявляли особые требования к историку и его труду. Эта проблематика всегда привлекала пристальное внимание историков. Особый вклад в ее разработку внесли крупнейшие специалисты в этой области Лю Чжицзи (661-721) и Чжан Сюэчэн (1738-1804). Важнейшим качеством исторического сочинения должна быть его достоверность, правдивость, строгое следование фактам; излагать собственное мнение историк был не вправе. Этому придавалось огромное значение, именно здесь, по мнению историков, пролегалась грань, отделявшая историю от всей остальной словесности, где автор мог руководствоваться лишь собственным замыслом.

Уже в древности подчеркивалось, что задачей историка является — собирать "правду своего времени" и передавать ее потомкам, "прямой кистью" (чжи би), создавать достоверную, правдивую историю (ши лу, син ши). Строгое следование этому принципу было нормой, отступление от которой стоило придворному историку карьеры, а иногда трагически сказывалось на всей его судьбе. Современные историки говорят о принципе "достоверности" (синши юаньцэ) как одной из отличительных черт традиционной историографии. Что касается сочинений, где автор отступал от "правды истории", то они историей не считались и чаще всего до потомков не доходили.

В историографии Китая утвердилось представление, что подготовить труд, соответствующий высокому предназначению истории и способный быть учителем грядущих поколений, мог лишь "подлинный историк" (лан ши), которого от всех других авторов отличал набор особых только ему присущих качеств. Главным из них считалось "дэ" историка (ши дэ), только его наличие гарантировало объективность при изложении ученым событий прошлого.

Но, как утверждали китайские ученые, “правдивая история” не может быть беспристрастной, она должна была творить “суд истории”. Это предусматривал принцип “бао бянь” (хвалить достойное и осуждать дурное), которым с древности руководствовались в своей работе историки. Его реализация достигалась использованием разных средств. Огромное значение имел тщательный отбор фактов, которые должны были стать достоянием потомков: в исторической памяти общества следовало сохранять лишь те из них, что характеризовали главное в жизни “конфуцианской” монархии, значимое не только для современников, но и для далеких потомков; повседневная политическая конъюнктура интересовала придворных историков значительно меньше. При отборе явлений и фактов для исторического труда следовало ориентироваться не на соображение отдельного ученого, а на “коллективное мнение” (гун и) (оно могло заявить о себе лишь в недрах государственных историографических служб). Было бы неверным оценивать все это как преднамеренную фальсификацию истории: в Поднебесной “правда истории” понималась как жесткое соотнесение исторического повествования с государственной доктриной и потребностями “конфуцианской” монархии; иной истории там быть не могло.

Концепция “правды истории” наложила глубокий отпечаток на все историописание Китая, в том числе на методiku подготовки исторического труда, она должна была помочь читателю максимально полно овладеть уроками прошлого. Большое внимание в ней уделялось компоновке используемых материалов и расстановке акцентов, отбору лексики, обращению к историческому прецеденту. Особенно тщательно были разработаны регламенты, определявшие работу историографических служб.

К числу важнейших средств интерпретации исторического процесса, которыми пользовались придворные историки, следует также отнести самобытный, весьма сложный и необычайно хорошо отработанный понятийный аппарат. Он сложился под мощным воздействием официального конфуцианства и на его основе и в своей основной части сохранился поныне, современные историки активно пользуются им.

История в Китае всегда рассматривалась как сила созидательная: ее мощный потенциал был поставлен на службу государству, которое олицетворяла “конфуцианская” монархия, и утверждение фундаментальных ценностей, определявших ее существование. Еще одним ее важным предназначением была консолидация общества.

В условиях “конфуцианской” монархии историописание выступало как единая, хорошо организованная система. Мощное государственное начало в организации историографического процесса гарантировало его удивительную устойчивость, в Китае были созданы необычайно благоприятные условия для систематической и непрерывной фиксации фактов национальной истории на протяжении, по крайней мере, 20 с лишним веков. При этом практически неизменными в своей основе оставались понимание предназначения истории, концептуальная база историописания и его методика. Историю переписывать было не принято. Уроки, которые она преподавала, были апробированы предшествующими поколениями, легко выдерживали испытание временем и приобретали универсальный характер. Все это превращало историографию в мощную, необыкновенно влиятельную и авторитетную силу. Только такая историография и могла справиться с многочисленными сложными задачами, которые на нее возлагались в Китае.

Непрерывное существование весьма совершенной историографической традиции, ее необыкновенно высокий статус создавали мощное силовое поле, в котором на протяжении многих веков жило и развивалось китайское общество. Являясь по сути своей элитарным, историописание в Китае было ориентировано не только на ученых. Там сложилась и успешно функционировала система доведения основных фактов национальной истории до каждого жителя Подне-

бесной. Это всегда было предметом особой заботы государства. Во все времена китайцы хорошо знали историю своей страны (в ее официальной интерпретации), уровень исторического сознания общества в древнем и средневековом Китае был необычайно высок. Поэтому уроки истории были доступны практически каждому.

В зеркале своей национальной истории подданные Сына Неба видели величие и мощь китайской цивилизации, насчитывавшей десятки веков своего непрерывного существования. Причастность к ним сообщала обществу необычайную жизнестойкость и не раз помогала ему не только выстоять в экстремальных ситуациях, столь часто выпадавших на его долю, но и сохранить свою самобытность, стимулировала его консолидацию и обеспечивала превосходство Китая над окружающим миром.

“Зеркало истории” свидетельствовало, что гарантом существования общества всегда было государство в форме “конфуцианской” монархии, а его воплощением являлся легитимный правитель, получивший на то санкцию Неба. Интересы такого государства имели безусловный приоритет и с ними должны были соотноситься свои поступки общество и каждый его член.

“Зеркало истории” убеждало в незыблемости и абсолютной ценности государственной доктрины, необходимости строго следовать ее предписаниям. В нем четко была видна система ценностей, многие века определявших жизнь страны. Главными среди них всегда оставались стремление к стабильности и единству, приоритет духовного над материальным, набор сложившихся в русле конфуцианства морально-этических норм, которые обусловили взаимоотношение человека с обществом и государством, особые качества национального менталитета. Посредством “зеркала истории” общество приобщалось также к нормам политической культуры, игравшей в системе “конфуцианской” монархии огромную роль.

В Китае история выступала как главная отрасль гуманитарного знания. Некоторые ученые считали ее воплощением “дао”, полагая, что только с ее помощью можно познать суть этой важной категории официального конфуцианства. Ей отводилось центральное место в высокой словесности, и в этом своем качестве она играла первостепенную роль в формировании и сохранении официальной культуры. Ощутимые следы влияния официальной историографии несет на себе и общественная мысль Китая. Хорошо известна также роль историографической традиции в становлении художественной прозы, драмы, некоторых жанров поэзии. Реалии национальной истории органично вошли в лексику китайского языка и занимают там весьма существенное место. Особенно велико их значение в формировании “чэнъюев” (фразеологизмов, идиомов), придающих ему непередаваемый колорит. Труды придворных историков сохранили для потомков богатейшие материалы, характеризующие китайское государство, особенности жизни общества, его материальной и духовной культуры. Они являлись своего рода аккумулятором и хранителем национального культурного наследия. Мощная историческая доминанта пронизывала всю жизнь китайского общества, во многом предопределяя колорит ханьской цивилизации. Не утратила она этой своей особенности и с гибелью империи в XX в.

Китайская историографическая традиция — детище той социально-политической среды, в которой она зародилась и развивалась. Это обусловило ее необычайную самобытность и ярко выраженную специфику. И хотя многое в ней может показаться современному историку неприемлемым для своего времени она была весьма совершенна, а ее результаты уникальны и аналогов в мировой историографии не имеют.

Фонд исторических сочинений, созданный трудами китайских ученых, составляет значительную часть того, что было написано историками всего мира. В них сосредоточен уникальный по своему объему и значению материал о прошлом Китая за несколько десятков веков. Ни один другой народ мира не

имеет подобной писанной истории. Специфика этих материалов, их ценности отнюдь не умаляет, нужно лишь ясно представлять ее природу, знать код создавший эту историографию культуры. Но это — общее положение, которым должен руководствоваться специалист, обращающийся к историографической традиции, которая имеет глубокие цивилизационные корни.

* * *

Завершающим этапом развития историописания императорского Китая считают XVII-XVIII вв. Хотя официальная историография функционировала практически до последних лет существования династии, в XIX в. ее характер меняется, меняется и ее место в жизни общества и государства. Историографическая деятельность явно утрачивает в глазах властей свой былой приоритет, за величественным, как и прежде, фасадом все более отчетливо проступали признаки деградации этого института; “конфуцианская” монархия, детищем которой он являлся, доживала свои последние дни.

Как полагают современные китайские историки, по мере углубления кризиса государственного историописания империи Цин набирала силы новая, современная историческая наука. Ее ростки они видят в творчестве таких крупных историков второй половины XVIII — начала XIX в., как Чжан Сюэчэн (1738-1801), Цянь Дасинь (1728-1804), Ван Миншэн (1722-1798) и др. и говорят о начавшейся тогда “трансформации” историографии Китая, а Вэй Юань (1794-1857), Хуан Цзусянь (1848-1905), Ся Цзэнью (1863-1924), Лян Ци-чао (1873-1929), работавшие в XIX — начале XX вв., считаются уже историками новой формации. Тем самым подчеркиваются глубокие национальные корни этого процесса, преемственность историографической традиции и ее непрерывность. В действительности, путь, который современной китайской исторической науке предстояло пройти к своему становлению, был намного сложнее. Длительное монопольное положение государственного историописания, все, что делали цинские власти в XVII-XVIII вв., чтобы вдохнуть в него новую жизнь, титать этот процесс не могло. Не была готова к этому и основная часть интеллектуальной элиты империи, руками которой на протяжении нескольких поколений этот процесс реализовывался, какие-либо новации для нее были неприемлемы. Не могло не сказаться и особое положение историографии в китайском обществе, где любое посягательство на сложившиеся каноны воспринималось крайне болезненно, а исторические труды, написанные по-новому, вряд ли нашли бы своего читателя. Поэтому процесс освобождения исторической науки страны от пут прошлого и становления новой, современной историографии оказался весьма долгим, он занял значительную часть XX в.

Но с крушением монархии, прекращением государственного историописания и становлением новой, современной исторической науки огромное историографическое наследие, созданное многими поколениями китайских ученых, своего значения не утратило, оно, как и прежде, активно присутствует в жизни общества и государства. Это обусловлено, по крайней мере, двумя обстоятельствами.

Прежде всего — это серьезные преобразования, идущие в сфере духовной культуры. Они весьма остро поставили проблему культурного наследия, важнейшим компонентом которого является историография, его судьбы в современном мире. В Китае стремятся не дать прерваться культурной традиции и проводят курс на бережное сохранение основных ценностей своей цивилизации, активное приобщение к ним общества. С 80-х годов XX в. в КНР под эгидой государства развернута мощная и хорошо организованная кампания по пропаганде знаний национальной истории, ставшая важной составной частью “культурного бума”, начало которого приходится на это время. При этом за основу взят тот ее вариант, что был создан придворными историками импера-

торского Китая. Рассчитана эта кампания на максимально полный охват всех слоев населения, но особое внимание уделяется молодежи. Официальные труды положены в основу школьных и вузовских курсов по истории страны, ей посвящены различного рода научно-популярные книги, издающиеся огромными тиражами, теле- и радиопрограммы, компьютерные игры. При этом особое внимание уделяется жизни государства (а именно эта проблематика разрабатывалась придворными историками), деятельности монархов и государственных мужей, национальным героям. В КНР не только создан солидный фонд биографий правителей прошлого, но и публикуются специальные исследования, посвященные их деятельности; часть из них составляют специальную серию "императороведение" (диван сюэ). Чтобы обеспечить доступ к наиболее значимым памятникам национальной историографии максимально широкой аудитории, они переведены на современный язык, а династические истории, кроме того, вышли на компакт-диске. В результате этой широкомасштабной и целенаправленной деятельности то мощное историческое поле, которое веками умело формировала "конфуцианская монархия", а со второй половины XIX в. под влиянием различных факторов начало распадаться, не только воссоздано вновь, но приведено в соответствие с современными реалиями и обрело небывалую мощь.

Выдвижение традиционной историографии на первый план политической и общественной жизни страны стимулировал также пропагандируемый руководством КНР в последние годы тезис "Поставить древность на службу современности", который предусматривает активное использование культурного наследия при проведении политики реформ и построения социализма с китайской спецификой. Государством вновь востребован ее мощный потенциал. Это подчеркнул в своей беседе с ведущими историками Цзян Цзэминь. С рубежа XXI в. Китай вновь пристально вглядывается в зеркало своей 5000-летней истории, стремясь использовать аккумулированный там политический опыт многих десятков поколений, их уроки для решения крупных проблем, порожденных курсом на кардинальную модернизацию страны. Преимущественно конфуцианская природа историографии императорского Китая, ее органическая связь с этим учением, которое также взято на вооружение современным государством, делает обращение к ней особенно актуальным: в Китае ценности конфуцианства всегда утверждались трудами придворных историков. А активное приобщение общества к национальной истории, целенаправленное и весьма искусное формирование исторической памяти являются важным условием успешного решения поставленных задач.

По давно сложившейся и хорошо апробированной традиции материалы официальных трудов прежде всего используются для консолидации общества, обеспечения его единства и стабильности в рамках проводимых в настоящее время кампаний по воспитанию "национального духа" (цзин шэн), патриотизма, утверждения концепции "большой китайской нации" (чжунхуа миньцзу). Огромную роль произведения придворных историков играют в утверждении в общественном сознании морально-этических норм, восходящих к конфуцианству, лучших черт национального характера (многие из них также впервые были выделены Конфуцием и его последователями), некоторых норм политической культуры, сложившихся в Китае.

Таким образом, одна из древнейших историографических традиций мира и в XXI в. не утратила своего значения и, как и много веков назад (как и прежде), исправно служит обществу и государству. Ее создатели сумели заложить в нее огромный запас прочности и придать ей универсальный, вневременной характер. Аналогов этому феномену мировая историография не знает. Создав необычную яркую и продуктивную самобытную модель историописания, Китай внес существенный вклад в мировую историческую науку.

Памятные места Китая

Лоян

© 2004

В. Буров

Когда приезжаешь в Лоян, нельзя отделаться от впечатления, что это типичный провинциальный китайский город. По размаху городского строительства он уступает не только таким мегаполисам, как Чунцин, Шанхай, Пекин, Тяньцзинь, Шэньян, Ухань, Гуанчжоу, но и центру здешней провинции Хэнань — городу Чжэнчжоу. Небольшое количество высотных зданий в центре Лояна представляет собой как бы вкрапление в огромный массив домов небольшой этажности. Проходящую через весь город центральную улицу Чжунчжоу дадао (досл. улица Центральной области)¹ можно проехать на машине за 15-20 минут. В центре Лояна большое количество зеленых насаждений; бросаются в глаза женщины-полицейские, ловко управляющие дорожным движением. Регулировщиц теперь можно встретить и в больших городах, но там они менее заметны.

Лоян интересен не только тем, что он несомненно олицетворяет "китайскую глубинку". Главное состоит в том, что этот город знаменит своей историей, сыграл без преувеличения громадную роль в становлении и развитии китайской культуры. Здесь жили и творили многие известные писатели, поэты, философы, историки. В течение многих столетий он являлся либо государственной (7 раз), либо второй столицей Китая. Можно сказать, что Лоян и его окрестности — это историческая память Китая, они хранят следы волнующих событий далекого прошлого.

Удачно его месторасположение, он окружен горами, севернее его протекает река Хуанхэ, а совсем рядом — ее притоки. Согласно археологическим раскопкам первые поселения появляются в этом районе 6-7 тысяч лет назад. Согласно преданию, именно в районе нынешнего Лояна жила Цзяоши, которую ряд ученых считает прародительницей китайцев. Она принадлежала к роду, тотемом которого являлась пчела. Она была матерью двух сыновей — леген-

Буров Владислав Георгиевич, ведущий научный сотрудник Института философии РАН, профессор Московского Государственного лингвистического университета, доктор философских наук.

Автор выражает искреннюю благодарность за возможность совершить поездку в Лоян сотрудникам Отдела международных связей Сианьского университета иностранных языков Ли Хуэю, Сунь Лицзяню, Линь Чжу и Хань Дэмину. Автор выражает также глубокую признательность директору Института религии Академии общественных наук пров. Шэньси проф. Ван Яжуну за помощь при подготовке данной статьи.

дарного Хуанди и Яньди. Позднее Цзяоши вместе с младшим сыном перебралась в район горы Хуашань, а Хуанди остался в Лояне. Однако большинство китайских ученых считает данное предание недостоверным. Согласно другому преданию, именно в здешних местах Фуси увидел появление из вод Хуанхэ священной лошади с рисунками на спине, а из вод притока Хуанхэ Лошуя — священной черепахи с записями на спине. Именно благодаря этим рисункам и записям Фуси смог создать 8 триграмм, как говорят в Китае, “Небо даровало их людям”. Эти триграммы позднее составили основу классической “Книги перемен” (“Ицзин”). Один из праправнуков Хуанди — Хоу-цзы явился предком рода Чжоу, а праправнук Ци — предком рода Шань.

В XXI в. до н.э. в районе Лояна возникла династия Ся. Когда сяский Юй укротил наводнение, он разделил Китай на девять областей, местность вокруг Лояна вошла в состав области Юй (в настоящее время именно таким древним названием обозначают транспортные средства нынешней пров. Хэнань). При династии Ся Чжэньсюнь (древнее название Лояна) то становился столицей, то переставал быть ею. Именно в Лояне в XVI в. до н.э. возникла династия Шан. При династии Западная Чжоу Лоян был восточной столицей Китая, при династии Восточная Чжоу Лои (тогдашнее название Лояна) вернул себе статус государственной столицы. Лоян переживал тогда время экономического и культурного расцвета: здесь была развита кустарная промышленность, в сельском хозяйстве господствовало орошаемое земледелие, для чего было прорыто множество каналов, бурно развивалась торговля.

Именно в это время в городе жил Лао-цзы, который заведовал государственной библиотекой; существует предание, что когда Конфуций приезжал в город, он встречался с ним. В восточной части улицы Дунгань, напротив здания кинотеатра находится каменная стелла, высота которой свыше пяти метров, на ней выбита (вырезана) надпись: “Именно сюда прибыл Конфуций, чтобы спросить в Чжоу о ритуале и музыке”. В нескольких сотнях метрах от улицы Дунгань есть небольшая улочка под названием Дунтуц, в северной ее части находится стелла с надписью “Жилище, где в древности жил Лао-цзы”. По преданию именно здесь произошла встреча Лао-цзы с Конфуцием.

Согласно “Шицзи” (63-я и 47-я главы), Лао-цзы тепло принял Конфуция. Он сказал ему следующее: “Я слышал, что преуспевшие в торговле купцы прячут свои богатства, чтобы никто не знал о них, люди нравственного поведения ведут себя внешне скромно, чтобы не выделяться. Ты должен отбросить зазнайство и путаницу в мыслях, не следует предаваться ненужным размышлениям, ты должен отказаться от снисходительной манеры и греховных помыслов. Они не принесут тебе пользы”. Из встречи с Лао-цзы Конфуций вынес

*Статуя Фуси
в храме Фуси в Лояне*

следующее впечатление: “Я не знаю, как дракон, оседлав ветер, взлетает в небо, но сегодня я увидел Лао-цзы, он действительно подобен дракону!”.

В Лояне Конфуций также встретился с известным знатоком музыки Чан Хуном. Без сомнения, музыка играла важную роль в чжоуской культуре. После встречи с Конфуцием, во время которой Чан Хун подробно объяснил ему роль музыки как общественного института и принципы ее использования, он сказал сановнику, которому служил: “Я наблюдал за Чжунни (имя Конфуция — *Прим. авт.*), у него манеры совершенномудрого, в разговоре с уважением относится к Учителю, скромнен, обладает большими знаниями. Возможно, вновь появился совершенномудрый!” Лоянские историки считают, что именно после посещения их города Конфуций смог создать свое учение.

За свою историю Лоян не раз переживал времена расцвета и упадка. При династии Восточная Хань он был культурным центром Китая, началом Великого шелкового пути, в государственном университете (*тайсюэ*) обучалось свыше 30 тысяч студентов, в городе была самая крупная в Китае библиотека Дунгуань, знаменитая обсерватория Линтай. Тогда здесь жили известный астроном Чжан Хэн, открывший армиллярную сферу и теллурий, знаменитый историк Бань Гу, написавши “Ханьшу” (“История Хань”) и др.

Храм Белой лошади в Лояне

Самое же главное знамение того времени — появление в Китае буддизма, символом данного исторического события является самый первый и, естественно, самый древний в Китае храм Баймасы (в дословном переводе “Храм Белой лошади”). Его начали строить при Ханьском императоре Мин-ди в 68 г. н.э. Согласно историческим записям, однажды вечером Мин-ди было видение, что излучающий блеск золотой дух словно парит в пространстве. На другой день Мин-ди собрал сановников и стал расспрашивать их о смысле этого видения. Один из сановников сказал ему, что к западу от Китая живет дух, которо-

го зовут Будда: “Ваше величество, по-видимому, видели его”. Тогда император решил послать группу высших сановников в Тяньчжу (тогдашнее название Индии) на поиски буддийского вероучения. Совершив длительное путешествие, посланцы Мин-ди прибыли в Дауешиго (тогдашнее название Афганистана). Там они познакомились с содержанием буддийских канонов и, взяв с собой литературу и изображения Шакьямуни, отправились в обратный путь. Вместе с ними в Китай поехали два буддийских проповедника из Тяньчжу, которые занимались миссионерской деятельностью в Дауешиго. Их звали Шэмотэн и Чжужалань. Книги и изображения они везли на лошади белого цвета. В 67 г. н.э. вся группа прибыла в Лоян. Мин-ди принял двух индийских проповедников, и затем повелел построить за городскими воротами буддийский храм в соответствии с принятыми в Индии канонами. В этом строящемся храме, получившем название “Храм Белой лошади”, оба проповедника занимались переводом буддийских канонов на китайский язык. Именно им принадлежит заслуга создания первой книги китайского буддизма — “Сорокодвукнижие”.

В настоящее время Баймасы является местом паломничества последователей буддизма и одновременно туристическим объектом. Подъехав к храму, сразу попадаешь в торговые ряды, где продают сувениры, начиная с имеющих отношение к буддийской религии, и до обычного, недорогого псевдоантиквариата. Из этих рядов через проход попадаешь непосредственно на территорию храма, который начинается с входа Шаньмэнь. Такое название входа обычно для буддийских храмов. Перед ним стоит пара статуй, изображающих лошадей белого цвета, они поставлены в память тех лошадей, на которых когда-то, в I в. нашей эры в Китай доставили буддийские книги и изображения Будды. За воротами под сенью деревьев находятся могилы первых проповедников буддизма в Китае — Шамотэна и Чжужалани. Их вклад в распространение буддийского вероучения отмечен соответствующими надписями на каменных стелах.

На территории храма один за другим расположены четыре больших зала. Первый — это Зал небесных правителей (Тяньвандянь), в центре которого находится Милэфу. Он является символом счастливого предзнаменования, поэтому в храмах его статую обычно помещают в первый Зал. По обеим сторонам от него расположены изображения четырех великих небесных правителей, которые призваны охранять мир. В центре второго Зала — Зала великих Будд (Дафодянь) — Шакьямуни, а по сторонам от него — два ученика Цзяе и Анань и две бодисатвы — Вэньчжу и Цзинсянь. В буддизме они воплощают мудрость и нравственное поведение. Третий Зал — называется Зал великого героя (Дасюндянь). В буддизме великий герой — это уважительное прозвище Шакьямуни, во всех буддийских храмах подобные залы являются главными. В центре этого прекрасно декорированного Зала три фигуры наиболее почитаемых будд — Шакьямуни, Яошифо и Амитофу, которые согласно буддийским представлениям управляют тремя мирами — настоящим, прошлым и будущим. Всего в этом Зале изображения 23 будд. Наконец, последняя зала — Зала для приемов (Цзеиндянь). В этой зале обычно происходит прием будущих послушников. Главное место в ней занимает изображение Амитофу. Позади залов находится Цинлянтай, место, где император Мин-ди читал книги.

Если Баймасы является первым буддийским храмом, построенным на территории Китая, то Лунмэнь (“Ворота дракона”) оставил значительный след в развитии буддизма. В то же время это замечательный памятник средневекового зодчества на буддийские сюжеты. Мне довелось посетить его солнечным субботним днем. Уже при подъезде к Лунмэню открывается величественная панорама окутанных дымкой двух скалистых гор, расположенных по обеим сторонам реки Лошуй. Обе горы — Западная и Восточная соединены камен-

ным мостом, построенным много столетий назад. Для удобства туристов около самого входа в Лунмэнь недавно построен современный мост.

Строительство архитектурного комплекса с множеством каменных будд началось при императоре Сяо Вэньди в 493 г. V-VI вв. нашей эры и было временем наибольшего расцвета буддизма и его центра — города Лоян. В то время в нем было более 1300 храмов разной величины, самый большой из них — Юннинсы, одна из его башен (пагод) высотой в 100 китайских сажений была видна с расстояния 100 ли. В то время в Лояне жило более 400 тыс. жителей, в VI в. при династии Суй их по некоторым данным было уже свыше одного миллиона.

За 500 лет в скалах Лунмэня было создано 2345 пещер и ниш, в которых свыше 100 тысяч (!) каменных изображений будд, более пятидесяти пагод. Мастерской люд, включая мастеров-резчиков по камню, работал прямо на месте — благо материала хватало. Это была поистине титаническая работа, приходилось работать фактически “на весу”, тропинки, опоясывающие и прорезывающие горы, появились позднее. Мастера проявляли чудеса фантазии, в результате были изваяны будды разной величины и разной формы. В каменных скульптурах будды представлены неодинаково, в различных позах. Резчики по камню старались придать персонажам буддийского пантеона облик живых людей, передать не только черты их лица, но и внутренний мир. В скульптурных изображениях будд, созданных в первый период строительства комплекса, они выглядят непринужденно, у них изящный вид, тонкие черты лица, на изображениях, относящихся ко времени Танской династии, у будд ширококостные, полные лица, что придает им более грубый вид.

Самым главным памятником комплекса считается храм Фэнсянсы, по преданию его строительство стало возможным благодаря танской императрице У Цзэтянь, которая подарила Лунмэню 20 тыс. банкнот со своим изображением.

Внутри комплекса недалеко от входа есть стенд с фотографиями членов китайского руководства, посетивших Лунмэнь в разные годы, — Лю Шаоци, Чжу Дэ, Дэн Сяопина (фотография 1964 г.), Хуа Гофэна (почему-то несколько фотографий), Цзян Цзэминя, Ли Пэна, Чжу Жунцзи. Нет только фотографии Мао Цзэдуна. Когда я попросил объяснить данное обстоятельство одного из китайских туристов, он ответил, что председатель Мао был очень занят и поэтому не смог посетить Лунмэнь. Показательный ответ, говорящий об отношении нынешнего поколения китайцев к Мао Цзэдуну.

В Лунмэне находится могила выдающегося китайского поэта Бо Цзюйи (772-846 гг.). Он неоднократно бывал в Лояне, часто подолгу жил здесь, а в 820 г. переехал сюда, выражаясь современной терминологией, на постоянное местожительство. В последние годы своей жизни Бо Цзюйи жил в Ароматном храме (Сяншаньсы), находившемся в середине Восточной горы и существующем до сих пор. Строительство этого храма началось еще в 516 г., при династии Тан он был значительно расширен. Поскольку Бо Цзюйи любил одиночество, он получил прозвище “Отшельник из Ароматного храма”. После своей смерти он был похоронен недалеко от храма — в Байюане.

Местность, окружающая Ароматный храм, привлекала многих видных политиков. Здесь в окружении своих сановников любила прогуливаться У Цзэтянь, сюда приезжал цинский император Цяньлун. Когда в 1932 г. нанкинское правительство переехало в Лоян, недалеко от Ароматного храма для Чан Кайши и Сун Мэйлин был специально построен загородный дом. Именно здесь Чан Кайши отметил свое пятидесятилетие.

Комплекс Лунмэнь является одним из трех подобных памятников в Китае. Два других, где также большое количество изваяний каменных будд, находятся в пров. Ганьсу — известные пещеры Дуньхуан и в пров. Шаньси —

Юнган. В ноябре 2000 г. ЮНЕСКО включило Лунмэнь в список памятников мирового культурного наследия.

При династии Тан Лоян был одним из самых крупных городов Азии. Кроме Бо Цзюйи здесь творили Ли Бо и Ду Фу (могила последнего также находится в районе города, к востоку от него). В Лояне жил известный буддийский проповедник Сюань Цзан (602-664). Как известно, он совершил путешествие в Индию, где пробыл 16 лет. В совершенстве овладев буддийским вероучением, он вернулся в Китай. С собой Сюань Цзан привез 615 томов буддийской литературы и всю оставшуюся жизнь занимался их переводом на китайский язык. После смерти он был похоронен рядом со своим домом — в 40 километрах к юго-востоку от Лояна.

После падения династии Тан Лоян постепенно теряет былое величие, поскольку столица вначале была перенесена в Кайфын, а затем в Пекин. Город разрушали 5 раз при следующих династиях. Однако и при династии Сун в Лояне продолжала существовать культурная жизнь. Сыма Гуан написал здесь "Всеобщее зеркало, помогающее в управлении" ("Цзычжи тунцзянь"), именно в этом городе фактически возникло сунское неоконфуцианство — *лсюэ*, ибо здесь творили его основатели Шао Юн (1011-1077) и братья Чэн — Чэн И (1032-1055) и Чэн Хао (1033-1107). Шао Юн приехал в Лоян, когда ему было тридцать лет. Будучи бедным конфуцианцем, он смог построить в окрестностях Лояна на берегу реки лишь соломенный шалаш, который "продували ветры и поливали дожди". Жившие поблизости люди смеялись над Шао Юном, но он не обращал на них внимания. Позднее Сыма Гуан и другие друзья помогли ему с жильем, а питался он тем, что давал его клочок земли. Несмотря на трудности он не жаловался, поэтому его называли "Господином покоя" (Аньлэ сяньшэн). В конце концов Шао Юн приобрел уважение жителей Лояна, они приходили к нему за советами, стремились воспринять его нравственные принципы. Когда Шао Юн заболел, Сыма Гуан и братья Чэн не отходили от него. Чэн И написал надгробную эпитафию, в которой прославлял его великую ученость.

В районе Лояна находится также могила братьев Чэн. Как известно, они положили в основу мироздания универсальный принцип "*ли*", выдвинули принцип: "Следовать Небесному пути и подавлять человеческие желания". В последующие столетия вокруг этого принципа шли оживленные дискуссии. Соединив вместе конфуцианство, даосизм и буддизм, Шао Юн и братья Чэн создали новую философскую систему — *лсюэ* (учение из Лояна), позднее оно получило название — *лсюэ*. После смерти братьев Чэн их стали называть Учителя. В средние века около могил братьев проводился обряд поклонения их духам, сюда приезжали видные сановники, позднее эта традиция прервалась и была восстановлена только в 1985 г. Теперь каждый год потомки братьев Чэн из разных мест в день поминовения предков приезжают на их могилы.

В районе Лояна на разных расстояниях от города находятся свыше двадцати захоронений, в том числе основателя Ханьской династии Гуань У-ди, танского Гао-цзуна Ли Чжи и сына У Цзэтянь — Ли Хуна. Она отравила его ядом, подмешанным в вино, когда узнала, что Ли Хун встал на сторону отстраненного ею от власти отца. Однако поскольку он был сыном У Цзэтянь, она не могла не испытывать скорбь. По ее повелению ему были устроены похороны согласно императорскому ритуалу, она назвала его "преданным сыном" и соорудила громадный памятник на его могиле.

Величественное впечатление оставляет расположенный в 8 км к югу от Лояна мемориал Гуаньлин — место захоронения видного военачальника Гуань Юя (160-219 гг.), который являл собой пример преданности долгу. Как известно, в Китае всегда ценились две добродетели: преданность долгу (*чжун*) и сыновья почтительность (*сяо*). Деятельность Гуань Юя проходила в период

Троецарствия, тогда существовали три царства — Вэй, Шу и У. Гуань Юй был сановником царства Шу. После гибели Гуань Юя в бою с войсками царства У, правитель передал его тело Цао Цао с тем, чтобы усилить вражду между Вэй и Шу, но Цао Цао не поддался на провокацию. Гуань Юй был похоронен с княжескими почестями. В течение последующих столетий его всегда прославляли как сановника, верного своему долгу. Цинский император Юнчжэн присвоил ему звание “мудрый военный”. Согласно китайской погребальной традиции могилы императоров называются усыпальницами (*лин*), могилы князей — могильными холмами (*чжун*), а могилы “мудрых людей” — лесом. Поэтому место захоронения Конфуция имеет название “Лес Конфуция” (*Кунлин*), Гуань Юя — “Лес Гуань Юя” (“*Гуаньлин*”),

Лоян оставил свой след и в истории даосизма. Здесь длительное время жил Лао-цзы, здесь возник религиозный даосизм, здесь прошел первый диспут между даосами и буддистами. В VII в. н.э. при Танах в честь Лао-цзы был построен храм Шанцин (Храм Рая в даосском понимании — *Прим. автора*). На внутренних стенах храма изображены пять танских императоров, которые покровительствовали даосизму.

В 40 километрах от Лояна находится местечко Дукан Сяньчжуан, по преданию именно здесь Ду Кан, живший при династии Чжоу, создал одноименное вино, упоминание о котором есть в “Каноне вина” (“Цзюцзин”) и “Истории вина” (“Цзюши”).

В 1949 г. в Лояне проживало всего лишь 90 тыс. человек, в настоящее время в самом городе — более одного миллиона жителей, а в большом Лояне с входящими в него волостями — 6 млн. В городе большое количество предприятий тяжелой промышленности, многие из которых, по словам местного таксиста, “лежат”.

В последние годы Лоян начинает приобретать современный вид. Об этом можно судить хотя бы по транспортным развязкам при въезде и выезде из города с применением последних достижений инженерной мысли.

В Лояне вот уже свыше 1500 лет существует культура выращивания пионов. Сейчас их здесь более 300 видов. Начиная с 1983 г. ежегодно в середине апреля в городе проводится “выставка пионов”, на которую приезжают гости не только из других городов Китая, но и из-за рубежа, особенно из Японии, где также любят эти цветы.

В день открытия выставки по центральной улице шли нарядно одетые люди, играли оркестры, которые направлялись в парк Ванчэн, где проходила выставка. Обилие пионов различной окраски радует глаз; всего в парке их более десяти тысяч, естественно, что посетители стремятся сделать как можно больше фотографий. В парке работают аттракционы. В общем, настоящий праздник! Можно еще добавить, что Лоян известен и своими особыми яствами, в частности, рыбой долголетия (“*чаншоу юй*”), которая содержит целебные питательные вещества.

Далеко Лоян от России, но и здесь есть русские люди. В дни моего пребывания в городе газета “Вечерний Лоян” в номере от 15 апреля 2004 г. опубликовала фотографию врача Александра Борисова, офтальмолога по специальности. В заметке сообщалось, что он в 1974 г. окончил Ленинградский медицинский институт, работал в Анголе и вот уже четыре года живет в Лояне; он помог улучшить зрение нескольким сотням местных жителей, за что удостоен почетного звания “Отличник здравоохранения города Лоян”...

-
1. В древности Китай подразделялся на девять областей. Территория вокруг Лояна относилась к Центральной области.

В Обществе российско-китайской дружбы

Юбилейные даты в истории КНР и российско-китайских отношениях

© 2004

Г. Куликова

15 октября 2004 г. в Москве состоялось торжественное собрание, посвященное 55-й годовщине Китайской Народной Республики, 55-летию российско-китайских дипломатических отношений и 55-летию Общества китайско-российской дружбы.

В нем приняли участие руководители МИД РФ, депутаты Государственной Думы, представители правительства г. Москвы и других государственных и общественных организаций, активисты Общества российско-китайской дружбы из Москвы и его региональных отделений. Китайскую сторону представляли прибывшая в Москву делегация Китайского народного общества дружбы с заграницей во главе с заместителем Председателя Постоянного Комитета ВСНП Исмаилом Аймагом, сотрудники Посольства КНР в РФ во главе с Временным поверенным в делах КНР в РФ, Полномочным министром Чэнь Гопином и большая группа китайцев, работающих или обучающихся в Москве.

Торжественное собрание открыл Почетный Председатель Общества российско-китайской дружбы, академик С.Л. Тихвинский, только что прибывший из Пекина и принимавший там участие в торжественных мероприятиях по случаю юбилейных дат КНР и российско-китайских двусторонних отношений. Он отметил, что широкая общественность России приветствует, одобряет и поддерживает курс, направленный на укрепление дружбы, добрососедства и взаимовыгодного сотрудничества между нашими странами и народами.

На собрании с докладом выступил Председатель Общества российско-китайской дружбы, директор Института Дальнего Востока РАН, академик М.Л. Титаренко. Докладчик подчеркнул, что 55-годовщину КНР трудящиеся Китая встречают огромными успехами в экономической, социальной, культурной и научной сферах. За 25 лет осуществления экономических реформ и политики открытости страна совершила гигантский скачок в своем социально-экономическом развитии. По абсолютным цифрам ВВП Китай вышел на 5-е место в мире, страна планомерно и поступательно решает задачу учетверить к 2020 году валовой внутренний продукт; по уровню благосостояния решить за-

Куликова Галина Вениаминовна, Первый заместитель Председателя Общества российско-китайской дружбы.

дачу обеспечения среднего благоденствия, приблизиться к уровню среднеразвитых стран, превратиться в самую большую торговую державу Восточной Азии. Вместе с тем, сохраняя направленность курса реформ и политики открытости, новое руководство Китая во главе с Ху Цзиньтао внесло существенные коррективы в осуществление политики реформ. Впервые в истории Китая в качестве основы развития страны стал рассматриваться человек, забота о его жизни, повышении его культуры, развитии его способностей. Рассматривая вопрос о месте Китая в мире, в качестве благоприятствующего фактора новое руководство страны называет “восстановление сил России”, развитие добрососедства, дружбы, сотрудничества и стратегического взаимодействия между Китаем и Россией.

Большое внимание в докладе было уделено российско-китайским отношениям. За 55 лет, прошедших со времени установления дипломатических отношений между нашими странами, отметил академик М.Л.Титаренко, Россия и Китай прошли большой и непростой путь: от отношений между дружественными государствами, через период спада вплоть до вспышки конфронтации — к отношениям конструктивного партнерства, перешедшим в стадию партнерства и стратегического взаимодействия. Венцом этой системы стал Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве от 16 июля 2001 г., который определил магистральные направления расширения и углубления российско-китайских отношений.

Приверженность руководителей России и Китая к дальнейшему укреплению и развитию добрососедства, партнерства и стратегического взаимодействия была подтверждена в ходе состоявшегося 14-16 октября с.г. официального визита в КНР Президента РФ В.В. Путина. Во время визита произошло поистине историческое событие — была окончательно определена линия российско-китайской границы. Успешно завершены российско-китайские переговоры по вопросу присоединения России к Всемирной торговой организации. В Совместной декларации глав государств Российской Федерации и Китайской Народной Республики подведены итоги реализации договора 2001 года и намечена линия на углубление сотрудничества в различных практических областях. Было подписано 13 исключительно важных документов, среди которых крупные проекты в области энергетики, включая нефтепровод Тайшет-Дацин, строительство ядерных электростанций, объектов машиностроения, электротехники, создание в России совместных перерабатывающих предприятий, значительное расширение инвестиционного сотрудничества и взаимодействия в сфере высоких технологий, в области науки, образования, спорта и т.д. Был принят российско-китайский План действий на 2005-2008 гг., представляющий собой программу дальнейшей реализации Договора 2001 г. Этот документ охватывает практически все сферы сотрудничества и насыщен конкретными мероприятиями, направленными на то, чтобы вывести российско-китайское взаимодействие на качественно новый, более высокий уровень. Руководители наших стран поддержали инициативу объявления 2006 года — Годом России в Китае, а 2007 год — Годом Китая в России. Реализация этой инициативы, несомненно, послужит укреплению взаимопонимания, расширению связей и контактов между народами двух наших стран.

Большое внимание в докладе было уделено деятельности народной дипломатии в интересах укрепления сотрудничества и доверия между нашими странами и народами. Одну из главных ролей в этом процессе играют Общества российско-китайской и китайско-российской дружбы. Деятельность ОРКД в центре и его региональных отделений в Санкт-Петербурге, Новосибирске, Хабаровске, Екатеринбурге, Владивостоке и других регионах имеет важное значение для создания здоровой атмосферы дружбы, добрососедства и сотрудни-

чества между Россией и Китаем. В своем выступлении М.Л. Титаренко сообщил о том, что в целях содействия популяризации знаний о нашем великом соседе, Общество российско-китайской дружбы по случаю 55-летних юбилеев КНР и наших двусторонних отношений совместно с Посольством КНР в РФ проводит среди учащейся молодежи викторину на тему: "Знаете ли Вы Китай?". В этом году открыт сайт Общества, на котором помещены материалы о его истории, регулярно освещаются проводимые им мероприятия.

Много теплых слов в докладе было сказано о нашем китайском партнере — Обществе китайско-российской дружбы, созданном на четвертый день после провозглашения КНР, которое возглавляет видный государственный и общественный деятель Чэнь Хаосу, являющийся одновременно Председателем Китайского Народного общества дружбы с зарубежными странами.

От имени Министерства иностранных дел РФ участников торжественного собрания приветствовал заместитель министра С.С. Разов. Подчеркнув историческое значение итогов государственного визита в КНР Президента РФ В.В.Путина, внесшего огромный вклад в поступательное развитие российско-китайских отношений, С.С. Разов отметил большое значение деятельности обществ российско-китайской и китайско-российской дружбы для расширения социальной базы двусторонних отношений.

Председатель Постоянного Комитета Всекитайского собрания народных представителей Исмаил Аймак поздравил россиян с юбилейной датой — 55-й годовщиной установления российско-китайских дипломатических отношений. Он подчеркнул большое значение, которое уделяется в Китае итогам первого визита в Россию Председателя Постоянного Комитета ВСНП У Банго, знаменующего дальнейшее развитие китайско-российских межпарламентских связей, пребыванию в России в сентябре с.г. Премьера Госсовета КНР Вэнь Цзябао и подписанному им и председателем Правительства РФ М.С. Фрадковым Совместному заявлению, свидетельствующему о наполнении конкретным содержанием российско-китайского партнерства и стратегического взаимодействия.

Историческим событием назвал Исмаил Аймак официальный визит в КНР Президента РФ В.В. Путина, поднявший на новый уровень весь комплекс двусторонних отношений. Он сообщил участникам торжественного собрания о том, что вместе с послом РФ в КНР И.А. Рогачевым принимал участие в мероприятиях, которые Китайское народное общество дружбы с заграницей и Общество китайско-российской дружбы организовали по случаю знаменательных юбилеев в российско-китайских отношениях: в торжественном вечере, выставке картин Гао Мана — члена правления Общества китайско-российской дружбы, известного художника, переводчика и знатока русской и советской литературы, а также в презентации в Пекине художественного полотна народного художника России И.С. Глазунова "Великий Китай".

Временный поверенный в делах КНР в РФ, Полномочный министр Чэнь Гопин от имени Чрезвычайного и Полномочного посла Лю Гучана выразил благодарность организаторам торжественного мероприятия. "Китайский народ никогда не забудет, — подчеркнул Чэнь Гопин, — что пятьдесят пять лет тому назад советское правительство первым установило с новым Китаем дипломатические отношения и оказало ему ценную поддержку и помощь в строительстве".

55-летние юбилеи КНР, российско-китайских дипломатических отношений были отмечены в Санкт-Петербурге, Хабаровске, Екатеринбурге, Новосибирске, Владивостоке, Чите, Благовещенске, Рязани, Орле, Калуге, Нижнем Новгороде и других регионах России.

В деятельности Общества российско-китайской дружбы 2004 год проходил под знаком подготовки и проведения юбилейных мероприятий. 19-24 мая

с.г. Председатель Общества, академик М.Л. Титаренко в составе делегации Росзарубежцентра во главе с его руководителем В.В. Терешковой посетил Китай. Делегация была приглашена в Пекин для участия в праздновании 50-летия Китайского Народного общества дружбы с заграницей — лидера китайской народной дипломатии, осуществляющего контакты более чем с 550 организациями дружбы в более чем 130 странах мира. На торжественном собрании, посвященном юбилею, В.В. Терешкова и М.Л. Титаренко имели встречи с Председателем КНР Ху Цзиньтао и членом Госсовета КНР Тан Цзясюанем. Руководители Росзарубежцентра и Общества российско-китайской дружбы подписали план сотрудничества с китайскими партнерами, на 2004-2005 гг.

Под знаком юбилейных дат Общество совместно с ИДВ РАН провело 5 июня с.г. торжественное заседание, посвященное 100-летию со дня рождения видного государственного и партийного деятеля КНР Дэн Сяопина. В течение августа с.г. гостями Общества российско-китайской дружбы были делегации Синцзян-Уйгурского автономного района, Тибета, провинций Хэбэй и Юньнань, городов Пекина и Тяньцзиня. В сентябре с.г. в Москве с большим успехом прошла выставка полотен китайских художниц Ду Хэн и Го Юньцзюань — членов правления Общества китайско-российской дружбы. Их работы, разные по манере исполнения, написанные в традиционном стиле “гохуа” и маслом, были полны любви не только к Китаю и его культурным ценностям, но и к России.

В связи с тем, что 2004 год был назван руководителями наших стран Годом молодежи, Общество российско-китайской дружбы приняло участие совместно с китайскими представителями в Международной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Н.А. Островского.

Общество российско-китайской дружбы также участвовало в проходивших в период с 25 октября по 5 ноября с.г. Днях культуры Китайской Народной Республики в Российской Федерации, организованных Министерством культуры и массовых коммуникаций РФ и Федеральным агентством по культуре и кинематографии. Дни культуры КНР в России открылись 27 октября с.г. гала-концертом мастеров искусств Китая на новой сцене Российского Государственного Академического Большого театра. Жители Москвы, Санкт-Петербурга, Владимира, Костромы и Хабаровска имели возможность познакомиться с театром Пекинской оперы, народным художественным ансамблем провинции Юннань, вокальным ансамблем национальности “Дун” провинции Гуйчжоу, выдающимися представителями китайского музыкального искусства — известным шанхайским дирижером Чэнь Сеяном, пианисткой-лауреатом международных конкурсов Сюй Цзинь, китайским “соловьем” — лауреатом XII Международного конкурса имени Чайковского У Бися, лауреатом Всекитайских и международных конкурсов Ван Хайтао, лауреатом XI Международного конкурса имени П.И. Чайковского, скрипачкой Хуа Бинь и многими другими представителями китайской творческой интеллигенции.

Научная жизнь

Зинин А.

Международная конференция по современной истории Китая [«Современный Китай и окружающий мир (1949-2004)», Пекин, 27-29 сент 2004 г.]

В преддверии 55-й годовщины образования КНР 27-29 сентября 2004 г. в Пекине состоялась международная конференция "Современный Китай и окружающий мир (1949-2004)", организованная Институтом современной истории Китая и проведенная им совместно с Советом КНР по изучению национальной истории. В работе симпозиума, помимо ученых КНР, приняли участие китаеведы США, России, Японии, Швеции, Австралии, Тайваня, САР Гонконг и Макао.

В приветственном слове на церемонии открытия форума директор Института современной истории Китая, вице-президент АОН КНР Чжу Цзяму отметил большую работу, проведенную сотрудниками института, созданного в 1990 г. по инициативе ЦК КПК, в становлении и развитии новой для китайских обществоведов научной дисциплины "Национальная (общегосударственная) история" (*гоши*). Было подчеркнуто, что большой вклад в становление данной области истории внесен также зарубежными исследователями, такими как Дж. К. Фэйрбэнк, Э. Фогель, Р. Майснер, С.Л. Тихвинский, М.Л. Титаренко и др.

В выступлении Президента АОН КНР, заместителя председателя НПКСК Чэнь Куйюаня, являющегося также председателем Совета по изучению национальной истории, был дан краткий обзор развития КНР с момента ее основания. Было отмечено, что, несмотря на серьезные ошибки, допущенные на ряде этапов этого развития, выбор китайским народом социализма — правильный, и что "только социализм спасет Китай".

В докладе заместителя директора Института изучения документации ЦК КПК Цзинь Чунци были суммированы основные достижения первого года существования Китайской Народной Республики.

В выступлении академика РАН С.Л. Тихвинского события нескольких месяцев и недель, предшествовавших провозглашению 1 октября 1949 г. Китайской Народной Республики, были описаны через призму личных воспоминаний автора, которому в качестве советского дипломата и китаеведа довелось в тот период принимать непосредственное участие во многих важных мероприятиях и тесно общаться с рядом высших руководителей КПК. С.Л. Тихвинский особо отметил тот факт, что в первые годы существования КНР помимо дипломатических каналов связи между руководителями двух стран Сталиным и Мао Цзэдуном существовал и активно использовался прямой канал личной связи. Ставшие недавно доступными документы позволяют более точно понять характер отношений между этими двумя лидерами.

Профессор Гарвардского университета Э. Фогель (США) посвятил свое выступление оценке роли Чэнь Юня в современной истории Китая, самой

большой заслугой которого, по мнению докладчика, стало его участие в восстановлении разрушенной многолетней войной экономики Китая в период 1949-1952 гг.

В докладе бывшего заместителя директора Института истории партии ЦК КПК Гун Юйчжи о диалектике соотношения элементов преобразования и преемственности при переходе от эпохи Мао Цзэдуна к периоду правления Дэн Сяопина был сделан вывод о том, что в период правления Дэн Сяопина удалось органически соединить реформы, исправление многих ошибочных установок и принципов с сохранением базовых достижений предшествующего развития.

В докладе профессора Китайского Аомэньского университета Ян Юньчжуна был проанализирован опыт осуществления формулы "одно государство — две системы" применительно к политическому, экономическому и социальному развитию САР Аомэнь (Макао). Автор назвал эту формулу Дэн Сяопина "воплощением мудрости китайской цивилизации".

В докладе заместителя директора Института истории партии ЦК КПК Чжан Цихуа анализировались некоторые ошибочные политические устански периода 1956-1978 гг. Автор отметил, что в объяснении допущенных в тот период развития КНР ошибок и негативных явлений нужно вычленять следующие факторы: особенности той эпохи, внутренние и внешние факторы, факторы объективного и субъективного свойства, влиявшие на сознание партийных и государственных деятелей, пережитки старого феодального мышления, чрезмерную централизацию власти в партии и государстве, недостаток демократизма и проявления культа личности руководителя.

В докладе профессора Китайского народного университета У Ифэна был проанализирован путь развития экономической мысли в Китае от представлений Мао Цзэдуна о товаре производстве при социализме до формирования современной концепции социалистической рыночной экономики.

В докладе заместителя директора Института азиатско-тихоокеанских исследований Университета Васэда Линь Хуасина (Япония) были затронуты вопросы экономического развития Китая и региональной интеграции в Азии. Автор полагает, что продвижение в деле создания региональных интеграционных механизмов будет важнейшей тенденцией развития АТР на ближайшие 8-10 лет.

В докладе профессора Института экономики АОН КНР Дун Чжикая сохранился анализ позитивных и негативных фактов в связи с вступлением Китая в ВТО.

В своем докладе заместитель директора ИДВ РАН д.и.н. В.Я. Портяков (Россия) проанализировал некоторые особенности модернизации китайской экономики. Автор отметил, что избранная китайским руководством стратегия "догоняющего" развития оказалась в целом эффективной, однако по ряду важных показателей (как, например, цель войти в первую сотню стран по подушевому ВВП) пока не удалось достичь намеченных рубежей. Китаю одновременно приходится осуществлять по сути две модернизации (индустриализацию и информатизацию). Возникающие на этом фоне различные дисбалансы и трудности дополняются растущим разрывом между разными регионами страны. Все это требует нового уровня осмысления проблем и новой стратегии.

В докладе профессора Института экономики АОН КНР У Ли на фоне исторических сопоставлений была показана непростая обстановка в современной китайской деревне, в которой наблюдается разрыв между объемом полномочий и ответственности низовых органов власти и неадекватной финансовой базой местных правительств.

В выступлении директора Института Японии АОН КНР Цзян Лифэна анализировалось значение проблемы Тайваня при подготовке нормализации дипломатических отношений между Китаем и Японией в 1972 г., а также на современном этапе развития японо-китайских двусторонних связей.

Бывший ректор Пекинского университета Лян Чжу, опираясь на новые документы, рассказал об усилиях Мао Цзэдуна, который начиная с середины 1950-х гг. пытался установить непосредственный диалог с тайваньскими властями в целях создания третьего в китайской истории XX века единого фронта между КПК и Гоминьданом.

В докладе профессора Сиднейского университета Ф. Тэйвза (Австралия) содержались некоторые итоги изучения его автором периода между смертью Чжоу Эньлая и арестом так называемой "банды четырех" в 1976 г. Автор пришел к выводу, что предыдущие исследования переоценивали степень сплоченности "четверки", преувеличивали роль Е Цзяньина в разгроме этой группы.

В докладе ведущего научного сотрудника ИДВ РАН Н.Л. Мамаевой (Россия) содержался вывод о том, что процесс преобразований в современном Китае отличается высокой степенью воплощения принципов преемственности и развития. Представители третьего, а затем и четвертого поколений руководителей на основе обобщения всего положительного опыта предшествующей работы смогли на объективной основе подойти к выработке принципов стратегии, отвечающих современным условиям.

Выступление директора Института журналистики АОН КНР Инь Юньгуна было посвящено персональному составу группы высших руководителей, сыгравших ключевую роль в разгроме "банды четырех". Основная инициатива в то время, по убеждению исследователя, принадлежала Хуа Гофэну. Однако он смог осуществить свою инициативу лишь при поддержке таких деятелей, как Е Цзяньин, Ли Сяньнянь, Ван Дунсин, У Дэ, У Чжун и др.

В докладе профессора Стэнфордского университета Э. Уолдера (США) разбирались вопросы возникновения различных противоборствующих группировок в среде хунвэйбинов в первые месяцы культурной революции. Автор постарался на примере рабочих групп Пекинского университета, действовавших в июне-июле 1966 г., выяснить социальное происхождение представителей отдельных группировок.

В докладе секретаря парткома Института марксизма-ленинизма АОН КНР У Эньюаня содержался сравнительный анализ процесса реформирования в Китае и в России накануне и после распада Советского Союза. Хотя в послевоенный период советскому руководству не удалось отказаться от сверхцентрализованной модели управления экономикой, отметил докладчик, все же при Хрущеве, Косыгине и Брежневе проводились реформы, решавшие противоречия своего времени. По сравнению с СССР эпохи М.С. Горбачева, где стремление руководителей вместо трудной, но необходимой экономической реформы заняться полной переоценкой истории привело к идеологической путанице и способствовало росту конфликтности, в Китае принятое в 1981 г. "Решение по некоторым вопросам истории партии с момента основания Народной Республики" сыграло в процессе реформ стабилизирующую и сплачивающую роль.

В докладе профессора Университета Айдзи (Япония) Мицуюки Кагами анализировалось соотношение принципов внешней политики Китая в период после Иракской войны и основных установок в области внутренней политики, где наряду с необходимостью углубления экономических реформ появилась проблематика совершенствования механизмов управления и демократизации процесса принятия решений.

В докладе заместителя директора ИСАА при МГУ А.Н. Карнеева (Россия) рассматривались вопросы геополитического контекста усилий китайского руководства по развитию связей с новыми государствами Центральной Азии, а также проблемы совпадения и расхождения интересов крупных государств в этом регионе.

В докладе члена Исполнительного совета правительства САР Сянган Сун Сяочуна формула “одно государство — две системы” была рассмотрена на примере развития САР Сянган.

Заместитель директора Института международных отношений Центральной партийной школы при ЦК КПК Гун Ли посвятил свой доклад роли Китая в треугольнике “США-СССР-КНР” в 1970-е — 80-е гг. Начиная с 1982 г., по мнению автора, Дэн Сяопин и другие китайские лидеры больше не стремились к созданию единого фронта против СССР. Китай нормализовал отношения с СССР, но при этом смог сохранить нормальные отношения с США и тем самым, избежав вовлеченности в борьбу двух сверхдержав, завоевал себе дополнительное дипломатическое пространство.

В выступлении директора Института новой истории Академии Синика Чэнь Юнфа (Тайвань) были поставлены вопросы унификации подходов к пониманию событий последних пятидесяти лет историками по обе стороны Тайваньского пролива. Развитие КНР, начиная с момента ее основания, по мнению автора, бросает явный вызов марксистскому историческому детерминизму. Если отказаться от этого детерминизма, можно увидеть, что между “старым Китаем” и Китаем Мао Цзэдуна было не меньше элементов преемственности, чем пресловутого революционного отрицания. Наиболее отчетливо этот элемент преемственности виден в стремлении китайских руководителей до и после 1949 г. сementировать и реконструировать по шаблону евро-американских национальных государств некую общность под названием “Китай”.

В целом работа конференции, вызвавшая живой интерес китайской научной общественности и освещавшаяся в средствах массовой информации, позволила подвести определенный итог современному состоянию изучения истории КНР и укрепить связи между различными научными центрами, занимающимися этой проблематикой.

Вашин В.
[Рецензия] // ...

Рецензии

Рецензия: Цянь Цичэнь. Вайцзяо шицзи
[Десять очерков по проблемам внешней политики].
— Пекин: Шицзе чжиши чубаньшэ, 2003 г.

Книга Цянь Цичэня "Вайцзяо шицзи" ["Десять очерков по проблемам внешней политики"] написана автором на основе его более чем 20-летнего опыта работы на высших руководящих должностях во внешнеполитических структурах КНР (заместитель министра иностранных дел, министр иностранных дел, член Госсовета). В предисловии автор специально указывает, что книга не является переработанным изданием его личных записей и дневников, относящихся к этому периоду; более того, Цянь Цичэнь утверждает, что подобных личных записей он никогда не вел — привычка, приобретенная за 7 лет подпольной партийной работы, выпавших на долю Цянь Цичэня еще до образования КНР.

В структурном отношении книга состоит из предисловия и десяти очерков, затрагивающих крупнейшие достижения китайской внешней политики за период 1980-х — начала 2000-х гг. Два из них посвящены теме отношений Китая с нашей страной — "Нормализация советско-китайских отношений" и "От СССР к России". Таким образом, тематике связей КНР с СССР и Россией в книге уделено больше места, чем отношениям с любым другим государством. Другие очерки посвящены китайской политике в отношении камбоджийской проблемы, роли китайской дипломатии в иракской проблеме, действиям МИД КНР в период кризиса 1989 г., вызванного событиями на площади Тяньаньмэнь, визиту Цянь Цичэня в Японию в 1989 г., его пребыванию на форуме АТЭС в Сеуле в 1991 г. и нормализации отношений с Республикой Корея, а также политике в отношении стран Африки. Приложением к книге являются пять лекций, прочитанных автором в Институте международных отношений Пекинского университета.

Наибольший интерес для российского читателя естественно представляют два раздела, посвященных советско-китайским и российско-китайским отношениям.

Книга открывается очерком о нормализации российско-китайских отношений. Данный раздел наиболее интересен не только в связи с тем, что напрямую касается нашей страны, но и потому, что в силу относительной хронологической удаленности описываемых событий автор в наибольшей степени позволяет себе выражать при их изложении личные оценки и личную точку зрения. Другие разделы книги, описывающие более поздние события, зачастую представляют собой всего лишь авторское изложение известной точки зрения на рассматриваемые проблемы официальных органов КНР.

Цянь Цичэнь начал курировать советское и восточноевропейское направления внешней политики КНР еще до своего назначения в апреле 1982 г. заместителем министра иностранных дел.

Состояние советско-китайских отношений в 1982 году он оценивает следующим образом:

"В это время СССР и КНР существовали в обстановке противоборства. СССР располагал миллионной армией, развернутой на границе с Маньчжурией и в Монголии, поддержал вьетнамское вторжение в Камбоджу в конце 1970-х гг. и ввел войска в Афганистан. Все это создало прямую угрозу безопасности нашего государства.

Лед толщиной в 3 чи не растает за один день. Можно сказать, что с конца 1950-х вплоть до конца 1980-х гг. советско-китайские отношения прошли через три десятилетия периода. Период 1959-1969 гг. можно назвать временем идеологической войны; период 1969-1979 гг. был временем

противостояния; 1979-1989 гг. были временем переговоров. В эти периоды между государствами шла холодная война, но имели место и "горячие" конфликты" [с. 4].

Важно отметить, что, касаясь вопросов советско-китайского противостояния 60-80-х гг. XX века, Цянь Цичэнь воздерживается от попыток дать моральную или эмоциональную оценку действиям сторон и ограничивается замечанием, что в основе противостояния лежали идеологические расхождения сторон, а не их национальные интересы. В целом, начиная с Дэн Сяопина, противопоставление внешней политики Китая, "основанной на национальных интересах" и политики до Дэн Сяопина, "основанной на идеологии", встречается в книге неоднократно, причем сам автор, конечно же, является твердым сторонником прагматического подхода.

Несомненный интерес представляет описание автором процесса принятия китайским руководством решений в пользу нормализации отношений с СССР.

По мнению Цянь Цичэня, отправной датой начала данного процесса явилось 24 марта 1982 г., когда Леонид Брежнев, совершавший поездку по Средней Азии, выступил в столице Узбекистана Ташкенте с речью, в которой, наряду с выражением традиционных советских претензий в адрес КНР, содержалось признание факта, что Китай является все же социалистическим государством, выражалась поддержка позиции Китая в Тайваньском вопросе и высказывалась надежда на улучшение двусторонних отношений. В своем выступлении советский лидер выразил готовность принять взаимоприемлемые меры для улучшения отношений.

Как отмечает Цянь Цичэнь, на сигнал, содержащийся в речи Брежнева, немедленно обратил внимание лично Дэн Сяопин. Последующие действия китайского руководства свидетельствуют о том, что все шаги по нормализации отношений с СССР предпринимались в рамках тщательно выверенной стратегии балансирования в треугольнике КНР-США-СССР.

В книге говорится, что решение о начале процесса нормализации отношений принималось исходя из следующих основных факторов:

- достигнутый прогресс в укреплении китайско-американских отношений, в том числе подготовка к подписанию 3-го совме-

стного коммюнике, что создавало для отношений Пекина и Вашингтона прочную базу; - осознание тяжелого положения, в котором в тот момент уже находился СССР. По китайским оценкам, СССР в Афганистане попал в ловушку, его международное положение было сложным, Москва остро нуждалась в нормализации отношений с Китаем, а это позволяло провести процесс нормализации при максимальном учете интересов КНР.

Реакция китайского руководства на заявление Брежнева последовала уже 26 марта в виде заявления МИД КНР. Именно с этим заявлением связано введение в китайском внешнеполитическом ведомстве поста представителя по связям со СМИ (fa yan ren). Первым таким представителем стал сам Цянь Цичэнь, в тот момент — заместитель министра иностранных дел, курировавший Восточную Европу и СССР. Заявление гласило: "Мы обратили внимание на заявление, сделанное 24 марта Л.И.Брежневым в Ташкенте по вопросам советско-китайских отношений. Мы решительно отвергаем содержащиеся в заявлении нападки на КНР. В сфере международных контактов с СССР мы будем придавать значение реальным шагам советской стороны" [с. 4-5].

По мнению Цянь Цичэня, ключевыми словами в тексте заявления были "обратили внимание" и "придавать значение". В них содержался сигнал советской стороне о том, что Китай уловил намерения, содержащийся в речи советского лидера, но его готовность приступить к нормализации отношений будет зависеть от реальных действий СССР на международной арене. Раньше китайские представители встречали любые шаги советской стороны всеобъемлющей критикой. Заявление о том, что значение будет придаваться конкретным шагам, появилось впервые. Данное выступление Цянь Цичэня в роли представителя МИД КНР было первым и последним его выступлением в таком качестве. В том же году в середине лета ряд членов ЦК и руководящих работников МИД КНР были приглашены на неформальную встречу с Дэн Сяопином для обсуждения вопросов советско-китайских отношений.

На совещании присутствовали представители старшего поколения руководителей, включая Чэнь Юня и Ли Сяньняня.

Цянь Цичэнь был приглашен как руководящий работник МИД, ответственный за советское направление. В ходе встречи Дэн Сяопин заявил, что улучшение отношений с СССР является принципиально важным делом, но оно может быть осуществлено только в соответствии с некоторыми принципиальными установками. Советский Союз должен сначала устранить три главных препятствия на пути нормализации отношений: вывести войска из Афганистана, осуществить отвод войск из Монголии и из собственных приграничных с Китаем районов, убедить Вьетнам вывести войска из Камбоджи.

С точки зрения Цянь Цичэня, предшествующий период советско-китайского противостояния основывался на идеологических расхождениих и взаимных обвинениях, носивших все более острый характер. Решение Дэн Сяопина о нормализации отношений с СССР свидетельствовало о переносе центра тяжести во внешней политике с идеологии на защиту национальных интересов и, таким образом, обозначило курс всей последующей перестройки внешней политики КНР.

Чэнь Юнь отметил на состоявшемся совещании, что первый сигнал советскому руководству, с которого должен начаться диалог, необходимо подать так, чтобы он привлек внимание советской стороны, но при этом не вызвал нежелательного интереса третьих сторон. Именно в связи с этими соображениями было решено направить в Москву главу департамента СССР и Восточной Европы МИД КНР Юй Хунляна якобы для инспекции восточно-европейских посольств (после Москвы он должен был посетить Варшаву). Неожиданное появление высокопоставленного китайского дипломата в Москве, который попросил о встрече в китайском посольстве с заместителем министра иностранных дел СССР Л.Ф.Ильичевым, вызвало сильнейшую заинтересованность с советской стороны. Главе 1-го ДВО МИД СССР было дано указание прервать отпуск и немедленно возвратиться в Москву. В его сопровождении Л.Ф.Ильичев и пришел на встречу, на которой Юй Хунлян наизусть прочитал своим собеседникам сообщение примерно в 1000 иероглифов, не пропустив при этом ни слова.

Суть сообщения сводилась к тому, что сложная ситуация в двусторонних от-

ношениях существует уже давно, и народы СССР и Китая не заинтересованы в сохранении такого положения. Пришло время сделать все возможное для улучшения советско-китайских отношений. Конечно, это дело не одного дня, но если СССР и КНР проявят обоюдную заинтересованность в улучшении отношений, то любой вопрос можно будет разрешить путем переговоров. Китайская сторона предложила начать процесс нормализации отношений с рассмотрения таких шагов, как побуждение советской стороной вьетнамцев к выводу войск из Камбоджи, а также других мер по нормализации отношений, например, сокращения войск в районе границы. Одновременно обе стороны должны были рассмотреть взаимоприемлемые условия вывода советских войск из Монголии. В целом, если обе стороны проявят дальновидность и волю к восстановлению добрососедских отношений, то, начав с разрешения этих наиболее важных вопросов, можно открыть новую страницу в советско-китайских связях, говорилось в заявлении представителя МИД КНР.

Л.Ф.Ильичев слушал китайского дипломата очень внимательно. Он обладал большим политическим опытом, долгое время работал в ЦК КПСС, возглавлял отдел пропаганды ЦК, был редактором газет "Известия" и "Правда", много лет курировал идеологическую работу. После ухода со сцены Хрущева он вышел из состава центрального руководства КПСС и перешел на работу в МИД. По словам Цянь Цичэня, Л.Ф.Ильичев производил впечатление крайне осторожного, уравновешенного и серьезного человека, взвешивающего каждое свое слово. Его ответ на послание, переданное Юй Хунляном, по мнению китайского дипломата, может и по сей день считаться удивительным образцом дипломатического красноречия. Он сказал, что даже независимо от содержания послания, его форма такова, что не может не привлечь к себе пристального внимания. Наряду с этим он высказал несколько давно известных прописных истин так, как будто не понял истинного смысла послания китайского руководства. В конце, когда китайцы забеспокоились, что Ильичев ничего не понял, он повторил все основные положения, содержащиеся в их сообщении, добавив, что столь важные вопросы требуют доклада высшему

руководству СССР и будут рассматриваться на Политбюро [с. 8-10].

После этого Юй Хунлян отбыл в Варшаву, что, с одной стороны, не позволило сторонним наблюдателям заподозрить, что в Москве им были проведены важные встречи, а с другой — дало советской стороне время на подготовку ответа. Когда на обратном пути 18 августа в Москве он вновь встретил Л.Ф.Ильичева, поведение последнего заметно изменилось. Он был подчеркнуто дружелюбен и сообщил, что мнение китайской стороны доложено советскому руководству и сейчас готовится официальный ответ.

При описании последующих длительных советско-китайских переговоров, в ходе которых каждая из сторон упорно отстаивала свою точку зрения, не желая идти на уступки, Цянь Цичэнь вновь подчеркивает негативную роль идеологических стереотипов, имевшихся, по его мнению, прежде всего у представителей советской стороны. Так, Л.Ф.Ильичев, по его словам, неоднократно пускался в пространные и бессодержательные монологи на философско-идеологические темы. Надо сказать, что, как признает Цянь Цичэнь, китайская сторона также вела себя на переговорах не самым лучшим образом.

В ходе переговоров в марте 1983 г. в Москве Цянь Цичэнь встретился с министром иностранных дел СССР А.А.Громыко. Во время встречи А.А.Громыко обратил внимание, что антигегемонистский характер китайской внешней политики создает благоприятную базу для китайско-советского сотрудничества. Он обрушился на американцев, подчеркнув, что им нельзя доверять, что США организуют крестовый поход против СССР, а президент Рейган намерен стереть социализм с лица земного шара. Далее он с поучительной интонацией заявил, что из этих намерений США в отношении социализма КНР сама может сделать вывод, с кем ей лучше развивать контакты — с Советским Союзом или Соединенными Штатами.

Ответ Цянь Цичэня сводился к тому, что нормализация советско-китайских отношений выгодна народам двух стран и всего мира, а что касается отношений Китая с США, то Китай имеет в данной области значительный опыт и сам знает, каким образом эти отношения развивать. А.А.Громыко оскесся и выглядел ошеломленным [с. 16-17].

В дальнейшем советские и китайские представители ежегодно проводили по две встречи — одну в Москве и одну в Пекине. Но прогресса по пресловутым "трем препятствиям" достигнуть так и не удалось. Тем не менее, был важен сам факт переговоров.

Дополнительной причиной, затруднявшей достижение прогресса, были, по мнению Цянь Цичэня, перемены в советском руководстве, где в тот период каждый год умирал тот или иной известный деятель. Брежнев в последние годы своего правления, говорят, мог работать лишь один час в день. Сменивший его Андропов имел значительный опыт во внешней политике и был деятельным и умным руководителем. Он взялся за реформирование СССР, однако пробыл у власти лишь год с небольшим. Его сменил тяжело больной Черненко, работоспособность которого была крайне низкой.

В целом, по китайским оценкам, в период 1983-1985 гг. советские руководители осознавали необходимость нормализации отношений с КНР, но еще не были готовы пойти на решительные шаги в этом направлении.

Прорыв в переговорах был связан со сменой в советском руководстве и новыми инициативами Дэн Сяопина, которые были доведены до руководителей СССР через румынского лидера Чаушеску. 9 октября 1985 г. Дэн Сяопин, встречаясь с Чаушеску, попросил его довести до М.С.Горбачева, что в случае, если СССР согласится решить вопрос о выводе вьетнамских войск из Камбоджи, он согласен лично встретиться с Горбачевым и обсудить вопросы нормализации двусторонних отношений.

11 ноября последовал ответ советской стороны, в котором отмечалось, что время для переговоров на высшем уровне о нормализации отношений и восстановлении межпартийных связей давно прошло, поэтому СССР предлагает провести встречу на Дальнем Востоке Советского Союза или на территории КНР.

28 июля 1986 года во время поездки на Дальний Восток Горбачев заявил в своей речи во Владивостоке, что СССР готов обсудить с китайской стороной в любое время и на любом уровне дальнейшие меры, необходимые для нормализации отношений. Он также сообщил, что до конца года из Афганистана будут выведены

шесть полков, а вопрос о дальнейшем выводе войск будет решаться с учетом вмешательства в конфликт других сторон. Было также заявлено о готовности СССР обсудить с КНР вопросы сокращения войск в районе границы.

Чтобы подтолкнуть СССР к дальнейшему прогрессу на базе горбачевского выступления во Владивостоке, китайская сторона предприняла серию шагов:

— в КНР был приглашен первый заместитель Председателя Совета Министров СССР Н.В.Талызин, возобновлены переговоры по границе; состоявшийся позднее 12-й раунд двусторонних политических консультаций привел к решению вопроса о выводе вьетнамских войск из Камбоджи.

Вскоре после владивостокского выступления Горбачева прошел 9-й раунд советско-китайских консультаций. Всего до встречи на высшем уровне состоялось 12 раундов таких консультаций. Цянь Цичэнь возглавлял китайскую делегацию на 11 из них. В апреле 1988 г. Цянь Цичэнь был назначен министром иностранных дел КНР. В ходе последних четырех раундов советская позиция по вопросам, составлявшим препятствия для нормализации отношений, начала ощутимо меняться, особенно по вопросу вывода вьетнамских войск из Камбоджи.

1-3 декабря 1988 г. Цянь Цичэнь в качестве министра иностранных дел КНР совершил визит в Москву. Это был первый китайский визит такого уровня с 1957 г., и он был посвящен подготовке к встрече лидеров двух стран.

И наконец, венцом работы по нормализации двусторонних отношений стала поездка М.С.Горбачева в КНР в 1989 г.

Успехи китайской дипломатии в работе по нормализации отношений с СССР оцениваются Цянь Цичэнем как исключительно важные, сыгравшие ключевую роль в дальнейшем развитии партнерства с Россией и формировании базы для последующего взаимодействия двух стран.

Касаясь основных событий постсоветской истории отношений КНР с Россией, Цянь Цичэнь в целом избегает оценок внешней и внутренней политики, переговорной тактики, а также отдельных представителей российской стороны, ограничиваясь описанием наиболее важных фактов в свете официальных позиций Пекина. В разделе "От СССР к России" изло-

жены основные события истории отношений двух стран в период 1992-2001 гг., начиная с первого контакта представителей их высшего руководства — президента РФ Б.Н. Ельцина и председателя Госсовета КНР Ли Пэна на встрече глав государств-членов СБ ООН в январе 1992 года, и заканчивая заключением российско-китайского двустороннего договора в 2001 г. Отношения с современной Россией оцениваются Цянь Цичэнем как одно из ведущих направлений внешней политики КНР, важное для обеспечения развития и безопасности Китая. По его мнению, итогом усилий китайской внешней политики в 1990-е гг. стало заключение в 2001 г. между КНР и РФ Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве, заложившего прочную основу для дальнейшего развития двусторонних связей.

В упомянутом разделе автор приводит также данные автобиографического характера, касающиеся его учебы в Центральной школе ЦК ВЛКСМ в 1954-1955 гг., а также работы в СССР в 1955-1962 и 1972-1974 гг. Высоко оценивая качество полученного в СССР образования, он обращает внимание на то, что в ходе пребывания в Советском Союзе проделал путь от восторженного восприятия советского опыта к осознанию того, что советское общество имеет свои трудности и внутренние противоречия. Достаточно подробно описывается хронология процесса распада СССР, однако и здесь автор избегает личных оценок происходивших процессов и участвовавших в них личностей.

В целом, в работе Цянь Цичэня отношения с СССР и Россией рассматриваются как один из важнейших аспектов внешней политики КНР, а нормализация этих отношений и их перевод в русло политического партнерства — как одно из крупнейших достижений китайской дипломатии последних десятилетий.

Очерк, посвященный китайской политике в период кризиса в Персидском заливе, начавшегося в августе 1990 г., излагает посреднические и миротворческие усилия китайской дипломатии в этот период. В момент иракского вторжения в Кувейт китайская делегация во главе с Цянь Цичэнем находилась в Саудовской Аравии, где ей предстояло принять участие в подписании документов об установлении дипломатических отношений двух стран. Таким

образом автор стал очевидцем разворачивавшегося конфликта в заливе. Первая приоритетная задача китайских дипломатов после начала кризиса заключалась в обеспечении безопасности более чем пяти тысяч соотечественников, находившихся в Кувейте. В последующем китайская дипломатия развернула высокую активность в регионе, пытаясь максимально повысить роль КНР в разрешении конфликта. Как отмечает Цянь Цичэнь, в силу того, что китайское присутствие на Ближнем Востоке носило в тот период ограниченный характер, страны региона были склонны относиться к инициативам КНР с большим доверием. В период кризиса Цянь Цичэнь посетил целый ряд государств региона и провел встречи с их лидерами. Независимая и взвешенная политика КНР в отношении иракского кризиса способствовала укреплению ее авторитета среди государств региона, что имело важное значение для стратегических интересов Китая на Ближнем Востоке.

Очерк, посвященный визиту Цянь Цичэня в Японии в 1989г. в связи с похоронами императора Хирохито, в минимальной степени затрагивает вопросы отношений с этой страной. В ходе полутрехнедельного пребывания в Токио он встретился также с лидером Индонезии Сухарто, с которым провел переговоры о нормализации отношений. Собственно, переговорам с Сухарто и процессу восстано-

вления полноценных отношений между двумя государствами в основном и посвящена эта глава.

В разделе, касающемся политики в отношении Тайваня, описаны основные шаги китайской дипломатии по усилению международной изоляции острова, предпринимавшиеся в 1990-е гг., излагается реакция КНР на решение Франции продать Тайбэю боевые корабли и самолеты в начале 1990-х гг. и на американские поставки оружия острову. В качестве крупного прорыва на данном направлении оценивается провозглашение тогдашним президентом США Б.Клинтоном политики "трех нет" в тайваньском вопросе во время его визита в Китай в 1998 г.

В целом, книга Цянь Цичэня является достаточно подробным хронологическим описанием отдельных важных событий китайской внешней политики 1990-х и, частично, 1980-х гг. Однако при этом в ней обойден вниманием ряд острых аспектов современных международных связей КНР, например, многие актуальные вопросы отношений с США, Японией, а также проблемы отношений с Пакистаном и Индией, политики в Центральной Азии и т.д. При этом в подавляющем большинстве случаев автор воздерживается от персональных оценок событий и личностей, с которыми ему приходилось сталкиваться, ограничиваясь их характеристикой, почерпнутой из официальных источников.

АСЕАН и ведущие страны АТР: проблемы и перспективы. **М.: Гуманитарий. 2002. 364 с.**

В современных международных отношениях на передний план в региональном аспекте выдвинулись страны Ближнего и Среднего Востока в связи с политикой великих держав в Афганистане, Ираке, Иране, а также с новыми угрозами всеобщему миру и безопасности. Юго-Восточная Азия (ЮВА), которая в 60-70-е гг. прошлого века была в центре мировой политики, несколько отодвинулась на второй план. Однако не исключено, что ЮВА вновь привлечет особое внимание, ибо в этом регионе происходят весьма значительные сдвиги.

Коллектив крупных отечественных специалистов по ЮВА при спонсорской поддержке Фонда сотрудничества Россия — АСЕАН выпустил солидное и актуальное исследование, весьма полезное российской общественности, политической и экономической элите в плане более адекватного осознания национальных интересов нашей страны в АТР.

В первое десятилетие российская внешняя политика критиковалась за ее "деинтеллектуализацию и ситуативно-рефлексный характер и стратегическую неопределенность" (Г. Арбатов // Независимая газета. 1998. 17 июня). На научных форумах руководство России призывало специалистов-международников оказывать содействие в определении реальных национальных интересов России в том или ином регионе мира. Рецензируемая книга в определенной мере выполняет эту задачу, помогая по-новому взглянуть на роль и место ЮВА и ее региональных институтов, в частности АСЕАН, в российской внешней политике.

Отсутствие стратегической составляющей внешней политики связано с несознательностью национальных интересов, которые в современном мире являются императивом, отодвигая в сторону идеологические и прочие мотивации. Переход России от советской глобальной идейно-политической вовлеченности в мировые дела к дифференцированной политике с учетом функциональной важности конкретного региона для России, предполагает его оценку этого пространства с точки зрения обеспечения тех или иных национальных потребностей. При подобной постановке вопроса становятся очевидными нулевой интерес России в одних регионах и

жизненно-важное значение для нее других.

После распада СССР в ряде регионов мира, в том числе в ЮВА, позиции России были ослаблены, и ее место заняли конкуренты.

Сборник статей "АСЕАН и ведущие страны АТР: проблемы и перспективы" помогает более объективно оценить в новых условиях стратегические национальные интересы России в ЮВА, которую отдельные российские политики склонны рассматривать как сверхдальнее зарубежье, не заслуживающее серьезного внимания. Книга отличается продуманной структурой, помогающей раскрыть роль и место ЮВА и ее организаций в глобальной и региональной системах и подсистемах международных отношений, а также проанализировать наиболее важные современные экономические проблемы.

Так, в статье профессора МГИМО(У) Н.П. Малетина, проследившего процесс формирования "асеановской десятки", кстати, показательного для консолидации СНГ, рассматривается значение АСЕАН в образовании восточно-азиатского политико-экономического центра по формуле АСЕАН+3 (Китай, Япония, Южная Корея), способного коренным образом изменить геополитическую архитектуру тихоокеанского пространства. Автор не без основания прогнозирует, что в течение ближайших десятилетий АСЕАН и ее членам "предстоит действовать в условиях многополярности, несущей с собой не только возможности, но и новые проблемы, и вызовы" (с. 54).

Озабоченность поисками гарантий от новых "проблем и вызовов", примерами которых служат Афганистан, Ирак и другие "страны-изгои", в том числе, в Восточной Азии, толкает асеановцев на взаимодействие с Россией, открывая перед ней немалые возможности для развития не только взаимовыгодного экономического сотрудничества, но и совместного обеспечения региональной безопасности, противодействия старым и новым угрозам. В этих аспектах национальные интересы и стратегические цели России и стран ЮВА во многом совпадают, что служит основанием для стратегического взаимодействия.

Следует отметить, что в сборнике представлена и иная точка зрения стар-

шего научного сотрудника ИМЭМО РАН Э.С. Гребенщикова, который, отражая господствующую концепцию российских "западников", считает, что "восточно-азиатское измерение — еще не альтернатива американо-центристскому миру" (с. 235) и у АСЕН+3 нет шансов превратиться ни в азиатский аналог Европейского союза, ни в весомый противовес США. По мнению Э.С. Гребенщикова, "ЮВА полноценным центром силы не является и не превратится в таковой ни в ближайшей, ни в среднесрочной перспективе" (с. 242). Разумеется, здесь есть поле для дискуссии, особенно при выработке многовекторной внешней политики России.

На тихоокеанском пространстве Россия уже имеет опыт односторонней ориентации на Китай в 1950-х гг., на Вьетнам — в 1960-1970 гг. на США — в начале 1990-х гг., что не принесло достаточно ощутимых результатов. Анализ исторического опыта и новой ситуации в АТР призван помочь России в выработке оптимальной региональной внешнеполитической стратегии, которая пока отсутствует, если судить по тому, как правительство России с большим трудом решает вопросы реализации проектов сотрудничества с КНР в нефтегазовой сфере.

Неменьший интерес представляет статья А.А. Карчава, заместителя директора Второго департамента Азии МИД РФ, в которой на конкретных фактах доказывается, что "клуб тринадцати", то есть АСЕН + 3 как новая тихоокеанская структура, способен в будущем "составить конкуренцию АТЭС" (с. 64). Прогнозируемый раскол Тихоокеанского пространства не только на экономические, но и на политические мегасоюзы может поставить перед Россией проблему поиска модус-вивенди между формирующимися центрами рождающегося многополярного мира.

Авторы статей, включенных в сборник, — высококвалифицированные специалисты, посвятившие свою научную жизнь глубокому и разностороннему изучению региона, Л.А. Аносова, Г.С. Яскина, В.М. Мазырин, О.В. Новакова, В.Г. Гельбрас и другие, в основном профессора и преподаватели ИСАА при МГУ, — известны не только российским востоковедам (их труды изданы во многих странах Востока, получили всеобщее признание). В рецензируемой книге они получили воз-

можность высказаться по назревшим проблемам региональной экономической безопасности, японского фактора в политической и экономической жизни государств ЮВА, роли Вьетнама в АСЕАН, значения китайского рынка для стран ЮВА и т.д. Их экспертные оценки — результат глубокого и всестороннего анализа, что выгодно отличает сборник от скороспелых публикаций многочисленных "стратегических центров" в различных СМИ.

При всех своих достоинствах книга не лишена и некоторых недостатков, точнее, неосвещенных "белых пятен".

Несмотря на наличие в сборнике интересной статьи посла Республики Сингапур в России Марка Хонга о трех проблемах, стоящих перед АСЕАН, читателю, наверное, хотелось бы знать о ситуации внутри Ассоциации, о возможной дезинтеграции этой организации, признаки которой проявляются в форме различной реакции стран ЮВА на "новые угрозы" и акции американо-британской коалиции в Ираке, так как исламский фактор начинает играть все большую роль в ЮВА. Правда, АСЕАН — не субъект международного права, но это весьма влиятельная неструктурированная в систему международных отношений сила, вносящая серьезные коррективы в традиционное видение происходящих процессов.

Противодействие "новым угрозам": терроризму, сепаратизму, наркотрафику и т.д., для стран ЮВА не менее важно, чем для Европы и других регионов мира. "Новые угрозы" представляют глобальную опасность, требуют совместных скоординированных действий всех государств, требуют принятия срочных мер. Новые общие угрозы, в том числе болезни, в частности "куриный грипп", задевший ряд стран ЮВА, могут служить базой для консолидации и объединения усилий государств региона и великих держав, платформой для поиска совпадающих интересов, что будет способствовать региональной стабильности и безопасности.

В общем появление на книжном рынке коллективного труда российских ученых-профессионалов, специалистов по ЮВА, — значительное и отрадное событие, свидетельствующее о том, что изучение Юго-Восточной Азии в России успешно продолжается.

Материалы и документы о кыргызско-китайской государственной границе / Отв. ред. Н. Керимбекова, Бишкек, 2003. 248 с.

Вышедшее в Бишкеке комплексное исследование по истории и современному состоянию кыргызско-китайской границы органично и полно объединило текущий аналитический и архивный материал по очень сложной и деликатной проблеме — линии прохождения границы в районе "спорных участков" между Кыргызстаном и Китаем. Как известно, этот вопрос не раз был предметом острых дискуссий в Бишкеке, иногда выходявших, к сожалению, за рамки научных споров и на определенном этапе превратившихся в публичное обсуждение вопроса: "захватил или нет Китай исконно киргизские земли по Соглашению 1996 и Дополнительному Соглашению 1999 г.?" Данная работа, подготовленная ведущими киргизскими дипломатами и учеными — первая подобного рода, которая как с историко-документальных, так и международно-правовых позиций убедительно и достоверно доказывает, что никакого захвата "исконно киргизских земель" не произошло. Наоборот, авторы сборника отмечают политическую выгодность для Бишкека соглашений между КР и КНР 1996 и 1999 гг., раскрывают особенности механизма формирования системы кыргызско-китайских договоренностей, исследуя не только современные аспекты, но и исторические условия формирования и развития границы в периоды Российской империи и СССР.

Первая особенность нынешнего формирования границы — учет специфики ранних советско-китайских пограничных переговоров. Так, авторы одного из центральных разделов сборника Н. Керимбекова и В. Галицкий совершенно справедливо отмечают, что речь идет не о передаче территорий Кыргызстана Китаю по Сог-

лашениям 1996 и 1999 гг., а об уточнении и установлении государственной границы на "несогласованных участках" двух стран, которые были выявлены еще в 1964 г. при обмене топографическими картами между правительственными делегациями СССР и КНР (с. 135). Другими словами, эти участки не могли принадлежать ни одному государству до их международно-правового оформления.

Вторая особенность — успешная работа дипломатов Кыргызстана в рамках Совместной делегации, созданной в 1992 г. в составе представителей Кыргызстана, Казахстана, России и Таджикистана по урегулированию пограничных вопросов с КНР. Как известно, к 1992 г. уже существовал ряд советско-китайских договоренностей, достигнутых в период конца 1980-х—1991 гг., в частности, по "спорным участкам" Хан—Тенгри, Бостаг, Боз—Айгыр и Иркештам. Эти договоренности предполагали переход участка Хан—Тенгри к Китаю и сохранение линии границы в районе "западнее перевала Бедель" (водосбор р. Узенгу-Кууш) как неопределенной. В ходе переговорного процесса, который вели представители Кыргызстана в 1992—1996 гг. в рамках Совместной делегации, были достигнуты договоренности о прохождении линии границы на четырех из пяти "спорных участков". Причем, авторы сборника справедливо отмечают, что в ходе переговоров удалось в четыре раза увеличить киргизский сегмент доступа к Хан-Тенгри и отстоять Пик Победы, который по китайской версии отходил к КНР.

В результате сложных и длительных переговоров стороны смогли найти компромисс и подписать Соглашение о кыргызско-китайской государственной границе от 4 июля 1996 г., а также Допол-

нительное соглашение от 26 августа 1999 г. Впервые была определена государственная граница между КР и КНР на основе приемлемых для Кыргызстана разграничений, в частности, по участку Хан—Тенгри 70% территории отошло Кыргызстану, а 30% — Китаю.

В данном случае, учитывая непростое историческое российско-китайское (до 1917 г.) и советско-китайское наследие, решение пограничного вопроса киргизскими дипломатами, несомненно, можно оценить как успешное и выгодное для Бишкека. Подписанные документы создали объективные условия для обеспечения территориальной целостности и неприкосновенности Кыргызской Республики, которые исключают возможность взаимных территориальных претензий в будущем и придают прочность добрососедским отно-

шениям Кыргызстана и Китая. Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между КР и КНР от 24 июня 2002 г. лишь подтвердил и усилил данную тенденцию.

Учитывая положительное разрешение и давнего российско-китайского территориального спора после визита президента РФ В.В.Путина в Китай и подписания 19 октября 2004 г. в Пекине Дополнительного соглашения о восточном участке границы РФ и КНР, урегулирование китайско-киргизских пограничных вопросов также приобретает особую значимость. Фактически, это означает, что почти все постсоветские страны, граничащие с Китаем, закрыли территориальные вопросы и могут сосредоточиться на углублении сотрудничества с КНР как на двустороннем уровне, так и в рамках Шанхайской организации сотрудничества (ШОС).

© 2004

*С. Лузянин,
доктор исторических наук*

Юбилей ученого

Андрею Мефодьевичу Ледовскому 90 лет

16 октября 2004 г. исполнилось 90 лет Андрею Мефодьевичу Ледовскому — видному дипломату и ученому, Чрезвычайному и Полномочному послу, старшему научному сотруднику ИДВ РАН, китаеведу, кандидату исторических наук.

Сын астраханского крестьянина, готовивший себя к педагогической деятельности, в 1939 г. был направлен на учебу в Москву слушателем первого набора Высшей дипломатической школы. Это событие предопределило его дальнейшую судьбу. Окончив ВДШ, почти четверть века Андрей Мефодьевич трудился на дипломатическом поприще в центральном аппарате МИД и за рубежом. Из них 10 лет проработал в Китае, пройдя путь от атташе в советском посольстве до генерального консула в Пекине, а затем в Шэньяне. Он был очевидцем исторических событий, связанных с крушением режима Чан Кайши и становлением Китайской Народной Республики, свидетелем важных переговоров руководителей КПК с послом США в Китае Дж. Стюартом и с личным представителем президента США Дж. Маршаллом по вопросам прекращения гражданской войны в Китае и советско-китайско-американских отношений в переломный период 1945-1949 гг., имел хорошие деловые отношения со многими известными политическими деятелями Китая.

По возвращении из Китая А.М. Ледовский в течение трех лет с 1952 по 1955 гг. работал заместителем заведующего Дальневосточным отделом МИД СССР и немало сделал для укрепления отношений с КНР. Вскоре он был направлен в США в качестве советника советского посольства. Многосложные взаимоотношения внутри треугольника СССР—КНР—США были главной темой его исследований. Дипломатическую службу Андрей Мефодьевич завершил в качестве Чрезвычайного и Полномочного посла в Бирме, где он трудился 7 лет (1959-1966 гг.), продолжая внимательно следить за развитием событий в Китае.

Хорошее знание международной обстановки и умение работать с людьми позволили ему стать заместителем заведующего Отделом заграничных ЦК КПСС. А в 1973 г. он был избран заместителем председателя Президиума Союза советских обществ дружбы и культурных связей с зарубежными странами.

Находясь на государственной службе, Андрей Мефодьевич одновременно занимался и научной работой в качестве политолога и ученого. Его первая брошюра была опубликована еще в 1954 г. в Шэньяне. Затем последовал ряд публикаций о КНР и Бирме в советских научных и общественно-политических журналах. А в 1979 г. издательство "Наука" опубликовало его книгу "СССР, США и народная революция в Китае".

В 1980 г. А.М. Ледовский пришел на работу в Институт Дальнего Востока уже сложившимся ученым, кандидатом исторических наук. Именно здесь, благодаря повседневному напряженному труду, он сумел раскрыть в полном объеме свой творческий потенциал и аналитические способности, написав десятки статей и мемуаров по проблемам советско-китайско-американских отношений периода Второй мировой войны, довоенных и послевоенных лет. Добившись рассекречивания многих важных документов в Архиве Президента РФ и в Архиве внешней политики РФ, А.М. Ледовский в поисках истины сумел ввести в научный оборот огромный пласт новых материалов, позволяющих прояснить многие проблемы и устранить искажения и неточности, допущенные ранее в освещении характера революционных процессов в Китае и в истории советско-китайских отношений. Его капитальный труд "СССР и Сталин в судьбах Китая. Документы и свидетельства участников событий. 1937-1952 гг.", изданный в 1999 г., был с большим интересом воспринят как в России, так и в Китае. Не меньшее внимание мировой общественностью было проявлено и к многим другим публикациям А.М. Ледовского, в том числе о миссии Дж. Маршалла в Китай, о секретной миссии сына Чан Кайши в Москву, о переговорах И.В. Сталина с Мао Цзэдуном в 1949-1950 гг. и Чжоу Эньлаем в 1952 г. и др.

А.М. Ледовский активно участвует в подготовке ИДВ РАН фундаментального научного проекта "Российско-китайские отношения в XX веке". Он является одним из составителей двух томов этого сборника документов, охватывающих периоды 1937-1945 гг. и 1946-1950 гг., а также одним из авторов исторического введения к ним. Одновременно он продолжает работу по доскопальному исследованию характера и объема помощи Советского Союза Компартии Китая на заключительном этапе гражданской войны 1946-1950 гг.

А.М. Ледовский, будучи генконсулом СССР в Шэньяне, находился на острие событий корейской войны, в ходе которой СССР и КНР оказывали всестороннюю помощь КНДР. Он поддерживал шифрсвязь с И.В. Сталиным, другими представителями правительства Советского Союза по вопросам, связанным и положением на корейском фронте и помощью СССР Корею. Он был в составе советской делегации, возглавляемой Молотовым, на Женевской конференции 1954 г. по Корею.

В настоящее время А.М. Ледовский готовит книгу о корейской войне, основанную на неизвестных ранее архивных материалах и своих дневниковых записях.

Сотрудники Института Дальнего Востока РАН, редакция и редколлегия журнала "Проблемы Дальнего Востока" горячо поздравляют Андрея Мефодьевича Ледовского со знаменательной датой и желают ему крепкого здоровья и творческого долголетия на благо отечественной исторической науки.

Ирине Тимофеевне Мороз 80 лет

2004 г. в Институте Дальнего Востока РАН особенно богат на юбилеи. Почетное место среди юбиляров по праву принадлежит ведущему научному сотруднику Центра "Россия-Китай", кандидату филологических наук, китаеведу и единственному в ИДВ РАН маньчжуристу, Ирине Тимофеевне Мороз.

Жизненный путь Ирины Тимофеевны неотделим от исторического пути, пройденного нашей страной за последние 80 лет, вместившего в себя горечь потерь и поражений, ратные и трудовые подвиги, и безграничную радость победы "со слезами на глазах".

Родилась Ирина Тимофеевна 31 октября 1924 г. в г. Воронеже в семье служащих. Окончила среднюю школу в грозовом 1941 г. и сразу, как большинство ее сверстников, вступила в ряды Советской Армии, встав на защиту Родины. Таким был ее первый шаг в самостоятельную, взрослую жизнь. В течение всей Великой Отечественной войны — с 1941 г. до победного 1945 г. она находилась в рядах Советской Армии. В год окончания войны поступила на китайско-маньчжурское отделение Восточного факультета Ленинградского государственного университета, избрав, хотя и мирную, но далеко не легкую профессию. Так Ирина Тимофеевна сделала второй шаг в самостоятельную, теперь уже мирную жизнь, связав свою дальнейшую судьбу с изучением Китая.

После успешного окончания в 1950 г. ЛГУ она была направлена в качестве переводчика китайского языка на работу в КНР на КЧЖД (г. Дальний). Затем по возвращении в 1953 г. в Москву в течение пяти лет работала в библиотеке им. В.И. Ленина старшим редактором литературы китайского фонда. В 1958—1961 гг. в связи с командировкой мужа в МНР, преподавала русский язык в Монгольском народном университете.

Вернувшись в Москву, она поступила в аспирантуру Института востоковедения АН СССР и в 1969 г. успешно защитила кандидатскую диссертацию.

Годом раньше в феврале 1968 г. Ирина Тимофеевна поступила на работу в Институт Дальнего Востока АН СССР, где в то время начиналась работа над созданием многотомной документальной серии "Русско-китайские отношения", и знание маньчжурского языка, второго официального языка Цинской империи были востребованы. Филолог по образованию И.Т. Мороз активно включилась в эту работу не только в качестве переводчика маньчжурских текстов, но и составителя тома, автора комментариев. Так, И.Т. Мороз подгото-

вила к публикации первый в России полный и откомментированный ею перевод с маньчжурского языка “Записок Тулишэня”, — одного из членов первого китайского посольства в Россию. Наряду с другими документами “Записки” включены в сборник “Русско-китайские отношения в XVIII в. Материалы и документы”. (Т. 1. 1978 г. С. 437-483, 625-638). Выявление новых, ранее не известных научному миру архивных документов, их археографическая обработка, комментирование, составление других атрибутов научного аппарата настолько увлекли И.Т. Мороз, что с годами сложившийся филолог—востоковед становится также высококлассным историком, специалистом по истории Цинского Китая, истории русско-китайских отношений. В 1995 г. вышел в свет объемный том в 106 п.л. о посольстве Ю.А. Головкина в Китай в 1805-1806 гг. — “Русско-китайские отношения в XIX веке. Материалы и документы” (т. 1. 1803-1807), где Ирина Тимофеевна выступила в нескольких ипостасях — одного из составителей, автора археографического введения, переводчика документов с маньчжурского языка, одного из составителей приложения. В 2004 г. увидел свет сборник документов “Русско-китайские договорно-правовые акты (1689-1916), подготовленный И.Т. Мороз (под общей редакцией академика В.С. Мясникова). Еще шла работа в издательстве над этим сборником, а Ирина Тимофеевна уже приступила к работе над следующим томом документальной серии, посвященным китайским посольствам в Россию в XVIII в.

Параллельно с участием в подготовке сборников документов И.Т. Мороз опубликовала ряд интереснейших статей в сборниках и в коллективных монографиях, основанных также преимущественно на архивных материалах. Она — один из авторов коллективных монографий “История народов Восточной и Центральной Азии с древнейших времен до наших дней”, “Границы Китая: история формирования” (М., 2001 г.) и др.

Обширные знания российской и китайской истории, высокий профессионализм, требовательность к качеству своей работы, удивительная работоспособность, уважительное отношение к мнению коллег и при этом необыкновенная скромность И.Т. Мороз снискали заслуженное уважение коллег и друзей.

И.Т. Мороз не только прекрасный знаток отечественной истории, но и большой патриот своей страны. Это — ее гражданская позиция, которой она была верна в 1941—45 гг., когда защищала Родину, верна ей и по сей день.

Ратные и трудовые дела Ирины Тимофеевны Мороз отмечены высокими наградами, в том числе “Орденом Великой Отечественной войны” 2-й степени, медалями “За победу над Германией”, “За оборону Ленинграда”, “За отличную работу на КЧЖД”, “850-летия Москвы”, “Ветеран труда” и др.

Поздравляя Ирину Тимофеевну Мороз со славным юбилеем, коллеги и друзья желают ей здоровья, счастья, благополучия и дальнейших творческих успехов.

“Вань ши жу и”!

*Дирекция и коллектив ИДВ РАН,
редколлегия и редакция журнала
“Проблемы Дальнего Востока”*

К 75-летию Юрия Семеновича Пескова

30 октября 2004 г. исполнилось 75 лет старшему научному сотруднику Центра изучения и прогнозирования российско-китайских отношений Юрию Семеновичу Пескову.

Свой жизненный путь Юрий Семенович, уроженец Московской области, в значительной степени связал с Китайской Народной Республикой, изучению которой он отдал свои знания, ум, энергию и человеческие симпатии.

После окончания в 1953 г. Московского института востоковедения Ю.С. Песков был направлен в Генеральное консульство СССР в Кашгаре (КНР, Синьцзян), где работал до 1955 г. В том же году Ю.С. Пескова переводят в Генеральное консульство СССР в г. Далянь. С 1958 по 1965 г. Ю.С. Песков работает сотрудником Дальневосточного отдела МИД СССР, а затем вновь выезжает в долгосрочную заграничную командировку в Посольство СССР в Пекине. Эта командировка, продлившаяся до 1969 г., совпала со сложнейшими событиями в политической жизни Китайской Народной Республики, а именно — самым острым периодом "культурной революции". Ю.С. Песков с честью выдержал все испытания, выпавшие на его долю. Его деятельность на ответственном дипломатическом посту была отмечена высокими наградами Родины: орденом "Знак Почета" и медалями "За трудовое отличие" и "За доблестный труд".

В 1970 г. Ю.С. Пескова, ставшего советником ДВО МИД СССР, переводят на работу в аппарат ЦК КПСС, где он занимается проблемами советско-китайских отношений. В их нормализации есть и его немалый вклад. С 1989 г. Ю.С. Песков — в Институте Дальнего Востока. Им подготовлена фундаментальная монография "СССР-Китай: от конфронтации к партнерству" (Москва, 2002 г.), получившая положительную оценку широкой научной общественности. Юрий Семенович — постоянный автор ежегодника "КНР: политика, экономика, культура". В последние годы Ю.С. Песков успешно изучает такой новый феномен мировой политики, как Шанхайская организация сотрудничества.

Свой большой жизненный и профессиональный опыт Ю.С. Песков щедро передает коллегам по работе и молодому поколению китаеведов.

Коллеги Ю.С. Пескова от всего сердца поздравляют юбиляра, желают ему доброго здоровья, бодрости, долгих лет жизни, активной трудовой деятельности на ниве российского китаеведения.

Владимир Иванович Глунин!
29.09.1924 — 16.11.2004

Российское китаеведение понесло тяжелую утрату. На 81-м году жизни скончался один из ведущих отечественных китаеведов, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник ИДВ РАН Владимир Иванович Глунин. Более 50 лет жизни посвятил В.И.Глунин изучению истории Китая, революционного движения в этой стране, проблем истории других стран зарубежного Дальнего Востока.

Научная деятельность В.И.Глунина неразрывно связана с развитием отечественного китаеведения в послевоенный период. 18-летним юношей он ушел в 1943 г. на фронт и воевал в действующей армии на Ленинградском и 1-м Украинском фронтах до славной победы в 1945 г. Сняв военную форму, он в 1946 г. поступил в Московский институт востоковедения, который закончил в 1951 г. Через три года защитил кандидатскую диссертацию, ставшую одной из

первых исследовательских работ нового поколения китаеведов.

Короткий период времени в 1954-1955 гг. В.И.Глунин преподавал в МГИМО МИД, а с 1955 г. работал в Академии наук: в Институте востоковедения (1955-1956, 1962-1964), Институте китаеведения (1956-1961), а затем со дня основания — в Институте Дальнего Востока, где он длительное время возглавлял научные подразделения, занимавшиеся проблемами новейшей истории Китая. Результатом его многолетних исследований в области истории КПК стала докторская диссертация, защищенная им в 1975 г.

В.И.Глунин — автор более 100 научных работ, в том числе пяти монографий. Его перу принадлежат также крупные разделы в подготовленных под его руководством фундаментальных коллективных трудах "Очерки истории Китая в новейшее время", "Новейшая истории Китая (1917-1970)", "Новейшая история Китая (1917-1927 гг.)", в книгах "История Китая с древнейших времен до наших дней", "Всемирная история" (тт. 11-12), "История международного рабочего движения" (тт. 4-5).

Труды В.И.Глунина отличали широкое использование ценных, прежде всего документальных первоисточников, новаторский подход, высокое профессиональное мастерство историка. Свидетельством высокого авторитета В.И.Глунина и его исследований стало присвоение ему почетного звания "Заслуженный деятель науки РСФСР" и международное признание его трудов, многие из которых были переведены за рубежом.

Заслуга В.И.Глунина как ученого, организатора и руководителя научных коллективов — это создание школы научных исследований, глубокая разработка одного из центральных направлений изучения политической истории

Китая в новейшее время. Его труды, высказанные в них идеи и введенные в научный оборот материалы оказали большое влияние на многие общие и специальные работы отечественных китаеведов и востоковедов по истории освободительного движения в Китае и в других странах Востока, вопросам восточной политики Коминтерна. Ссылки на основные работы В.И.Глунина, либо их упоминание присутствуют и в наиболее авторитетных работах зарубежных авторов. Ученый, исключительно требовательный к себе, щедрый на идеи, сочетавший внимательность и требовательность в работе с учениками и коллегами, В.И.Глунин подготовил большую группу специалистов в области новейшей истории Китая. Талантливый автор и редактор, В.И.Глунин отдавал много сил работе в качестве члена редколлегии журналов "Народы Азии и Африки" (ныне "Восток") и "Проблемы Дальнего Востока", немало способствуя авторитету этих изданий. Ратные труды В.И.Глунина были отмечены орденами "Славы", "Отечественной войны" и медалью "За отвагу". Труды научные — медалью "За трудовое отличие", грамотами Президиума Академии наук, учеными степенями и почетными званиями.

В последние годы В.И.Глунин принимал активное участие в реализации программы "Основные проблемы политической истории Китая в XX веке. Новые источники и исследования", центральное место в которой занимает крупный международный проект публикации архивных документов под общим названием "ВКП(б), Коминтерн и Китай". Свидетельством высокого международного признания значимости этих трудов для исторической науки стали перевод и издание их в Германии, КНР и на Тайване.

Светлая память о Владимире Ивановиче Глунине навсегда сохранится в наших сердцах.

*Дирекция, коллектив сотрудников Института Дальнего Востока РАН,
редакция и редколлегия журнала "Проблемы Дальнего Востока"*

Содержание журнала "Проблемы Дальнего Востока" за 2004 год

ДОКУМЕНТЫ

- Совместная декларация Российской Федерации и Китайской Народной Республики.....№ 6
План действий по реализации положений Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между РФ и КНР (2005-2008 годы).....№ 6

К 55-ЛЕТИЮ ОБРАЗОВАНИЯ КНР

- И.Рогачев.* Пятьдесят пять лет отношений с новым Китаем — к укреплению добрососедства, партнерства и взаимодействия.....№ 5
М.Титаренко. О международном значении китайского опыта модернизации.....№ 5

К 110-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ДЭН СЯОПИНА

- Д.Смирнов.* Дэн Сяопин и модернизация Китая.....№ 5
Я.Бергер. Дэн Сяопин и экономические реформы в Китае.....№ 5
Р.Кудашев. Вспоминая Дэн Сяопина.....№ 5

КРУГЛЫЙ СТОЛ

- Первый год нового руководства КНР: итоги, проблемы, перспективы.....№№ 3, 4

ПОЛИТИКА

- К ИТОГАМ 3-ГО ПЛЕНУМА ЦК КПК 16-ГО СОЗЫВА
Я.Бергер. Социально-экономическое развитие и углубление рыночных реформ в Китае.....№ 1
А.Ломанов, О.Борох. Политические инновации КПК в контексте идейно-теоретических дискуссий в Китае.....№ 1
Н.Анисимцев. Информационное обеспечение государственно-административного управления современной Японии.....№ 4
К.Асмолов. Военные специалисты США об актуальных проблемах Корейского полуострова.....№ 5
Н.Ахметшин. Уголовное законодательство Китая в XX веке.....№ 3
К.Внуков. Россия-Китай: углубление партнерства и взаимодействия (К итогам визита Президента РФ В.В.Путина в КНР).....№ 6
А.Волохова. Китайские политологи об отношениях между КНР и Пакистаном на современном этапе.....№ 4

Л.Гудошников, В.Поляков. Развитие конституционного права Китайской Народной Республики (1988-2004 гг.).....	№ 4
А.Жебин. Ядерный кризис в Корее и интересы безопасности России.....	№ 2
Г.Зиновьев. Отношения в треугольнике Вашингтон-Пекин-Тайбэй: политические аспекты (2002-2003 гг.).....	№ 2
В.Кашин. Китайский фактор в текущей президентской кампании в США.....	№ 3
А.Клименко. К вопросу об эволюции военной политики и военной стратегии Китая.....	№ 2
К.Кокарев. К вопросу об эволюции политической реформы в Китае.....	№ 5
Ле Хыу Нгуа (СРВ). Глобализация и активная интеграция Вьетнама в мировую и региональную экономику.....	№ 1
О.Литвинов. Обновление социальной структуры и политической системы КНР.....	№ 4
Лю Цинцай. Современная внешняя политика Китая и китайско-российские отношения.....	№ 5
В.Мацель. Отношения Республики Беларусь с государствами Северо-Восточной Азии.....	№ 5
В.Михеев. Глобализация и корейская проблема.....	№ 2
Нгуен Ван Бинь. Развитие отношений между Вьетнамом и США после окончания военного конфликта в Индокитае.....	№ 6
В.Портяков. Новые китайские мигранты в России: промежуточные итоги.....	№ 3
А.Сенаторов. Япония: от "одинокого пацифизма к "обычной стране"?.....	№ 1
И.Троескурова. Россия и АТЭС: перспективы сотрудничества в новых условиях.....	№ 1
В.Федотов. Россия и АТЭС.....	№ 2
Ф.Хамраев. Китайско-туркменские отношения на современном этапе.....	№ 6
А.Шлындов. Военно-техническое сотрудничество между Россией и Китаем. Современное состояние, проблемы и перспективы.....	№ 6
Ю Се Хи. О перспективах реформирования и открытия Северной Кореи.....	№ 3

НАШИ РЕФЕРАТЫ

Сюэ Сяньтянь, Луань Цзинхэ. История и действительность китайско-российских отношений — от трех союзов к Договору о добрососедстве, дружбе и сотрудничеству.....	№ 3
---	-----

РОССИЙСКИЙ ДАЛЬНИЙ ВОСТОК

Е.Деваева. Экономическое сотрудничество Дальнего Востока России со странами Северо-Восточной Азии: состояние, проблемы, перспективы.....	№ 1
В.Ларин. Китайский фактор в общественном сознании российского приграничья, срез 2003 года.....	№ 4
А.Левинталь. Развитие внешнеэкономических связей Дальнего Востока России: проблемы и перспективы.....	№ 2

Л.Забровская. Миграционные процессы на Дальнем Востоке и российская зарубежная диаспора (К итогам III Тихоокеанского форума во Владивостоке).....	№ 2
Р.Моисеев. Проблемы интеграции экономики Камчатки в международный и дальневосточный рынки.....	№ 3
Н.Нырова. Китайские компании приграничной торговли и их место в международной преступной деятельности.....	№ 1
А.Тарасов. Торговые связи Забайкалья с Китаем.....	№ 3

ОБЩЕСТВО

Н.Ахметшин. Смертная казнь в КНР: правовое регулирование и практика применения.....	№ 6
Е.Пашенко. Обновленный Закон КНР об авторском праве.....	№ 2
О.Почагина. Наркомания и китайская молодежь.....	№ 5

ЭКОНОМИКА

Я.Бергер. Об энергетической стратегии Китая.....	№ 3
Я.Бергер. К столетию Сюэ Муцяо.....	№ 6
О.Борсх. "Феномен Чжан Учана": споры вокруг го́нконгского экономиста в КНР.....	№ 4
Е.Бирюлин. Борьба с опустыниванием и оскудением мира животных в Китае.....	№ 2
В.Карусов, А.Кудин, Д.Калашников, К.Анкилов. Китай в ВТО: уроки поддержки национального бизнеса.....	№ 1
В.Мигеев. Страны Восточной Азии и степень освоения ими "новой экономики".....	№ 3
Е.Митылов. Восточноазиатская интеграция: опыт из прошлого российско-японской торговли.....	№ 3
✓ З.Муромцева. Фармацевтика в КНР — отрасль "новой экономики".....	№ 6 ✓
Л.Новоселова. Рынок капитала в Китае.....	№ 5
В.Портяков. Россия и Китай в мировой экономике.....	№ 6
М.Поталов. О перспективах развития экономики Восточной Азии (заметки с Дахового саммита АТЭС).....	№ 1
М.Тригубенко. Российско-вьетнамское экономическое сотрудничество: преодоление торжимения.....	№ 4
И.Трофимов. Российская Транссибирская магистраль — "окно в Европу" для стран-членов АТЭС.....	№ 6
И.Цетлер. Япония: бизнес и политика.....	№ 2
Л.Хобва. Сингапур — налоговое убежище для европейских бензовозских вкладов.....	№ 2

ОБРАЗОВАНИЕ

В.Пех. Некоторые черты системы образования в Республике Корея.....	№ 2
--	-----

ИСТОРИЯ

В.Блажков. К 100-летию японо-русской войны (1904-1905): урок для современных политиков.....	№ 2
С.Локсарев. Ли Дэнхун. О "территориальных претензиях" и "неравноправных договорах" в российско-китайских отношениях: мифы и реальность (Комментарий академика С.Л.Тихвинского).....	№ 4
И.Тригорин. Российско-корейский договор 1884 г. о дружбе и торговле (к 120-летию заключения).....	№ 6

<i>К. Марш (США)</i> . Распад Советского Союза и проблемы новой России: уроки для Китая.....	№ 2
<i>А. Москалев</i> . Проблемы нации, национализма, национального духа в текстах Чан Кайши (Цзян Чжунчжэна).....	№ 5
<i>О. Пироженко</i> . "Утерянная земля": китайско-корейские разногласия в трактовке истории Когурё.....	№ 6
<i>Е. Таскина</i> . Харбинские коммерческие училища КВЖД.....	№ 1 ✓
<i>А. Усова</i> . К вопросу о численности жителей зазейских деревень и их этнический состав во второй половине XIX века.....	№ 6
<i>А. Хисамутдинов</i> . К истории русской общины в Пекине.....	№ 2
<i>Ян Куйсун</i> . Общая характеристика отношений между ВКП(б) (КПСС), Коминтерном и КПК до 1949 года.....	№ 6

МЕМУАРЫ

<i>А. Николаев</i> . Токийский трибунал 1946 года (из воспоминаний участника процесса).....	№ 3
---	-----

ФИЛОСОФИЯ

<i>Лян Шумин</i> . В чем специфика китайской культуры? (Перевод с китайского и предисловие А. Калкаевой).....	№ 4
---	-----

ЭНЦИКЛОПЕДИЯ "ДУХОВНАЯ КУЛЬТУРА КИТАЯ"

<i>Н. Боровская</i> . Педагогическая мысль в контексте китайской культуры.....	№ 4
<i>Б. Доронин</i> . Историописание в императорском Китае.....	№ 6
<i>В. Сорокин</i> . Слова, звучащие тысячелетия.....	№ 1
<i>М. Титаренко, В. Феоктистов</i> . Китайская философия как часть мировой философии.....	№ 2

КУЛЬТУРА

<i>О. Арин</i> . Русская художница с китайским восприятием мира.....	№ 1
<i>Гао Ман</i> . Ба Цзинь и русская литература.....	№ 5
<i>О. Железняк</i> . Россия и Япония: некоторые аспекты культурного обмена в эпоху глобализации.....	№ 4
<i>С. Торопцев</i> . Китайская культура у врат глобализации.....	№ 2
<i>Ван Мэн</i> . Волна глобализации и строительство культурной державы (перевод с китайского С. Торопцева).....	№ 2

ПАМЯТНЫЕ МЕСТА КИТАЯ

<i>В. Буров</i> . Лоян.....	№ 6
-----------------------------	-----

В ОБЩЕСТВЕ РОССИЙСКО-КИТАЙСКОЙ ДРУЖБЫ

<i>Г. Куликова</i> . Юбилейные даты в истории КНР и российско-китайских отношениях.....	№ 6
<i>Г. Куликова</i> . 100-летие со дня рождения Дэн Сяопина.....	№ 4

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>К. Асмолов</i> . В центре исследований безопасности в АТР, Гонолулу.....	№ 3
<i>О. Борох, А. Ломанов</i> . Ху Аньган — Почетный доктор ИДВ РАН.....	№ 4

С.Врадий. На международной научной конференции "Китай и Россия в Северо-Восточной Азии: пути и перспективы стратегического взаимодействия".....	№ 5
А.Карнеев. Встреча с Президентом АН Китая Лу Янсяном.....	№ 4
А.Карнеев. Международная конференция по современной истории Китая.....	№ 6
А.Карнеев. Научная конференция "Шанхайская организация сотрудничества: проблемы и перспективы межгосударственных отношений в евроазиатском регионе".....	№ 5
А.Коробова. Конференция к столетию со дня рождения Ба Цзиня.....	№ 4
На международном конгрессе востоковедов.....	№ 5
В.Портяков. На конференции в Дании по проблемам зарубежных китайцев.....	№ 4
В.Чуванкова. Защита диссертаций в ИДВ РАН в 2003 году.....	№ 1

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

В.Дацзышен. Отклик на публикацию статьи Ныровой Н.Н.....	№ 4
--	-----

РЕЦЕНЗИИ

А.Волохова. Бажанов Е.П. Современный мир. Избранные труды.....	№ 3
Н.Гуреева. Как управляется Китай: эволюция властных структур Китая в конце XX — начале XXI вв.....	№ 5
А.Григорьев. Ларин А.Г. Китайцы в России вчера и сегодня. Исторический очерк.....	№ 2
В.Гринюк. Цветова И.А. Эволюция современной партийно-политической системы Японии.....	№ 4
В.Грайворонский. Белов Е.А. Барон Унгерн фон Штернберг. Биография. Идеология. Военные походы.....	№ 4
А.Желоховцев. Китайская лирика. Золотая серия китайской литературы. Перевод, предисловие, комментарии М.Басманова.....	№ 4
А.Желоховцев. Рифтин. Классический роман и предания.....	№ 5
В.Кашин. Цянь Цичэнь. Десять очерков по проблемам внешней политики.....	№ 6
Г.Кадымов. Сборник статей "АСЕАН и ведущие страны АТР: проблемы и перспективы".....	№ 6
С.Комиссаров, Ю.Азаренко. Москалев А.А. Теоретическая база национальной политики КНР (1949-1999).....	№ 1
Вл. Ф. Ли. Толстокулаков И.А. Развитие демократического процесса в Южной Корее в период VI Республики.....	№ 3
Вл. Ф. Ли. Ли Л.Е. Повествование о Ли Дон Хви.....	№ 1
В.Михеев. Потапов М.А. Внешнеэкономическая модель развития стран Восточной Азии.....	№ 2
Ю.Песков. Шэн Чжихуа. Советские специалисты в Китае (1948-1960).....	№ 2
В.Портяков. Китай и развитие мировой экономики (2004).....	№ 5
А.Сенаторов. Эбата Консуке. Прогноз конфликтов в мире до 2015 года.....	№ 4
Г.Степанова. Батчаев Э.О. Правовое регулирование деятельности политических партий на Тайване.....	№ 3
В.Сорокин. Алексеев В.М. Труды по китайской литературе. В двух томах.....	№ 3
Ю.Щербанин. Россия и АСЕАН. Тематический сборник.....	№ 4

А.Юркевич. В.К.Блюхер в Китае 1924-1927 гг. Новые документы главного военного советника.....	№ 5
Г.Яскина. Полвека без войны и без мира: Корейский полуостров глазами российских ученых.....	№ 2

ЮБИЛЕЙ УЧЕНОГО

Михаилу Леонтьевичу Титаренко 70 лет.....	№ 3
Антонову Владимиру Ивановичу 80 лет.....	№ 1
Якову Михайловичу Бергеру 75 лет.....	№ 5
75 лет Виктору Николаевичу Барышникову.....	№ 5
Аида Семеновна Ипатова.....	№ 1
К юбилею Анастасии Ивановны Картуновой.....	№ 2
Андрею Мефодьевичу Ледовскому 90 лет.....	№ 6
Мороз Ирине Тимофеевне 80 лет.....	№ 6
Ивану Николаевичу Наумову 80 лет.....	№ 2
К 75-летию Юрия Семеновича Пескова.....	№ 6
Олегу Борисовичу Рахманину 80 лет.....	№ 5

Содержание журнала "Проблемы Дальнего Востока" за 2004 год.....	№ 6
---	-----

*Мнение автора не обязательно совпадает с точкой зрения редакции.
Рукописи не рецензируются и не возвращаются.
Перепечатка материалов без согласия редакции не разрешается.
При использовании их в любой форме, в том числе в электронных СМИ,
ссылка на журнал "Проблемы Дальнего Востока" обязательна.*

Сдано в набор 20.10.2004 г. Подписано к печати 17.11.2004 г. Формат бумаги 70x100 1/16
Офсетная печать. Усл. печ. л. 15,6. Усл. кр.-отт. 14,7 тыс. Уч.-изд. л. 14,6. Бум. л. 6,0
Тираж 928 экз. Зак. 8841

Учредители: Российская академия наук, Институт Дальнего Востока РАН

Адрес издателя: 117997, Москва, Профсоюзная ул., 90
Адрес редакции: 117997, Москва, Нахимовский проспект, 32
Тел. 124-09-02; e-mail: pdv@ifes-ras.ru

Оригинал-макет © 2004 г. Дмитрий Славинский
Отпечатано в ППП, "Типография "Наука", 121099, Москва, Шубинский пер., 6

Требования к материалам, предоставляемым авторами в редакцию

Редакция и редколлегия журнала "Проблемы Дальнего Востока" приветствуют направление в журнал рукописей статей, отражающих научную разработку различных аспектов современного положения и тенденций развития стран и регионов российского и зарубежного Дальнего Востока, процессов в АТР, многосторонних и двусторонних отношений стран региона. Журнал помещает также статьи и документальные публикации, посвященные проблемам прошлого стран Дальнего Востока, которые важны для понимания современности. Приветствуется также направление в журнал рецензий на новейшие издания по соответствующей тематике.

1. Статья по объему, как правило, не должна превышать 1 авторского листа (40 тыс. знаков).

2. Статья должна сопровождаться аннотацией с кратким изложением ее содержания и основных положений (около 600 знаков).

3. Статьи и аннотации представляются в электронном виде на дискете 3,5" с указанием имени файла в формате MS Word 6.0 для Windows или в формате RTF с распечатками текстов в 2 интервала.

4. Графические файлы предоставляются отдельно в файлах формата TIFF с разрешением не менее 300 dpi.

5. Китайские имена и названия даются в системе Pinyin.

6. Сноски даются в конце статьи. Оформление сносок:

Книги.

а) *На русск. яз.* Автор. Название. Место издания: Издательство, год издания. С...

б) *На кит. яз.* Автор. Транслитерация китайского названия книги [Перевод названия на русск. яз.]. Место издания: Издательство, год издания. С...

в) *На англ. яз.* Author. Title of Book. Place of Publication: Publisher, date. Pp. ...

Статьи.

а) *Из печатных изданий*

Автор статьи. Название статьи // Название издания. Место, год (дата) издания. (Т.) N... С...

б) *Из интернета*

Автор статьи. Название статьи // Полный электронный адрес.

*Консультации по вопросам подготовки статьи к опубликованию в журнале
можно получить по тел.: (095) 124-09-02.*

Редакция оставляет за собой право редакторской правки.

Ответственность за достоверность опубликованных в статьях сведений несут авторы.